

ВКУСНАЯ, ЗДОРОВАЯ
И НЕЗДОРОВАЯ ПИЩА
ПЕТРОВСКОЙ РОССИИ

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

НАМ 14 ЛЕТ

КАЗАЛОСЬ, ЭТО БЫЛО ТОЛЬКО ВЧЕРА. А НА САМОМ деле уже четырнадцать лет прошло с тех пор, как создан фонд «Русский мир». Главной задачей новой организации стала поддержка распространения русского языка, а также информация о русской культуре. Для этого открывались Русские центры и Кабинеты Русского мира.

На сегодня в 52 странах действуют 119 Русских центров и еще 139 Кабинетов Русского мира открыто в 58 странах. И даже в год пандемии открылись Русские центры в Турции (Стамбуле), Болгарии (Плевене) и Южной Осетии (Цхинвале). К сожалению, в последние годы на фоне ухудшения отношений с Западом усилилось давление на представителей «Русского мира» в ряде стран. Русский язык и русская культура стали рассматриваться как «враги» или, по крайней мере, как «нежелательные организации». В некоторых странах центры были закрыты, сотрудничество по этой гуманитарной линии свернуто. Так, еще в 2014 году прекратилось сотрудничество «Русского мира» с Оксфордским университетом. Настоящей травле подверглись центры на Украине. Одна из последних потерь – закрытие Центра русского языка в Краковском педагогическом университете в начале года, он проработал там десять лет. Учитывая нынешние российско-польские отношения, можно даже удивиться, что центр не закрыли раньше. Но, как говорится, все проходит, и это пройдет.

Мы надеемся, что рано или поздно политические предрассудки уступят силе великой русской культуры, а изучение русского языка перестанет рассматриваться в некоторых странах как «подрывная деятельность иностранных агентов». Что касается фонда «Русский мир», то пока что он вступил только в «подростковый возраст». Все еще впереди.

РУССКИЙ МИР

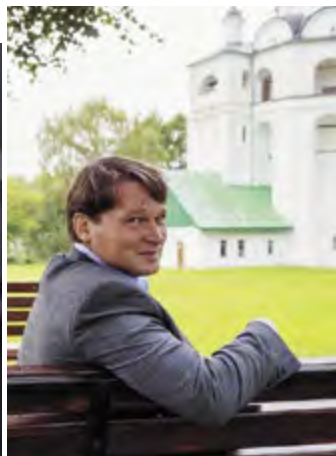
06 Пушкин, история и «Русский мир»

08 За что в Латвии судят филолога

ИНТЕРВЬЮ

12 «Главное в войне – победа»

18 Неизвестная антропология

ИСТОРИЯ

26 Власть ведьм

36 Тайная миссия капитана Муловского

44 Похлебка простая и яства преизрядные

КУЛЬТУРА

50 Тени прошлого

НАСЛЕДИЕ

58 Чиновник из Китежа

66 «Над скукой дач...»

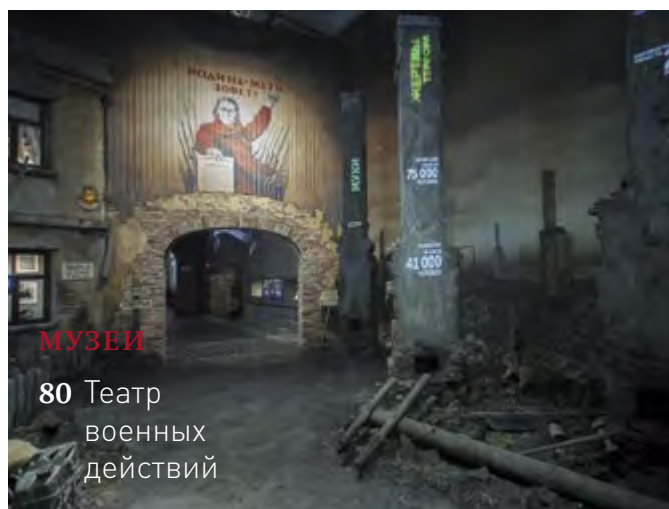

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

74 Мастерок
и мистика

МУЗЕИ

80 Театр
военных
действий

ПУТЕШЕСТВИЕ

90 Рыба, лук
и староверы

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Мария БАШМАКОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Даниил ВЕДЕРНИКОВ
Максим ГУСЕВ
Александра ЗАБРОДИНА
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Андрей СЕМАШКО
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.

Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.

Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.

Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.

Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной думы по образованию и науке, председатель правления Фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.

Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОГДАНОВ С.И.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

КОРТАВА Т.В.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ОСАДЧИЙ М.А.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ШЕВЦОВ П.А.

Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.

Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

ВАРЛАМОВ А.Н.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.

Председатель попечительского совета федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования»

ВЕРШИНИН С.В.

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КРОПАЧЕВ Н.М.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕВЕРОВ И.С.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной думы по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.

Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЬЯН М.С.

Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.

Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

РИА НОВОСТИ

ПУШКИН, ИСТОРИЯ И «РУССКИЙ МИР»

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

ГЛАВА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР» ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ ПРЕДСТАВИЛ СВОЮ НОВУЮ КНИГУ – «ПУШКИН: БОЛДИНСКИЕ ОСЕНИ», РАССКАЗАЛ О ПЕРЕВОДАХ СВОИХ РАБОТ НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И ОТВЕТИЛ НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТОВ О РАБОТЕ ФОНДА «РУССКИЙ МИР». МЕРОПРИЯТИЕ ПРОШЛО В ПРЕСС-ЦЕНТРЕ МЕДИАГРУППЫ «РОССИЯ СЕГОДНЯ» 4 ИЮНЯ 2021 ГОДА – НАКАНУНЕ ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА, КОТОРЫЙ ООН С 2010 ГОДА ОТМЕЧАЕТ КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ РУССКОГО ЯЗЫКА.

БОЛЬШОЕ БОЛДИНО – ЭТО Нижегородская область, которую Вячеслав Никонov представляет в Государственной думе седьмого созыва. Свою книгу автор посвятил творче-

ству Пушкина в Болдине, где он писал в 1830, 1833 и 1834 годах. «У лукоморья дуб зеленый», «Мой дядя самых честных правил», «Жил-был поп, Толоконный лоб», «Я к вам пишу – чего же боле?» –

строки, хорошо знакомые всем россиянам, уверен Вячеслав Никонov. Он назвал Пушкина частью каждого из нас, отметив, что по степени влияния на современное российское сознание и на российскую цивилизацию с Пушкиным, наверное, сравним только Ленин.

«Болдинская осень – это безусловный феномен. Ничего подобного в истории мировой литературы, мировой культуры я не знаю», – заявил Вячеслав Никонov. Он напомнил, что политические взгляды поэта со временем менялись. «Юный Пушкин, полный восторгов и освободительных мыслей, очень отличается от Пушкина зрелого, Пушкина болдинского периода, который был уже человеком высокой гражданственности и взглядов скорее консервативных, нежели либеральных», – сказал Вячеслав Никонov.

Размышления о судьбах русского дворянства, русской аристократии, рода Пушкиных, о «любви к родному пепелищу, любви к отеческим гробам» – именно эти мотивы можно обнаружить в произведе-

Из-за ограничений, связанных с коронавирусом, гостей и участников было немного

дениях, написанных поэтом осенью 1830 года в Болдине. Здесь были созданы «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», «Сказка о попе и о работнике его Балде», стихотворения «Бесы», «Герой» и «Элегия», написано несколько критических статей, завершена работа над «Евгением Онегиным».

Уже в свой первый приезд в Большое Болдино, в 1830 году, Пушкин, как отметил Вячеслав Никонов, начинает изучать родословную своего рода в контексте русской истории. А во вторую Болдинскую осень, в 1833 году, писатель всерьез занялся изучением Пугачевского бунта. Он посетил места пугачевских событий, пообщался с жителями, которые помнили о них, изучил местные архивы.

«История Пугачевского бунта», на мой взгляд, одна из самых блестящих историй, написанных русскими мыслителями. Блестящее историческое прежде всего исследование. Так надо писать на самом деле историю», – подчеркнул Вячеслав Никонов.

В Болдине были написаны также «Пиковая дама», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Медный всадник», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о золотом петушке», стихотворение «Унылая пора! Очей очарованье!» и поэма «Анджело». В этой поэме Вячеслав Никонов отметил центральную мысль: «власть верховная не терпит слабых рук». «Я считаю, что это один из главных принципов российской политики. У нас верховная власть точно не терпит слабых рук, и когда у нас появлялись слабые руки, вот тут у нас проблемы и начинались», – сказал Вячеслав Никонов.

Он напомнил, что в Болдине Пушкин собирался написать историю своего рода. Закончить работу он не успел, но сохранились наброски широкого исторического масштаба. Вячеслав Никонов уверен: если бы Пушкину было отпущено больше времени, он бы написал историю Петра I, а также историю России. Наброски к этим работам сохранились. «Он бы сделал это ничуть не хуже Карамзина, при его таланте, при его перу, скрупулезности», – подвел итог Вячеслав Никонов.

СЕМЬ КНИГ

Вячеслав Никонов также анонсировал и свою другую книгу – «1612 год: как Нижний Новгород Россию спасал». По мнению автора, Россия неуязвима для завоевателей, но действительную опасность для нашего государства несут смуты. Яркий пример тому – Смутное время. В 1612 году в Кремле уже хозяйничали поляки, над страной нависла угроза реального уничтожения. Именно тогда в Нижнем Новгороде родилась спасительная идея народного ополчения.

«Нас никто не завоевывал. Это безнадежное дело. Мы – страна с пятисотлетним суверенным существованием. Но мы можем разваливаться изнутри», – сказал Вячеслав Никонов, добавив, что книга именно об этом.

Автор отметил, что в прошлом году вышло семь его книг. В том числе две – за рубежом. «Молотов: наше дело правое» была переведена и издана во Франции, а «Код цивилизации» – в Великобритании.

РАБОТА ФОНДА

Вячеслав Никонов сообщил, что в апреле президент Российской Федерации Владимир Путин своим указом изменил структуру фонда «Русский мир»: попечительский совет фонда превращен в высший надзорный орган. Его председателем

Книга «Пушкин: Болдинские осени» вышла в издательстве «Просвещение»

назначен заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации Дмитрий Козак. Председателем же созданного Наблюдательного совета стал советник президента РФ Владимир Толстой.

Из-за эпидемиологической обстановки XIV Ассамблея Русского мира в 2020 году прошла в формате видеоконференции. В удаленном режиме ее участниками стало около 15 тысяч соотечественников из 102 стран. Вячеслав Никонов выразил надежду, что Ассамблея Русского мира, Педагогический форум и Конгресс преподавателей русского языка в 2021 году удастся провести в смешанном формате.

По словам Вячеслава Никонова, многие программы фонда были переведены в дистанционный режим. Больше грантов выделялось именно на интернет-проекты.

Вячеслав Никонов отметил рост русофобии на Западе. Так, новое руководство Краковского университета в Польше закрыло Русский центр фонда. Тем не менее в 2020 году были открыты Русские центры в Турции, Болгарии и Южной Осетии, а также начали работу пять новых Кабинетов Русского мира: в Турции, Германии, Австралии, Ливане и Белоруссии. А уже в 2021 году были открыты Русский центр в Танзании и Кабинет Русского мира в Луганском государственном педагогическом университете.

Продолжая тему русофобии, Вячеслав Никонов напомнил, что ее истоки лежат еще в XV веке, когда Иван III отказался присоединить страну к католическому миру. Именно тогда русских стали называть «варварами». Такое отношение к нашей стране Вячеслав Никонов назвал частью западной идентичности, изменить которую не получится. «России рукоплескали редко в мировой истории и только тогда, когда мы разваливались», – сказал он. Вячеслав Никонов закончил пресс-конференцию на позитивной ноте. Китай и ряд других государств мира, в которых живут 80 процентов жителей планеты, это страны, в которых нет проблем с имиджем России. Глава фонда выразил уверенность в том, что и через пятьдесят, и через сто лет русская культура будет жить. ■

ЗА ЧТО В ЛАТВИИ СУДЯТ ФИЛОЛОГА

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ВО ВРЕМЯ ПРОХОДИВШЕГО НЕДАВНО В РИГЕ ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ХОККЕЮ СЛУЧИЛСЯ ГРОМКИЙ СКАНДАЛ. МЭР ЛАТВИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ МАРТИНЫШ СТАКИС И МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭДГАР РИНКЕВИЧ ДЕМОНСТРАТИВНО СНЯЛИ С ФЛАГШТОКА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФЛАГ БЕЛОРУССИИ У ОТЕЛЯ, ГДЕ ЖИЛИ СПОРТСМЕНЫ. А ДЕПУТАТ ПАРЛАМЕНТА ЛАТВИИ, СКУЛЬПТОР И ОДНОПАРТИЕЦ РИЖСКОГО МЭРА АЙГАРС БИКШЕ ОПУБЛИКОВАЛ ПОСТ В «ФЕЙСБУКЕ», В КОТОРОМ ПРЕДЛОЖИЛ ВЗЯТЬ В ЗАЛОЖНИКИ БЕЛОРУССКУЮ СБОРНУЮ, ЧТОБЫ ПОТОМ ОБМЕНЯТЬ ЕЕ НА ВСЕХ «ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ» БЕЛОРУССИИ...

И В ЭТИ ЖЕ ДНИ В РИГЕ прошло очередное судебное заседание по делу координатора «Тотального диктанта» Александра Филея. Русского филолога, знатока истории Риги судят за пост в «Фейсбуке» двухлетней давности.

СЛОВА НЕТ, А ОБВИНЕНИЕ ЕСТЬ

17 июня 2019 года в своем аккаунте Александр поздравил «всех причастных с праздником». И дал пространное пояснение собственного видения неоднозначных исторических событий, происшедших

17 июня 1940 года, когда в Латвию с согласия лидера страны Карлиса Улманиса вошли войска Красной армии. Весь авторский текст, написанный в ироничном духе, приводить не буду из-за его объема, но вот главные выдержки из него:

«...Ровно семьдесят девять лет назад в Латвию, погруженную в диктаторский режим, который строился на принципах свирепого национализма, был введен ограниченный контингент Красной армии. Этот акт привел к скорому установлению советской власти. <...> А Латвия была вовсе не против стать советской. Рабочее движение было мощным и развернутым. <...> Вся латвийская армия, клявшаяся в верности «вадонису», тут же влилась в ряды РККА. Безропотно и бестрепетно. Латвийские чиновники начали отчаянную подковерную борьбу за доступ к властным механизмам <...> Лето 1940 года принесло многим тысячам людей долгожданное освобождение от непосильного латифундистского гнета. Особенно бедным малоземельным крестьянам, подневольным батракам и обездоленным рабочим, а также студен-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

там, которые в принудительном порядке отправлялись на лесоповал и торфозаготовки. Поэтому эту дату надо уважать и почитать. Эта дата подарила надежду и вторую жизнь. В том числе и еврейским семьям, попавшим под высылки в Сибирь. Оставшимся в Латвии завидовать было нечего...»

После этого «вегетарианского», по сравнению с террористическими фантазиями депутата Бикше, поста в «Фейсбуке» жизнь молодого учителя русской литературы резко изменилась. Служба госбезопасности Латвии завела против автора уголовного дело по статье 74 прим: «За публичное прославление геноцида, преступлений против человечности, преступлений против мира и военных преступлений либо за публичное прославление, отрицание, оправдание или грубое пренебрежение совершенного геноцида, преступлений против человечности, преступлений против мира и военных преступлений, в том числе и публичное прославление, отрицание, оправдание либо грубое пренебрежение совершенного СССР или нацистской Германией на территории Латвии геноцида, преступлений против человечности, преступлений против мира и военных преступлений наказывают...» Наказание – до четырех лет лишения свободы.

Статья эта в Уголовном кодексе Латвии появилась в 2014 году. В обществе ее обычно называют «за отрицание оккупации». Именно так, со ссылкой на СГБ, в местных СМИ сообщили о предъявлении члену «Русского союза Латвии» Филею обвинения в «публичном отрицании оккупации Латвийской республики и прославлении осуществленных СССР военных преступлений».

У юристов и правозащитников это сообщение вызвало недоумение. В законе слово «оккупация», как и наказание за ее отрицание, не упоминаются. Да, в 2014 году некоторые депутаты предлагали ввести ответственность за «оправдание агрессии Советского Союза по отношению к Латвии», но предложение не прошло. Таким образом, в законе нет слова «оккупация», значит, не запрещено и ее отрицание. Но слова нет, а обвинение Филею есть.

Активист «Русского союза Латвии» Александр Филей и сам не раз выступал в защиту жертв политических репрессий и «шпиономании»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

СТУЧАТЬ ВСЕГДА, СТУЧАТЬ ВЕЗДЕ

Строго говоря, ни одно из 16 возможных преступлений, перечисленных в новой 74-й статье УК, к написанному Филеем «прицепить» нельзя. Если, конечно, исходить из юридических принципов, а не руководствоваться «линией партии». В пресс-релизе СГБ, например, помимо «отрицания оккупации» в качестве вины автора текста упомянуто «прославление осуществленных СССР военных преступлений». Но, помилуйте, о каких военных преступлениях идет речь, если в июне 1940 года на территории Латвии не было даже вооруженного конфликта? Войска Красной армии летом 1940 года были введены в страну хоть и под определенным политическим давлением – не будем этого отрицать, – но по согласованию с руководством страны, после подписания соответствующих документов. При этом не прозвучало ни единого выстрела, не говоря уже о нападениях на гражданские объекты, убийствах или грабежах, что можно было бы отнести к военным преступлениям.

Но в наши дни нашлись в Латвии смелые люди «с повышенной гражданской ответственностью», которые не рискнули вступать с автором поста в полемику, а пошли прото-

ренной дорогой – написали донос в Службу госбезопасности. Первым был некий Дмитрий Голубев из партии «Новое единство». 17 июня 2019 года он прочитал в «Фейсбуке» пост своего более популярного и известного в Латвии ровесника – Александра Филея. И возмутился. Но, как это, казалось бы, принято в цивилизованном обществе, спорить с ним не стал, а отправил заявление на Филея в местное СГБ. Объясняя потом в СМИ свой поступок, назвал себя законопослушным человеком, который просто обязан при обнаружении любого правонарушения сообщать куда следует. По его мнению, в Латвии не должно быть людей, считающих, что «оккупация – это хорошо».

Второе заявление по тому же адресу направила латышская журналистка, заместитель редактора некогда главной партийной газеты Латвии, а ныне – издания националистического толка, Элита Вейдемане. Та самая, которая в своей ненависти к русскоязычным жителям Латвии давно перешла все мыслимые границы приличия. Пожалуй, нет сегодня в Латвии второго такого образчика русофобии, как эта бывшая сотрудница печатного органа «советского режима». Когда-то, еще до появления на свет Филея и его политического конкурента Голубева,

мы с Элитой работали в одном Доме печати на соседних этажах, я – в русской редакции газеты «Советская молодежь», она – в латышской. Вейдемане и тогда отличалась бойким пером и служила верой и правдой тому самому «оккупационному режиму», в прославлении которого она сегодня гневно обвиняет молодого филолога...

Сегодня моя бывшая коллега чаще выступает в ином жанре – политического доноса. Она не только не скрывает этого, но и с гордостью рассказывает об этом в своей газете Neatkarīga. «Я не смогла сдержать свою благодарность и отправила заявление в Службу госбезопасности, где среди прочего отметила: «Филей опубликовал текст, в котором прославляет советскую оккупацию и оправдывает советские преступления, в том числе депортации. Публичное прославление военных преступлений – наказуемые действия. Также запрещено прославление оккупационного режима. Пожалуйста, оцените упомянутую публикацию. Это мое письмо прошу считать заявлением в Государственные правоохранительные службы». Искренне не понимаю! Ну не согласна ты с Филеем – пригласи его на дискуссию, изобличай, спорь, доказывай свою правоту. Ты же журналист, значит, человек подкованный. Или испугалась? А вдруг филолог, владеющий пятью языками, лучше знает историю Латвии и разнесет тебя публично в пух и прах?

ОТРИЦАЛ, ЗНАЧИТ, НАРУШАЛ?

Конечно, крик души скандальной журналистки не остался без внимания, и уголовный процесс против Филея был возбужден 25 июня 2019 года. Александра вызвали на допрос, после чего провели обыск в его квартире, изъяли компьютер и запретили выезжать из Латвии. Под подпиской о невыезде он находится по сей день, пока тянется в суде его дело.

До пандемии суд успел заслушать главных свидетелей, написавших заявления. Первый заявитель, Голубев, говорил сбивчиво и невнятно, а после того, как ему не разрешили читать по бумажке «домашние заготовки», признался, что

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В мире абсурда историки и филологи вынуждены вести дискуссии в зале суда

не силен в истории, а занимается IT-технологиями. Чем известна дата 17 июня, он был не в курсе. Помнит, что автор отрицал оккупацию и геноцид, значит, нарушил закон. Вторая свидетельница обвинения, Вейдемане, поведала судье об «ужасах советского периода и русских оккупантах», отобравших у ее семьи дом и хозяйство в 1940 году. Она обвинила Филея в искажении истории и ее неправильной трактовке. Серьезное уголовное преступление по нынешним временам! На судебные заседания для дачи показаний приглашались бывший ссыльный, семья которого благодаря депортации спаслась от рижского Холокоста, автор книг по истории военного периода, разнообразные эксперты с той и другой стороны. В качестве эксперта-историка обвинение пригласило сотрудника Музея оккупации. По просьбе следствия он написал отзыв о посте Филея, обвинив автора в том, что тот «умалчивал или не признавал роль СССР в развязывании Второй мировой войны».

На судебных заседаниях историки и филологи спорили, была ли Латвия в 1939–1940 годах нейтральной страной, напоминали друг другу, что было записано в договорах, заключенных Латвией с нацистской

Германией и Советским Союзом, насколько тяжелыми были условия жизни при правительстве Улманиса и распространено ли было коммунистическое движение в среде рабочих и крестьян. Эксперт-историк со стороны обвинения отметил, что, если бы не ввод советских войск в 1940 году, Латвия сохранила бы свою независимость и смогла бы обеспечить безопасность своих границ от вторжения немецких оккупантов летом 1941-го. Александр Филей задал вопрос эксперту: кто же тогда ценой своей жизни защищал Латвию в июне 1941 года во время вторжения гитлеровских войск? Оппонент был вынужден признать, что это делала только Красная армия.

Говорили в суде и о свободе слова, гарантированной Конституцией Латвии. Александр Филей поинтересовался мнением эксперта-историка, имеет ли право гражданин Латвии на выражение своего мнения по отдельным вопросам истории. «Да, право имеет, – согласился эксперт. И добавил: – Но только если его утверждения обоснованы и если у него есть ссылки на конкретные исторические источники». В ответ подсудимый предположил, что его оппонент просто не понимает разницы между академическим рефератом и полемическим постом

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

пасности в их сторону даже не посмотрит. Сотни подписей были собраны оскорбленными гражданами Латвии под заявлением в прокуратуру на депутата Шноре после его публикации в газете, где он назвал соотечественников «русскими вшами». Никакой реакции. Та же участь постигла жалобы и на других «титulyных» разжигателей этнической розни. То есть им можно все. Это та самая свобода слова, в которой русским филологам было отказано. Видимо, поэтому на депутата Бикше уже никто в СГБ не жаловался...

Однако вернемся к суду над Александром Филеем. На недавнем очередном заседании были заслушаны показания эксперта-лингвиста Николая Гуданца, сделавшего по просьбе защиты лингвистическую экспертизу текста Филея. «Судья долго допытывалась, насколько эксперт компетентен, – рассказывает Александр. – Николай Гуданец является сертифицированным специалистом с 26-летним стажем, он филолог, автор нескольких книг, член Союза писателей Латвии, состоит в Ассоциации независимой экспертизы. Как эксперт-текстолог, он сделал акцент на том, что я в своей публикации поддерживаю крушение режима диктаторского режима Улманиса. Ни для кого не секрет, что при Улманисе в Латвии процветал национализм, царила безработица, страна находилась в экономическом кризисе. Были закрыты школы и гимназии нацменьшинств. Из текстологического разбора видно, что никакого прославления «оккупации» в моем посте нет и в помине. Когда я писал эту безобидную заметку, даже не предполагал, что она перерастет в такой снежный ком. Я искренне верю, что падение режима Улманиса было благом для Латвии и ее народа...».

По мнению Филея, вся эта возня вокруг поста в соцсети предпринята с одной целью: подавить его политическую активность, а заодно отбить у других желание участвовать в русском общественном движении. Затяжные уголовные процессы, отнимающие нервы и средства, сами по себе являются формой наказания и запугивания неугодных. ❶

Рижский учитель литературы на митинге в защиту русских школ Латвии. 2018 год

в «Фейсбуке», где никто не обязан придерживаться научного стиля в изложении своего мнения. В противном случае пришлось бы пересаживать миллионы пользователей соцсетей.

И это не единственные странности в этом судебном процессе.

Почему в европейской стране вопросы трактовки исторических событий рассматриваются не на открытых дискуссионных площадках, а в зале суда? Почему на человека, высказавшего альтернативную точку зрения, не совпадающую с официально принятой, надо тут же заводить уголовное дело, проводить обыск у него в квартире, запрещать ему покидать страну и не возвращать изъятый ноутбук, имеющий в деле статус «орудия преступления»?

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ

Этот судебный процесс продемонстрировал победу политики двойных стандартов, ставшей обычной во многих странах Европы. В Латвии она носит откровенно этнический характер. Помимо Александра Филея за полемические публикации в соцсетях или на иных интернет-ресурсах в Риге судят доктора экономических наук Александра Гапоненко и журналиста Юрия Алексева.

Ранее уголовный процесс по подозрению в разжигании межнациональной розни был начат против 9 участников Всеобщего родительского собрания, следствие тянулось два года, затем дела были закрыты из-за отсутствия состава преступления в действиях родителей учащихся русских школ.

В декабре 2020 года уголовные дела были возбуждены сразу против 12 русскоязычных журналистов Латвии за то, что они как фрилансеры сотрудничают с российскими порталами «Спутник» и «Балтньюс». Это, по мнению властей, является нарушением международных санкций, наложенных в 2014 году персонально на генерального директора МИА «Россия сегодня» Дмитрия Киселева. Журналисты подверглись обыскам, допросам, у них были изъяты компьютеры, телефоны и даже банковские карты, им запретили покидать Латвию.

При этом представителям латышской интеллигенции можно совершенно безнаказанно называть своих русских сограждан «вшами», «генетическим мусором», публично призывать к депортации из Латвии инородцев или предлагать взять в заложники приехавших в Ригу спортсменов из соседнего государства. Местная Служба госбезо-

«ГЛАВНОЕ В ВОЙНЕ – ПОБЕДА»

БЕСЕДОВАЛА

МАРИНА КРУГЛЯКОВА [ФОТО АВТОРА]

КАПИТАН ПЕРВОГО РАНГА ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ СТАРОЖИЦКИЙ ПРОШЕЛ ВСЮ ВОЙНУ, СРАЖАЛСЯ НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ И НА БАЛТИКЕ. ПОСЛЕ УВОЛЬНЕНИЯ В ЗАПАС В 1961 ГОДУ РАБОТАЛ В ГОСУДАРСТВЕННОМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ НАВИГАЦИОННО-ГИДРОГРАФИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ. УЧАСТВОВАЛ В СОЗДАНИИ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДЛЯ ПОДВОДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ АППАРАТОВ. ТАКИЕ ПРИБОРЫ ИСПОЛЬЗУЮТСЯ, В ЧАСТНОСТИ, ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МИРОВОГО ОКЕАНА.

— **В** ИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ, РАССКАЖИТЕ О СВОЕЙ СЕМЬЕ И ДЕТСТВЕ.

— Я родился в разгар Гражданской войны в Саратове. Был неурожай, голод. Мой дед по отцу, генерал железнодорожных войск, и отец были ведущими инженерами управления Рязанско-Уральской железной дороги. Дед по матери – тоже путеец, мастеровой. После революции дорожных служащих не трогали, советская власть понимала, что специалисты нужны. В Саратове отец обслуживал огромную паромную переправу через Волгу.

У нас дома была очень большая библиотека. Я сам научился читать и часами просиживал за книгами. Учился хорошо и после школы поступил в Высшее военно-морское училище имени Фрунзе в Ленинграде.

— Почему вы решили связать свою жизнь с морем?

— Я волжанин, был гребцом, пловцом, яхтсменом. Среди моих наставников были те, кто прошел морскую службу и много рассказывал о ней. К тому же, когда я оканчивал школу, в воздухе уже пахло порохом.

В 1937 году я после девятого класса вместе с другими ребятами был мобилизован на месяц в Осоавиахимские лагеря для подготовки к военной службе. Тогда Осоавиахим был мощной организацией. И мы понимали, что отправили нас на сборы не случайно. Формировался резерв для вооруженных сил. В Саратове и по всей стране действовали аэроклубы, где тренировались будущие летчики.

Нам внушали, что Советский Союз окружают враги, которые препятствуют становлению и развитию нашей страны. Об этом говорилось в печати,

по радио, даже в кино. В фильме «Если завтра война» изображалось, как мы победоносно окружаем некоего агрессора. И мы многому верили.

— Ваши друзья, знакомые думали так же?

— Между собой на эту тему мы старались не рассуждать. В марте 1937 года мне было 18 лет, и я впервые участвовал в выборах депутатов Верховного Совета СССР. Тогда, помню, избрали первого секретаря Саратовского обкома партии Криницкого и почетного чекиста, соратника Дзержинского Стромина. А летом, когда мы вернулись из лагеря, узнали, что оба они – враги народа. Несколько наших преподавателей тоже были репрессированы. Директора школы Марию Александровну, годом ранее награжденную орденом, уволили за связь с врагом народа – тем самым Криницким. Его дочь училась в нашей школе, Мария Александровна однажды была у них в гостях. Учитель физкультуры Адольф Адольфович и его жена, преподаватель немецкого языка, разделили ту же судьбу. За что их наказали? Никто этого не знал. Долго не могли решить, кому вести физкультуру в старших классах, и предложили занять это место мне. Я занимался не только водными видами спорта, был еще лыжником, конькобежцем, гимнастом. Так что в десятом классе я учился, как все, и при этом вел уроки физкультуры.

— Вы были курсантом, когда началась война с Финляндией. Помните то время?

— Ленинград перевели на осадное положение, ввели затемнение, в нашем училище отменили все увольнения. В городе начались грабежи. Преподавательниц, которые по вечерам вели дополнительные консультации, курсанты провожали до дома. С собой брали винтовки с боевыми

патронами. В марте 1940 года наши войска взяли Выборг, наступило перемирие, постепенно все вернулось к нормальной жизни.

Я был очень увлечен гидрографией. Училище вспоминаю с благодарностью. Кстати, более половины наших преподавателей были в прошлом царскими офицерами. Они передали нам традиции русского флота. Мы подражали им, перенимали их военную выправку, ответственность, интеллигентность, культуру речи и поведения.

– *Когда и как вы оказались на фронте?*

– В июне 1941-го я приехал домой в Саратов, где намеревался провести отпуск. Прощаясь с нами в училище перед отъездом, командир пожелал всем хорошо отдохнуть. Только вышло, как вы понимаете, по-другому.

В Москве, когда я садился в поезд до Саратова, обратил внимание на скопление военных. Наш вагон практически весь был ими заполнен. Это были командиры разного звания из пригранич-

ных войсковых частей – от Молдавии до Белоруссии. Когда поезд тронулся, они достали водку, пиво, закуску. Захмелев, говорили, что на границе сосредоточено колоссальное количество немецких войск, а германские самолеты нарушают наше воздушное пространство, ведут аэрофотосъемку и визуальную разведку, а нашим средствам ПВО запрещено их сбивать. Командиров, что бьют тревогу, обвиняют в паникерстве. Как тогда я понял, всех моих попутчиков, вопреки графикам, в приказном порядке отправили в отпуск, запретив брать с собой жен и детей.

В Саратов я приехал подавленный тем, что услышал в дороге. 14 июня вышло заявление ТАСС с предупреждением: мол, ходят слухи, что немцы собираются напасть на СССР, но это провокация, у нас с Германией заключен мирный договор. Через неделю немцы на нас напали. Я услышал слова Молотова из репродуктора на улице. На следующий день я уехал в Ленинград. Когда поезд приближался к Татищеву, до нас донесся странный звук, напо-

Первый орден Красной Звезды Виктор Старожицкий получил в 1942 году за уничтожение полевых немецких укреплений; второй – в 1944-м за обеспечение боевого траления (разминирование). Всего у него более 40 правительственных наград

минающий звериный вой. Оказалось, на перроне в ожидании нашего состава стояла группа новобранцев, которых провожали близкие – жены, дети, родители, сестры и младшие братья. Все понимали, что сейчас расстанутся, и, возможно, навсегда. Был общий плач, смешанный со стонами и причитаниями. Этот звук долго стоял у меня в ушах и навсегда стал одним из образов войны.

В училище сформировали курсантский батальон. Нам выдали обмундирование сухопутных полевых войск, вооружили винтовками, гранатами, двумя пулеметами и направили оборонять ближние подступы к Ленинграду. Немцы тогда еще были далеко от города. Мы занимались охраной аэродромов от диверсантов. Искали ракетчиков, которые сигнализировали гитлеровским летчикам и направляли их огонь. Такие случаи были, но нашему подразделению ни одного вредителя поймать не удалось.

В августе, незадолго до блокады, ленинградские военно-морские училища эвакуировали в Астрахань. Там мы занимались до октября, затем нас досрочно выпустили и направили в морские стрелковые бригады. Я оказался на Карельском фронте.

– Многие тогда думали, что война быстро закончится...

– Эти представления быстро развеялись. С фронта стали приходить сведения, что дела там обстоят очень плохо. Армия была фактически разоружена, перед войной танки и самолеты стояли по приказу Сталина без горючего; так мы демонстрировали немцам наше миролюбие. Слухи об этом быстро просочились, и я понимал, что война будет длительной. Потом пошли сводки Совинформбюро. Нельзя было скрыть, что такой-то город, район или объект сдан, и становилось ясно – мы отступаем.

– Сколько времени вы воевали на Карельском фронте?

– Почти два года. Прошел в составе истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона 85-й морской стрелковой бригады от Медвежьегорска до Мурманска. В курсантском батальоне я был пулеметчиком, а на фронте стал артиллеристом – истребителем танков.

Во время боев мы главным образом стремились ликвидировать огневые точки противника. Наши разведчики находили цели, командование сообщало нам координаты, и мы их уничтожали. «Расчихвостивали», как мы выражались тогда, то есть громили немцев, освобождая дорогу нашим автоматчикам и пулеметчикам. Конечно, я, как и мои товарищи, боялся, что убьют, но никто этого чувства не показывал. Лично я был сосредоточен на боевой задаче и в такие минуты забывал обо всем, не видел, что рядом творится. Бывало, нас накрывало артиллерийским огнем, вокруг рвались мины, а я продолжал наводить орудие и стрелять. И только потом, когда пушки откатывали в укрытие, становилось не по себе – понимал, что чудом уцелел.

– Помогал ли уцелеть накапливаемый на фронте опыт?

– Вероятно, опыт отчасти помогал. Но, боюсь, от него далеко не все зависело. Смерть была делом случая. На войне все люди ходили по лезвию бритвы. Некоторые искали какие-то закономерности. Но во многих отношениях это все же было везение, вроде рулетки.

Среди моих товарищей-курсантов был Володя Ремённый из Хабаровска. Высокий стройный красавец. Мы вместе воевали на Карельском фронте. Раз, когда начался обстрел, Володя находился в блиндаже. В укрытии было маленькое световое окошко, 20 на 10 сантиметров, с треснувшим стеклом. И, подумать только, крошечный осколок снаряда пролетел именно в узкую щель в стекле. Володя сидел за столом, почему-то привстал, и осколок пробил ему сердце. Он мгновенно погиб.

И таких ситуаций, о которых знаю лично я, было немало. Зимой 1941/42 года мы занимали участок обороны, на котором осенью шли жестокие бои. Там обеими сторонами было заложено много противопехотных мин. Потом их засыпало снегом, который превратился в плотный наст. Мы протоптали по нему дорожки, не подозревая, что внизу скрыты мины. И они под толстым слоем снега не срабатывали. Но вот снег начал таять, и подорвалось несколько наших бойцов. Только тогда мы опомнились и начали разыскивать мины. Потом уже стали осторожнее. Так мы набирались смекалки, вырабатывали интуицию, учились воевать.

Пехоте приходилось тяжелее всего, огонь был направлен прежде всего против нее, пехотинцы несли больше всего потерь. Морякам свойственна некоторая флотская фанаберия: нас мало, но мы в тельняшках. Но я после службы в бригаде на всю жизнь проникся величайшим уважением к пехоте – это исполнительный, скромный народ, на который всегда можно положиться. У нас в дивизионе к поздней осени 41-го немало солдат успели повоевать на западных границах, это уже были опытные боевые старшины и рядовые, а я пришел «зеленым» лейтенантом. Правда, в училище я артиллерию изучал и противотанковой техникой овладел сразу же. Я был командиром батареи. Большинство подчиненных были опытнее и старше меня. Но не было ни одного случая, когда бы они подчеркивали свою компетентность и превосходство передо мной.

У меня есть орден Красной Звезды, орден Отечественной войны и другие, а самый дорогой для меня – нагрудный знак «Фронтовик». Потому что им награждают за участие в боях.

– Каким был ваш фронтовой быт?

– Как только мы занимали боевые позиции, оборудовали землянки. Благо в Карелии деревьев и камней навалом. Среди солдат было много настоящих умельцев. Они обустраивали наше жилье, где-то доставали буржуйки. Даже бани строили. Нередко, когда нас поднимали по трево-

ге и перебрасывали для поддержания других частей на новый участок фронта, мы занимали там уже построенные до нас землянки, а свои оставляли для следующих подразделений. Я был молодым и крепким, к тому же сказывалась спортивная закалка. Особых тягот в быту не ощущал.

Первые месяцы на фронте из продуктов была одна крупа. Потом нас выручали полярные конвои: из Америки, Канады пошли корабли с военными грузами и продовольствием. Нам начали поставлять тушенку и прочие консервы. Наладили и снабжение из колхозов, появились картофель, капуста, свекла. К 1942 году разрешили индивидуальные посылки на фронт. Почта работала исключительно четко, ничего не пропадало. Один из моих бойцов был до войны механизатором в колхозе, за несколько дней до мобилизации он женился. Очень переживал за жену, она ждала ребенка, а колхозникам приходилось несладко. И вот он получает из дома ящик ржаных сухарей. Над ним стали подшучивать, а он отвечал: «Мне эти сухари дороже всяких тортов, потому что я знаю, что они отняты от себя». Я тоже получил небольшой ящичек, который мама сама сколотила. Он был забит чесноком. И ребята сказали: «Виктор, какая у тебя мудрая мама!» Она еще по Первой мировой войне знала, что головка чеснока на фронте – самое нужное средство от недугов.

Карельский лес щедр на ягоды и грибы. У местных жителей в погребах оставалось много заготовок. Поскольку деревни стояли пустые, население эвакуировалось, мы использовали запасы. В свободное время охотились на рябчиков, тетеревов, куропаток, ловили рыбу. Когда я вернулся на Балтийский флот, рыба и там была ощутимой прибавкой к пайку. Балтийское море, кстати, было так начинено минами, что мы его называли «супом с клецками». Когда взрывается мина, артиллерийский снаряд или торпеда, рядом глушится много рыбы. Она всплывает на поверхность. На всех кораблях и судах водились большие самодельные сачки на длинных деревянных шестах, чтобы даже на ходу можно было с борта подхватывать оглушенную рыбу. Некоторые из моих товарищей утверждали, что выловленная таким образом треска, а особенно пикша, обладает замечательным вкусом.

Всех моряков отзывали с сухопутных фронтов в августе 1943 года по приказу Сталина. И мы вернулись во флот. Мне тогда пришла телеграмма из Главного штаба ВМФ, что меня откомандировывают в Ленинград в распоряжение главного совета КБФ (Краснознаменного Балтийского флота). Блокаду к тому времени уже сняли.

– *Какое впечатление на вас произвел Ленинград?*

– Это был почти безлюдный город. По Невскому ходил трамвай, я ехал в нем от Московского вокзала. При этом улицы были чистые, поврежденные дома замаскированы разрисованной фанерой. Въезд в город эвакуированным еще был запрещен, первые семьи стали возвращаться толь-

ко летом 1944 года. Конечно, город очень пострадал и изменился после блокады и войны. Я же остался практически еще дореволюционный Питер. С первого дня учебы я, да и все мои товарищи-курсанты, были в него влюблены. Помню, как я первый раз прибыл сюда: с деревянным чемоданчиком вышел из поезда, стою, не знаю, куда идти. Ко мне подошел пожилой гражданин, в пенсне, с усиками, довольно нелепо одетый, и участливо спросил: «Молодой человек, вы первый раз в Ленинграде? И, наверное, приехали учиться? Куда, если не секрет?» – «В военно-морское училище». – «Если вы мне немного заплатите, я провожу вас до самых дверей вашего прославленного училища и по дороге буду рассказывать обо всех достопримечательностях города». И он подробно рассказал мне тогда о каждом доме на Невском проспекте и его бывших владельцах. Такие люди служили, если хотите, культурным мостиком от Петербурга к новой, советской реальности. Во время войны многие из них умерли. В Северной столице поменялся социальный состав. Вероятно, это неизбежно, но мне жаль ушедшей неповторимой атмосферы.

– *Вернемся к 1943 году. В чем в этот период заключалась ваша служба?*

– В Адмиралтействе меня назначили главным гидрографом отдельного маневренного гидрографического отряда. Как только началась летняя кампания, я включился в работу. Участвовал в боевом тралении Нарвского залива и Нарген-Порккалаудской минной позиции. В составе специальной гидрографической разведгруппы прошел от Клайпеды до Щецина.

В январе 1945 года началось наступление наших войск в Восточной Пруссии и Померании, вдоль побережья Балтийского моря. А там же везде порты, гавани, базы, о которых мы ничего не знали. Мы собирали информацию об их состоянии и готовности принять наш флот.

– *Какое у вас самое страшное воспоминание о войне?*

– Это было на Карельском фронте. Никогда не забуду то озеро... На противоположном от нас берегу – немцы. С нашей стороны – небольшой мыс. Мы заняли огневые позиции. Меня назначили старшим группы, в которую вошли мои артиллеристы, подразделения пулеметчиков, минометчиков, рота сухопутчиков. Мыс был соединен с материком узким перешейком, на котором стояла разлапистая столетняя сосна – единственное дерево среди мелкого кустарника. И на ее вершине повис синий морской китель с распростертыми рукавами. Слово человек-невидимка в вышине раскинул руки. Как он туда попал? Под этой сосной ранней весной 1942 года на противотанковой мине подорвался лейтенант Жеребёнков, тоже из курсантов нашего училища. Взрыв был очень сильный, вероятно, с лейтенанта сорвало китель и забросило

Виктор
Старожицкий:
«Несмотря
на все трудности
и потери, у меня
о прожитых
фронтовых
годах хорошие
воспоминания»

на сосну. Представляете наши ощущения, когда мы каждый день ходили под этой сосной и видели этот китель? Это было пронзительное чувство – будто душа его парила над нами. Никому не пришло в голову китель снять. Это был памятник погибшему товарищу.

Страшно находить могилы людей, с которыми ты недавно вместе воевал. Помню, мы сменили бригаду, которая понесла большие потери. Я увидел вокруг небольшие холмики свежена-сыпанной земли, на каждом палочка с фанеркой и надпись. «Лейтенант Петр Грязнев», «Лейтенант Михаил Кашаев»... Все, что осталось от молодых, полных жизни ребят. Я смотрел и думал, что и эти могилки сохранятся год от силы, потом дождями и снегами холмик сровняется с землей, и следов не найти...

– **Что главное на войне?**

– Победа. В песне поют: «Мы за ценой не постоим...» Но это глупость. Почему многие исто-

рики из всего командного состава Великой Отечественной войны особо выделяют Рокоссовского? Потому что у него в войсках было меньше всего потерь. Я был свидетелем, как Рокоссовский воевал в Прибалтике. Он умел заботиться о бойцах, и они платили ему большим уважением. Не забуду, как над Гдыней и Данцигом тучей летали листовки за подписью Рокоссовского, в которых он ставил немецким генералам условия капитуляции. Каждый захваченный с оружием в руках будет уничтожен, а если сдадитесь, гарантирую то-то и то-то. И они сдавались, понимая, что если Рокоссовский сказал, то так и будет. Я очень корю себя за то, что не сохранил ни одной такой листовки, сейчас это был бы документ большой ценности. Так вот, главное в войне – победа. И надо сказать, в основном Красная армия воевала хорошо, особенно после Сталинградской битвы. Когда вспоминаю, как мы били нацистов, меня наполняет чувство гордости. 🇷🇺

НЕИЗВЕСТНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

БЕСЕДОВАЛИ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ, ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

АНТРОПОЛОГ, АРХЕОЛОГ И СКУЛЬПТОР МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ГЕРАСИМОВ В 1920-Х ГОДАХ РАЗРАБОТАЛ МЕТОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ СКЕЛЕТНЫХ ОСТАНКОВ. ТАЛАНТЛИВЫЙ УЧЕНЫЙ ПОДАРИЛ НАМ ВОЗМОЖНОСТЬ УВИДЕТЬ, КАК ВЫГЛЯДЕЛИ ЛЮДИ ПРОШЛОГО, СОЗДАЛ СВОЮ ШКОЛУ И ОСТАВИЛ УЧЕНИКОВ, ПРОДОЛЖАЮЩИХ РАЗВИВАТЬ ЭТОТ ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД. О ТОМ, КАК ПРОИСХОДИТ ЭТОТ ПРОЦЕСС, КАКИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СФОРМИРОВАЛИ РУССКИЙ НАРОД И ВЕРНА ЛИ ПОГОВОРКА «ПОТРИ РУССКОГО – НАЙДЕШЬ ТАТАРИНА», ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ АНТРОПОЛОГ И АРХЕОЛОГ, СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК НИИ И МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ МГУ, ДОЦЕНТ РОССИЙСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО УНИВЕРСИТЕТА СВЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА, ДИРЕКТОР НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА ПАЛЕОЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ЧЛЕН ПАТРИАРШЕЙ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ «ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ОСТАНКОВ» ДЕНИС ПЕЖЕМСКИЙ.

— **ДЕНИС ВАЛЕРЬЕВИЧ, НЕ ВСЕ ПОМНЯТ О ТОМ, ЧТО УДИВИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ СКЕЛЕТНЫХ ОСТАНКОВ БЫЛ СОЗДАН В РОССИИ И В ЧЕСТЬ АВТОРА ПОЛУЧИЛ НАЗВАНИЕ «МЕТОД ГЕРАСИМОВА».**

— Метод Герасимова – это исключительное достижение нашей науки. Я, честно говоря, не держал в руках современные учебники истории и не знаю, воспроизводятся ли там реконструкции Герасимова. Но в свое время я узнал о методе именно из школьного учебника и, собственно, тогда и захотел стать антропологом. Думаю, отсутствие популяризации лишает новые поколения россиян знаний о методе и о Михаиле Михайловиче Герасимове – о его жизни, его уникальном таланте, его школе. Маргарита Михайловна Герасимова, дочь великого ученого, делает все от нее зависящее, чтобы метод продолжал развиваться, прилагает все силы для его популяризации. Но, видимо, этого недостаточно.

— **Как Герасимов создавал свой метод и был ли он первопроходцем?**

— О связи черепа и покрывающих его мягких тканей начали догадываться еще на ранних стадиях развития анатомии. Уже в эпоху Возрождения предпринимались попытки нарисовать лицо человека по черепу, они продолжались и в XVIII веке. Но всерьез наука занялась этой проблемой во второй половине XIX века: считается, что первым научную реконструкцию лица по черепу выполнил немецкий антрополог Герман Шаафгаузен.

В конце XIX столетия шли бурные дискуссии о том, возможно ли вообще реконструировать лицо по черепу. Они продолжались до 1920-х годов.

В чем заслуга Герасимова? Михаил Михайлович, используя опыт предшественников и применив собственные разработки, создал научный метод, позволяющий выполнять документальные портреты. В 1930–1950-е годы метод проверялся контрольными криминалистическими опытами, доказавшими, что метод Герасимова позволяет создать по черепу человека документальные портреты, то есть узнаваемые родственниками и знакомыми. Ключевой момент – узнаваемость. Подчеркну, что Герасимов четко разделял антропологическую маску, создаваемую как документальный портрет, и то, что называется художественным освоением антропологической маски. Первое – это чистая наука, второе – художественное творчество, приправленное знаниями о том, как мог выглядеть человек той или иной эпохи или конкретное историческое лицо.

Герасимов начал работу над своим методом в 1920-х годах в Иркутске. Его отец работал земским врачом, в доме была прекрасная анатомическая библиотека. Кроме того, Герасимов занимался у известного иркутского врача-патологоанатома Григорьева. Тогда о работах своих предшественников Михаил Михайлович не знал, они станут известны ему позже. Он просто задался целью восстановить лицо по черепу. И сделал это.

В конце 1920-х годов, когда он активно развивал свой метод, в США работал палеонтолог Джеймс Мак-Грегор. И, между прочим, в те годы фонды

многих музеев, в том числе наших, пополнялись его реконструкциями ископаемых людей. Я не раз находил в запасниках и экспозициях музеев реконструкции Мак-Грегора, которые были подписаны как реконструкции, сделанные Герасимовым. То есть слава Герасимова затмила Мак-Грегора.

Параллельно с Герасимовым разработкой собственного метода занимался американский антрополог Уилтон Кругман. Но многие американские криминалисты, несмотря на работы Кругмана, используют метод Герасимова. И подписывают свои работы by Gerasimov или according Gerasimov.

Если коротко, Герасимов, во-первых, изучил варьирование мягких тканей. Во-вторых, он доказал, что асимметрия лица критически влияет на узнаваемость. Он первым начал восстанавливать лицо по половинам. При таком подходе сохраняется асимметрия, даже незаметная глазу. В-третьих, Герасимов создал школу и лабораторию. Многие из тех направлений работы, которые он начал, продолжили его ученики и последователи. Например, ученица Герасимова Галина Вячеславовна Лебединская, возглавившая после него лабораторию, разработала особенности реконструкции хрящевого носа по костной основе. Нынешний руководитель лаборатории, Елизавета Валентиновна Веселовская, защищала диссертацию по распределению толщины мягких тканей на черепе. Последователь Герасимо-

ва, известный криминалист Сергей Алексеевич Никитин, серьезно продвинул метод в области реконструкции глаза.

И еще один момент. Достижение Герасимова в области науки состоит в том, что он показал, что созданный им метод – научный, он объективный и не связан ни с какими художественными талантами.

– *А за рубежом метод Герасимова был признан?*

– Метод был признан во многих странах. Его работы переводились на французский, немецкий, японский, английский языки.

– *Денис Валерьевич, как быть с проблемами, связанными с реконструкцией скульптурного портрета князя Андрея Боголюбского работы Герасимова? Многие историки сомневаются в том, что князь выглядел именно так.*

– И они правы. Портрет, который Михаил Михайлович сделал в скульптуре, не соответствует действительности, а тот, который он сделал в графике, соответствует действительности. Там очень странная история. Мы не понимаем, почему это произошло. Я допускаю, что на Герасимова повлияли какие-то политические концепции, потому что в выполненном им графическом портрете у Боголюбского не монголоидное лицо. Почему в скульптуре Герасимов придал ему монголоидный облик, я не знаю.

– *Сколько времени уходило у Герасимова на то, чтобы восстановить портрет одного человека?*

– Я не могу сказать, сколько времени уходило в среднем, думаю, никто этого не считал. Я знаю, что к некоторым портретам он возвращался. То есть делал половину лица, потом возвращался к этой работе через какое-то время. Могу сказать, что, когда ничто не отвлекает, на портрет уходит не менее двух недель от начала анализа черепа до финальной его отделки.

– *А при каких условиях невозможно восстановить внешность по черепу?*

– При отсутствии носовых костей. Не то чтобы невозможно восстановить, а внешность будет недостоверной. То есть, если нет всего двух маленьких косточек, портрет уже не очень достоверен. Мне, к сожалению, пришлось делать такую реконструкцию. В Пскове был выкопан череп исключительной исторической ценности – варяжской гостыи. Носовые кости были утрачены. Пришлось вычислять, какими они могли быть в среднем в этом регионе. Это плохо, потому что любое среднее может не совпадать с индивидуальным.

– *Что чувствует антрополог, восстанавливающий по черепу лицо человека, жившего пятьсот или тысячу лет назад?*

– Ну, с одной стороны, это работа, которую ты должен выполнить максимально хорошо. С другой, антропологи – люди, придерживающиеся разных воззрений на природу, человека и мир, разных религиозных взглядов. Для кого-то череп – это просто объект мертвой природы. И в отношении черепа употребляется термин «материал», например. Я в юности тоже говорил «материал». Сейчас я в статьях избегаю называть человеческие кости материалом и ученикам говорю: подбирайте любые выражения, пожалуйста. Потому что материал – это результаты ваших измерений, ваши тексты, вот это материал. А череп – это человек.

– *Что антрополог может определить по останкам?*

– В первую очередь пол и возраст. По набору специальных морфологических признаков на черепе и тазе определяется пол. У детей пол не определяется, его можно выявить только в том случае, если перед вами останки подростка после завершения пубертатного периода. Зато чем моложе человек, тем точнее можно определить возраст, чем он старше, тем больше вероятность ошибки. Но это – азбука. Археолог часто именно этого ждет от антрополога, а антропологу это неинтересно, потому что это область палеодемографии, которая априори междисциплинарна. Это не раздел антропологии.

– *А что антропологу интересно?*

– Антропологу интересна биологическая изменчивость. Ему интересна морфология черепа, анатомическая изменчивость черепа и скелета,

морфология костей скелета и реконструкция телосложения, связи этих признаков со средой обитания.

– *Почему у нас в стране так мало палеоантропологов?*

– Потому что у нас сегодня работает лишь одна кафедра физической антропологии на биологическом факультете Московского университета.

– *Всего одна на всю страну?!*

– Да, на такую гигантскую страну всего одна кафедра. У нас в вузах есть кафедры, в названиях которых содержится слово «антропология», но это не физическая антропология. Это такой... западный взгляд на человека, когда антропология – это всё. Социальная, культурная антропология – такая угодно. Это катастрофа на самом деле. Вы представляете, сколько важнейших фундаментальных биологических проблем связано с изменчивостью тела живого человека, начиная с ростовых процессов у детей и влияния различных факторов на эти процессы? Особенно сейчас, когда идет так называемая эпидемия ожирения, когда мы не понимаем, почему акселерация прекратилась. Мы даже не поняли, почему она происходила всю вторую половину XX века.

– *Акселерация прекратилась?*

– Да, к 2000 году она прекратилась в большинстве развитых стран, но продолжается в странах, так скажем, недостаточно развитых. То есть каскад включений акселеративных процессов по миру еще идет, но в большинстве стран она прекратилась. Включая Россию.

А изменчивость тела взрослого человека? А процессы старения, которые сейчас всех интересуют, так как планета в целом стареет? Геронтология и гериатрия занимаются только медицинскими аспектами, а старение как естественный, нормальный процесс тоже ведь нужно изучать! А у нас в стране фактически один человек это изучает сейчас – Валерий Анатольевич Бацевич, сотрудник Института антропологии Московского университета.

– *Знаете, для многих антропология – это как раз именно то, о чем вы говорили, – культурная, социальная антропология и так далее...*

– Вы правы. Первая проблема в том, что физическая антропология потерялась в собрании всех остальных антропологий. Вторая проблема в том, что о физической антропологии узнают обычно через один из аспектов: либо с точки зрения роста и развития детей, либо с точки зрения происхождения человека, либо что-то слышат о методе Герасимова. В любом случае даже эти перечисленные «точки» знакомства общественности с физической антропологией не исчерпывают ее многообразия. Она гораздо более разнообразна. И, однако, это единая наука.

– А что говорит физическая антропология о наших средневековых предках? Бытует мнение, будто люди Средневековья были ниже ростом и слабее нас.

– Как современное человечество многообразно, так же были разнообразны люди и в Средневековье, и в эпоху железного, бронзового или каменного века. Я только про *homo sapiens* говорю и не касаюсь эволюционного аспекта. Всегда были низкорослые и грацильные, всегда были высокорослые и мускулистые. В зависимости от хозяйственно-культурного типа и адаптационных возможностей организма каких-то типов людей было больше, каких-то меньше. Просто происходило перераспределение типов.

Конечно, грациализация – это трансэпохальный процесс, который продолжается и сейчас. Она связана с тем, что вымывается генофонд наиболее крупных, физически развитых людей: они в первую очередь гибли в войнах, катаклизмах и так далее. Влияют, конечно, и экзогенный фактор, и хозяйственно-культурный тип, и пищевые предпочтения. Вообще-то 90 процентов нашей природы биологически определяется наследственностью. Соответственно, все изменения регулируются изменениями генофонда конкретной популяции или популяционной системы. Это уже биологические аспекты.

Люди всегда были разные. К примеру, новгородцы в древности были очень высокорослыми. По крайней мере, то население, которое вокруг Новгорода в курганах лежит, было высокорослым, длинноголовым и очень походило на западных славян. И здесь же, видимо, в эпоху, от которой не осталось достаточного количества погребальных комплексов, присутствовали низкорослые люди с чертами, которые описываются в терминах уральской расы. Уральская раса очень большая и разнообразная, но тот тип, о котором я говорю, это сублапоноидный компонент, к нему относятся часть пермяков и практически все лопари. Это люди небольшого роста, круглоголовые, низкоголовые, широконосые. И новгородцы, особенно в позднем Средневековье, именно так и выглядели. А после рубежа XV–XVI веков, когда московская власть присоединила Новгород и активно переселяла в него жителей других городов, новгородцы стали походить на жителей Москвы, Ярославля, Костромы и так далее.

– А вот эти высокорослые жители Новгорода – они отличались, скажем, от тех же вятичей или кривичей?

– Разнообразие древнерусских племен с точки зрения физиса было довольно серьезным. Высокослые новгородцы сильно отличались от вятичей. Вятичи сильно отличались от кривичей. И вятичи, и кривичи сильно отличались от радимичей.

– То есть говорить о «единообразности» русского народа сложно?

– Нет, это неправильно. Русский народ очень компонентный. Нас цементируют культура, язык и вера.

– Сформулируем иначе. Известно ли, из какого количества антропологических типов формировался русский народ?

– В составе русского народа присутствуют как минимум четыре компонента.

Есть славянские компоненты, единые с западными славянами, которые в основном представляют древнерусское население. И компонент этот в современных русских представлен незначительно. Есть северные русские – поморы, представляющие собой генетическое и морфологическое единство с северными народами Европы. Это атлантико-балтийская и беломоро-балтийская расы, которые занимают весь север Европы до Британских островов. Третий компонент – южноевропейский. Его часто называют средиземноморским. Он характерен для южных русских. К примеру, часто говорят, что казаки скрещивались с кавказскими народами и поэтому они такие темноволосые и горбоносые. На самом деле связь эта гораздо более древняя. Возходит она, судя по всему, еще к раннему Средневековью, к Хазарскому каганату, к расселению аланских племен с Кавказа и вообще к существованию в Степи кочевого и оседлого европеоидного населения. А четвертый тип – это тот компонент, который описывается в терминах уральской расы. Это народы Поволжья, народы Волго-Камья и Приуралья.

– Получается такой плавильный котел?

– Знаете, так как эти типы читаются до сих пор в современных русских, я бы не стал называть это плавильным котлом. Это такой сложный многокомпонентный процесс этногенеза русского народа по культуре, языку и вере.

Конечно, когда все переехали в города, вот уж в городах начался настоящий антропологический... Я бы это винегретом назвал. Города нам устроили настоящий антропологический винегрет.

– Но разве в России легко найти человека, у которого бы не было, грубо говоря, смешения кровей?

– Ну, это загадка на самом деле. Это фундаментальная биологическая проблема. Нерешенная. Связь генотипа с фенотипом. Фенотип – это то, как мы выглядим, а генотип – это то, что нам досталось от предков. Дело в том, что этот плавильный котел, как вы его назвали, не приводит к усреднениям. В каждом из нас «выстреливает» какой-то конкретный морфологический компонент. Да, мы можем походить в среднем на папу или на маму, но мы всегда чуть-чуть больше походим на кого-то из более ранних предков. Если покопаться, выяснится, что больше всего мы походим на кого-то из бабушек или дедушек. Это плохо изученный вопрос. Но, по крайней мере, треть человечества похожа на бабушку по отцу. Конечно, это грубые оценки. К чему я это? К тому, что смешение не ведет к полному усреднению, к смазыванию картины. Все равно сохраняются – непонятно пока, каким образом, – компоненты, которые проявляются через поколение или через два-три поколения.

– Давайте на конкретном примере. Вот Иван Грозный – он кто?

– Иван Грозный – прекрасный динарец (динарская раса – антропологический тип европеоидной расы. Признаки: высокий рост, продолговатое лицо, прямой тонкий или орлиный нос, матово-белая кожа, темно-русые волосы. Характерна для жителей Балкан, встречается среди немцев, украинцев, русских и других народов Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы, а также на Кавказе и в Малой Азии. – Прим. ред.). От бабушки-гречанки Софии Палеолог ему достался тип. Заметьте, от бабушки по отцу.

– Денис Валерьевич, не можем не задать вопрос, вокруг которого происходит столько спекуляций...

– Я догадываюсь. Видимо, «потри русского – найдешь татарина»?

– Да, правильно догадались.

– Есть несколько исследований генетиков на эту тему, которые говорят о том, что в составе русского народа монголоидный генофонд отсутствует. Монголо-татарское иго прошло – по крайней мере, для нас современных – фактически бесследно. При этом, хочу заметить, на рубеже XV–XVI веков русская аристократия начала заключать брачные союзы с представителями золотоордынской аристократии. Скажем, внука Ивана III – великая княжна Анастасия

Петровна, останки которой я исследовал, – абсолютно монголоидна. Напомню, дочь Ивана III Евдокия вышла замуж за татарского царевича Худай-Кула, в крещении Петра Ибрагимовича.

– Вы занимались исследованием останков княгинь и цариц из некрополя разрушенного в 1929 году кремлевского Вознесенского монастыря, которые тогда же были перенесены в Архангельский собор. Когда вы подключились к этой работе?

– Да, их перенесли в так называемую Судную палату, хотя корректнее называть ее Подвальной палатой Архангельского собора. В 1929 году разобрали стену собора и занесли саркофаги в Подвальную палату. Нужно поставить памятники тем музейщикам, которые в те трудные времена смогли добиться этого.

В начале нынешнего века было принято решение исследовать захоронения княгинь и цариц. С мая 2000 по сентябрь 2007 года я работал в группе, которую возглавляла главный археолог музея-заповедника «Московский Кремль» Татьяна Дмитриевна Панова.

– Что вы чувствовали, когда исследовали эти останки?

– Это как раз тот случай, когда было очень трудно отключить эмоции и заставить себя работать в рамках методики. Да, это очень тяжело, потому что, грубо го-

воря, все величие русской истории смотрит на тебя из глазниц этих черепов. Огромная ответственность, боязнь сделать заключение, которое породит мифы.

– *Например, о том, что большинство из них были отравлены?*

– И это тоже.

– *А как же колоссальное содержание в их останках мышьяка, ртути и свинца?*

– Я думаю, мы не имеем права так педалировать эту тему. У нас нет никаких объективных причин говорить, что они были отравлены. Мы не знаем, с какими объектами они соприкасались при жизни и что принимали при жизни. Мы не знаем химизм саркофагов. В конце концов крашеная одежда – чем тогда ее красили? Мы не знаем, что в могилу попадало из вещей, они ведь разрушились, истлели. Были ли в саркофагах иконы с красочным слоем, были ли какие-то крашеные деревянные предметы? И интерпретировать эти данные однозначно как яды... Ведь эти химические вещества найдены в останках сериями. Причем у людей, про которых никто никогда не подозревал, что они умерли насильственной смертью. Я, конечно, не специалист, но большинство средневековых ядов имели растительное происхождение. То есть это алкалоиды, которые распадаются в первые сутки после смерти. И кроме того,

простите, но есть масса возможностей устранить человека, не оставив следов на костях. Начиная с удушения подушкой и заканчивая тем, что человека можно проткнуть холодным оружием так, что ни одна кость не будет задета.

– *Давайте поговорим о внешности княгинь и цариц. Ну, вот, к примеру, скульптурный портрет Софии Палеолог. Создается впечатление, что это была такая... мощная женщина...*

– София Палеолог довольно миниатюрная на самом деле. Среднего роста. Хотя самой миниатюрной и хрупкой из исследованных оказалась великая княгиня Евдокия, жена Дмитрия Донского. Ее рост – метр пятьдесят с небольшим. Судя по всему, она была большой красавицей в молодости. У нее очень ладная такая фигура. А вот Елена Глинская была довольно высокой – 164 сантиметра. Кстати, по черепу жена Ивана Грозного Марфа Собакина почти неотличима от Елены Глинской.

– *То есть третья жена Ивана Васильевича была похожа на его мать...*

– Да. Я думаю, она была очень похожа на Глинскую.

– *Сделанные по черепам портреты говорят о том, что это были очень красивые женщины.*

– Скульптурными портретами занимался Сергей Алексеевич Никитин. Кстати, о портрете Софии

Палеолог. Письменные источники сообщают, что она была тучной. И Сергей Алексеевич, выполняя реконструкцию, сделал ее полной женщиной. Но нужно помнить, что объективных данных у нас нет, а жировую ткань невозможно просчитать. То есть когда мы делаем реконструкцию, мы исходим из некоего среднего типа с поправкой на возраст. Что касается того, красивые они или некрасивые... Мы с моим соавтором, известным русским художником Александром Николаевичем Рыжким, давно осознали, что есть антропологическая маска, а есть ее художественное освоение. Оно зависит от таланта художника. В отличие от Герасимова я им не обладаю. У меня папа художник, а на мне природа отдохнула. Как многие анатомы XIX века, Герасимов был одарен еще и художественным даром. Но у большинства моих коллег этого дара нет. И антропологи не замечают, что они делают страшных людей. С точки зрения науки это достоверно, но это невозможно воспринимать спокойно нормальному человеку. Некоторые портреты такими получаются, что, простите, подушкой не отмахнешься. Скажем, родственник, может, и не узнал бы этого человека в такой научной документальности.

Я считаю, что антропологическая маска, которую мы делаем, антропологам по большому счету не нужна. Антропологи по черепу видят точнее и лучше то, что им нужно. Маска нужна для того, чтобы ее видел неспециалист. Поэтому без этапа художественного освоения не может быть реконструкции. Если антрополог бесталанен в этой области, нужно работать с художником. Просто нужно контролировать, чтобы он маску не изменил. Художник с помощью средств художественной выразительности может сделать человека чуть более красивым или чуть менее красивым без влияния на достоверность антропологической маски.

– *А есть ли какая-либо историческая личность, череп которой не сохранился, но вы бы очень хотели восстановить ее или его внешность?*

– Ну, если брать только известные захоронения, то я мечтал бы увидеть Анастасию Романовну – первую жену Ивана Грозного. Ее череп, увы, не сохранился. Это великая женщина. Я думаю, она вместе с мужем построила Московское государство. Интересно было бы посмотреть и на Марию Темрюковну. На сына Ивана Грозного – Ивана Ивановича. Хотелось бы увидеть князя Михаила Скопина-Шуйского. Но и их черепа не сохранились.

– *А чьи портреты вам интереснее восстанавливать – женские или мужские?*

– Интереснее и лучше – женские.

– *Почему – лучше?*

– Потому что лицо потом не нужно закрывать усами и бородой. И на голове – волосник, платок или корона. Волосы не нужно домысливать, мы же не знаем, какие они были. С мужскими портретами

сложнее. В общем, мужские портреты я не люблю, потому что понижается достоверность из-за того, что мы не знаем, какой была борода, какова была структура волос.

– *А почему антропологи не пытались восстановить внешность великих писателей и поэтов? Скажем, от некоторых остались посмертные маски...*

– Посмертная маска неточно передает внешность человека. После смерти происходит опадение мягких тканей, заострение носа. Такая маска сильно отличается, скажем так, от оригинала. Почему не восстанавливали... Понимаете, это ведь специальная акция по вскрытию могил. Ну, вот я руководил группой, изучавшей останки некоторых русских императоров. Нам казалось, что мы получим замечательный опыт. Но когда мы пережили вскрытие захоронения Александра III, увидели, с какими техническими, научными и этическими сложностями это связано, у нас пропало желание продолжать эту работу, исходя только из научного любопытства. Честно говоря, это все действительно сложно, это огромная морально-этическая и общечеловеческая ответственность. Кроме того, речь идет о памятнике материальной культуры, значение которого чрезвычайно высоко. Любое вторжение – это разрушение памятника. И вскрывать его только для того, чтобы узнать, как человек выглядел... Знаете, этого слишком мало. Я убежден в одном: если восстановление физического облика человека единственная цель, то этого недостаточно, чтобы вторгнуться в могилу. Всегда буду на этом стоять.

– *А чем тогда руководствовался Герасимов, когда в 1963 году вскрывал захоронение Ивана Грозного?*

– Инициатором вскрытия гробницы Ивана Васильевича точно был не Герасимов. Он был приглашенным специалистом. Тогда в Архангельском соборе Кремля шел реставрационный процесс, были сняты полы, расчехлены надгробия. То есть велась комплексная реставрационная работа в соборе. Поэтому появилась возможность вскрыть гробницы. Ну, и конечно, сработала притягательность личности Ивана IV.

Сейчас, наверное, делать нечто подобное никто не будет. Например, в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаль недавно проводились работы в усыпальнице Пожарских и был открыт участок, где стоял саркофаг Дмитрия Михайловича Пожарского. Выдающийся археолог Леонид Андреевич Беляев принял решение не вскрывать гроб князя, чтобы сохранить его в целостности. Вот, кстати, чей портрет мне хотелось бы еще восстановить – князя Пожарского. И, пожалуй, Годуновых. Но, к сожалению, Бориса Федоровича с семьей, за исключением его дочери, царицы Ирины, чей портрет воссоздан, мы уже никогда не узнаем. Их гробницы сохранились, но восстановить внешность по останкам невозможно... ■

ВЛАСТЬ ВЕДЬМ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОЛДОВСТВО В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV–XVI ВЕКОВ

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

В СВОЕЙ КНИГЕ «ИСТОРИЯ О ДЕЛАХ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО» АНДРЕЙ КУРБСКИЙ ПОСВЯТИЛ ЧАРОДЕЙСТВУ, ОСОБЕННО В СВЯЗИ С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ И КАЗНЯМИ, ЧУТЬ ЛИ НЕ ОТДЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ. ЕГО ВОЗМУЩАЛО ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ ОКРУЖАЮЩИХ К ТАКОМУ ГРЕХУ, КАК МАГИЯ.

«**М** НЕ НЕ РАЗ приходилось слышать, что многие считают это за малость и говорят со смехом: «Этот грех мал, он легко искупается покаянием», – писал Курбский. – А я говорю: «Не мал, но поистине весьма велик». Потому что нарушает он важную Божью заповедь по завету, ибо говорит Господь: ...«Ни от кого не получишь помощи, кроме меня, – ни вверху на небе, ни внизу на земле и ни в безднах». ...А вы, забыв эти непреложные заповеди Господа нашего, спешите к дьяволу, прося у него колдунов! Но чары, как всем известно, без отвержения от Бога и без согласия с дьяволом не бывают». А главная беда случается, когда сам царь приобщается дьявольского волхования, привлекая язычников, соблюдая их, а потом рожая при их посредстве сына-наследника – самодержца всех православных: «А о колдунах этих так пеклись, рассылали за ними туда и сюда вплоть до самой Карелии, то есть Финляндии, и даже до дикой Ляпунии (это племя на больших горах

у Ледовитого моря), и оттуда приводили их к нему, лядащих этих и злобных советников сатаны. И с их помощью от скверных семян по злому произволу, а не по природе, устроенной Богом, родились у него два сына. Один такой жестокий кровопийца и губитель отечества, что не только в Русской земле о таком чуде и диве не слыхали, но думаю, что поистине нигде и никогда... А другой был безумен, без памяти, бессловесен, как будто родился диким зверем».

Апокалиптические тональности и «высокий стиль» вздохов

Князь Андрей Курбский.

Портрет работы Павла Рыженко

Курбского выдают искреннюю уверенность князя в силе потустороннего мира и его причастности к бедам Московии. Но одновременно он решительно противится ложным обвинениям в колдовстве – лживым наветам на тех, кто ничем таким никогда не занимался. Для праведников обвинения в стоворе с дьяволом особенно оскорбительны, подчеркивает князь. Он многократно уличает Ивана Грозного в том, что тот, будучи рожден от волхования, других порицает за это, хотя они-то ни в чем подобном не повинны. То есть царь исполняет роль сатаны, глумясь над верными Христа. И горе это – такое поущение Господне. Кажется, что в те годы, особенно в кругу царя Ивана, подобные обвинения были нормой: они едва ли не обязательно присутствовали на фоне заговоров и политической интриги.

Характерно, что именно после сатанинской атаки и пожаров 1547 года начинает оформляться так называемая Избранная рада – круг государевых сподвижников, возглавляемый Алексеем Адашевым и священником Сильвестром, выдвинутым митрополитом Макарием.

Продолжение. Начало см.:
«Русский мир.ru» №6 за 2021 год.

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

РУССКИЙ МИР.RU / ИЮЛЬ / 2021

Судя по всему, именно Сильвестр подсказал государю, как разобраться с колдовскими проблемами, отразившимися в событиях московских пожаров. Курбский пишет, что Сильвестр, явившись тогда к царю, усмирал «его божественным Священным Писанием, сурово заклиная его грозным именем Бога и вдобавок открывая ему чудеса и как бы знамения от Бога». Князь не уверен, что чудеса эти были истинными, но точно – во благо исцеления государевой души. Тогда и Адашев, выходец из телохранителей, как писал потом царь, сдружился с Сильвестром, начав поучать правителя не только в духовной сфере, но и в администрировании, законодательстве и прочем. Но исток – эсхатологические опасения молодого царя, столкнувшегося с фактом злокозненного чародейства в 1547 году. Новые советчики помогли Ивану на время преодолеть страх неизведанного и возглавить крестовый поход против сатанинских искусов.

САТАНИНСКИЕ УГРОЗЫ

Особенно актуальными были угрозы магических практик, которыми могли воспользоваться ближайшие к царю советники. Эти опасения ярко отразились в сочинениях Ивана Пересветова – едва ли не единственного русскоязычного публициста тех лет, чьи работы

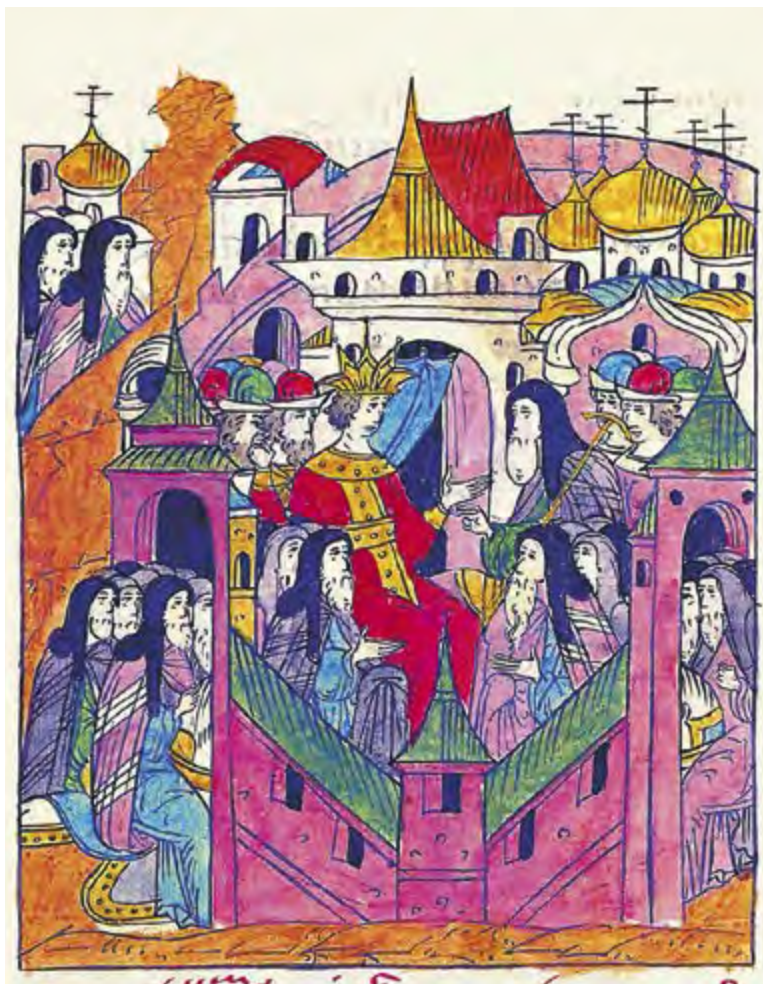

дошли до нас. В основном мы располагаем их списками XVII века, причем списков этих немало. Его читали и перечитывали. Прежде всего так называемую «Большую челобитную», которую он написал для царя примерно в 1548–1549 годах. Пересветов, выходец из западнорусских земель, апологет православия, в качестве exemplum берет падение Византии в 1453 году, причину чего видит в утрате мужественного духа последним императором, Константином, развращенным и околдованным ближайшими советниками. По его мнению, беда случается, когда царь «веселится с теми, кто распаляет ему сердце гаданиями и путями различных соблазнов». Вельможи, окружавшие Константина, «обленились и не стояли крепко за веру христианскую и в царя укротили воинственность ворожбой, путями соблазна, еретическим чародейством». И потому «дьявол» победил «христианскую веру» у «греков». По словам Пересветова, «мудрые люди» из

западных «королевств», «греческие философы и латинские докторы», разузнали по «небесным знамениям» о великом предназначении молодого московского царя. Самому Пересветову – «холопу Ивашке» – советовать государю не по статусу. Но он прибыл в Москву из Молдавии, а потому передает Ивану рекомендации, точнее, молитвы тамошнего правителя – молдавского воеводы Петра: «Боже, сохрани и милостив будь к благоверному русскому царю великому князю всея Руси Ивану Васильевичу и к царству его, чтобы не уловили и царю также вельможи еретической своей ворожбой и своим коварством... Вот ведь благоверного царя царьградского Константина Ивановича укротили вельможи воинственный дух еретической своей ворожбой и коварством от лени, так что потеряли они православное царство и царя благоверного стубили мечом иноплеменика... Это чародеи и еретики, удачу отнимают у царя и царскую мудрость, ересь и чародейством распалют на свою пользу царское сердце...» И еще

Стоглавый собор. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI век

говорит молдавский воевода: «Таких надо в огне сжигать и другим лютым смертям предавать, чтобы не умножились беды...»

И вот «мудрые философы» предрекли правителю русскому величие и владение многими царствами. Но вычитали они «в своих мудрых книгах и гороскопах, что будут тебя, государь, уловлять ворожбой и колдовством, как царьградского царя Константина», будут добиваться твоей «любви ворожбой, колдовством и путями соблазна», а также «колдовством и ворожбой лишать тебя твоей мудрости».

В целом акценты в челобитной Пересветова очень близки законодательным и административным мерам, осуществленным в период близости царя Избранной раде. Некоторые исследователи полагают, что Пересветов – это вообще псевдоним, за которым скрывался сам Сильвестр, участвовавший позднее в оформлении постановлений Стоглавого собора, а также составивший, как считается, «Домострой». Именно после устранения обвиненных в колдовстве Глинских и приближения сторонников благочестия – Избранной рады в лице Адашева, Сильвестра и, судя по всему, митрополита Макария – царь Иван провел ряд важных государственных реформ (судебная кодификация, церковное и семейное право). На всех этапах этих реформ особый акцент ставился на мероприятиях по борьбе с черной магией. Они отражались почти в каждом документе. Мистические страхи сопровождали Ивана Грозного всю жизнь, и нередко именно они служили мотивами его поступков. С ворожбой он боролся ответными мерами, преодолевая силу тьмы силой света, дьявольское чародейство – благочестивым бытием. Все это выражалось в житейских запретах, желании минимизировать контакты с иным миром (ограничить рамки церкви), контроле священников и праведников. Но так как границы ми-

Митрополит Московский и всея Руси Макарий.
Икона конца XIX – начала XX века

ров трудноразличимы, то в итоге эти усилия вылились в непрекращающийся поток подозрений и репрессии. Царь определенно воспринимал себя ответственным за борьбу с дьяволом.

ИНСТРУКЦИИ ЦЕРКОВНОГО СОБОРА

В 1551 году Стоглавый собор утвердил ряд прецедентных правил церковной жизни. Итоговый документ был составлен по принципу «вопрос–ответ» и разделен на 100 глав, за что и получил название «Стоглав». Вопросы задавал как бы царь, то есть кто-то из Избранной рады;

а ответы давал собор, то есть прежде всего митрополит Макарий, скорее всего, лично приложивший к тексту руку. Особую тревогу участников диалога вызывали многочисленные суеверия, но прежде всего – случаи реального чарования и волхования, общения с бесами и контакты с дьяволом.

Вопрос 17 в главе 41 касался случаев, когда «волхвы и чародейники» бесовскими советами содействуют участникам судебных разбирательств и поединков, а также присягающим, обеспечивая им уклонение от ответственности или победу. Они колдуют, подглядывают в гадальные книги, дают астрологические прогнозы. Этим они совращают людей и «от Бога отлучают», а в итоге справедливость не удастся установить: жалобщик с ябедником к миру не приходят, бьются на поединке и один другого убивает, будучи околдован.

Собор рекомендует царю полагаться на Святых Отцов и отвергать «богомерзкие прелести» – «дьявольские действия» и «еллинские беснования», которые творят волхвы, чародеи, кудесники и астрологи. А если кто будет колдовать – наказывать. Чтобы не запутаться в обилии еретических рукописаний, вопрос 22 в той же главе посвящен перечню соответствующих книг – «отреченных», содержащих «злую ересь»: «Рафли, Шестокрыл, Воронограй, Остроми, Зодей, Алманах, Звездочеты, Аристотел, Аристотелевы врата и иные составы, и мудрости еретические, и коби бесовские, которые прелести от Бога отлучают». Воспользовавшись описанными там практиками, христианин, сам того порой не ведая, оказывался отлучен от Бога. Если кто-то уже читал или иначе пользовался этими сочинениями, то должен немедленно покаяться духовнику и больше так не делать, а если продолжит, то будет в государственной опале и отлучен от церкви. Судя по замечаниям «до сего дня»

и «после», а также по различию санкций (если было прежде, то покайся, а если будешь потом, то отлучение), подобная регламентация вводилась впервые и прежде использование таких книг никак не ограничивалось.

В главе 63 отмечено, что «ведовство, потворы, чародейство, волхование, зелейничество» относятся к ведению церковных судов. Светское законодательство, отразившееся в Судебнике 1550 года, никак этих «преступлений» не упоминает. Правилам церковных взысканий за них посвящены пространные разделы «Стоглава» (гл. 92–93). Там прямо в тексте идет ссылка на пример иудейского царя Манассии, образцового отступника, который предал веру предков «и соорудил жертвенники всему воинству небесному на обоих дворах дома Господня и провел сына своего чрез огонь, и гадал, и ворожил, и завел вызывателей мертвецов и волшебников» (4Цар. 21:5–6). В «Стоглаве» особое внимание уделено именно магии огня. В Библии это – фрагмент, пара слов («провел сына своего чрез огонь»), а в соборном ответе описан весь ритуал: добыча огня путем трения сухих древесных стволов, установка его перед и вокруг дома, а также охранительный – «по древнему обычаю» – проход между огней всего семейства. Можно предположить, что акцент на огненных процедурах связан с колдовскими опытами, приведшими к пожару 1547 года. Возможно, Глинские практиковали что-то похожее.

Манассия осуждается также за то, что приносил жертвы «всему воинству небесному на обоих дворах дома Господня», то есть предстает адептом дуализма, поклоняясь как силам добра, так и силам зла. Несмотря на то, что в представлении христиан волшебство могло быть следствием как тех, так и других, в основе бинарных практик заложен иску́с поклонения темной силе – пусть лишь отчасти, но это грех. В поисках чуда следует обращаться только к церкви и опыту Святых Отцов.

Алхимическая
дистилляция.
Иллюстрация
из книги Liber
de arte Distillandi
de Compositis
Иеронима
Бруншвига.
Страсбург.
1512 год

ЗАПРЕЩЕННЫЕ КНИГИ

Убежденность в реальной силе и доступности колдовства в XVI веке была повсеместной. Способность каталогизировать «отреченные» книги говорит о знакомстве с ними, глубоком знании содержания. В «Стоглаве» в основном перечислены пособия по гаданию и астрологии, зачастую переводные, то есть вполне распространенные в разных концах средневековой Европы.

Судя по всему, указанные сочинения существовали в списках нескольких композиций, частично пересекаясь по содержанию, но с разными заголовками, отчего в «Стоглаве» они поименованы раздельно. Подобных текстов до нас дошло мало, и до сих пор существует проблема точной их идентификации и привязки к заголовкам.

Так, «Тайная Тайных», которая отмечена в «Стоглаве» как «Аристотел» и «Аристотелевы врата», упоминается еще в переписке Максима Грека. По форме она относится к домостроям и восходит к арабскому оригиналу VIII–IX веков, который был переведен в XIII столетии сначала на иврит, а по-

том на латынь. Сохранившиеся списки позволяют заключить, что переложение на русский было сделано с еврейского оригинала. Судя по всему, это произошло на рубеже XV–XVI веков в Литве, в западнорусских землях, куда из Испании – после указа 1492 года, а то и раньше – переселялись большие группы сефардов. Русские «Аристотелевы врата» содержат в качестве приложения сочинения иудейского богослова, знатока каббалы и алхимии Моисея Маймонида (XII век), а также персидского медика Абу Бакра ар-Рази, известного как Разес (IX век). Из «Стоглава» можно понять, что имеется в виду некий текст, преимущественно гадательного характера, то есть не собственно «Тайная Тайных», а некая его часть, например прилагаемая ономастическая таблица или связанные выдержки. Подобные сокращенные списки сохранились. Популярность «Аристотелевых врат» была высока, они дошли до нас даже в рукописях XVI века – современниках событий. Запреты «Стоглава», кажется, оказались не очень действенными. Список XVI века из Виленской библиотеки считается образцовым и был неоднократно переиздан. Примечательно также, что русский извод Secretum Secretorum привлекал зарубежных любопытствующих и оккультистов. Возможно, из-за оригинального состава или приложений, а может быть, и просто из-за ауры «восточного происхождения», то есть близости к источникам древней мудрости. Как бы то ни было, но в Бодлианской библиотеке в Оксфорде сохранился русифицированный список «Тайной Тайных» (Laud. Misc., N45),

«**РАФЛИ**» – система геомантии, гадальные таблицы с пояснениями;

«**ШЕСТОКРЫЛ**» – таблицы, позволяющие высчитывать фазы и затмения Луны;

«**ВОРОНОГРАЙ**» – сборник примет по крику ворон;

«**ОСТРОМИЙ**» (или «**ОСТРОЛОГ**»), «**ЗОДИЙ**» (или «**ЗОДИАК**»), «**ЗВЕЗДОЧЕТЬИ**» (или «**ЗВЕЗДОЧЕТЕЦ**») – сборники астрологических предсказаний по знакам зодиака;

«**АЛМАНАХ**» (или «**АЛЬМАНАХ**») – сборник календарных предсказаний;

«**АРИСТОТЕЛ**», или «**АРИСТОТЕЛЕВЫ ВРАТА**» – переводное сочинение, хорошо известное в Европе как «Тайная Тайных» (Secretum Secretorum), собрание житейских наставлений, сделанных якобы Александру Македонскому Аристотелем, включающее разделы («врата») по медицине, астрологии и алхимии.

сделанный в Москве одним из агентов английской торговой «Московской компании», Христофором Бароу, известным по своему описанию путешествия по Волге в 1580 году.

«Шестокрыл» – сочинение еврейского астролога Иммануила бен Якоб Бонфиса (XIV век), представляющее собой шесть лунных таблиц («крыльев»), – пособие для астрономических и календарных вычислений. В русском переводе оно упоминается с конца XV века прежде всего в связи с сектой «жидовствующих». О нем говорил в своем послании новгородский архиепископ Геннадий в 1487 году. Он возмущался не самим текстом сочинения, а тем, как его интерпретировали еретики. По тем же таблицам он провел собственные расчеты, опровергнув выводы «жидовствующих» и подчеркнув, что книгу он внимательно прочел. Она определенно имела в его библиотеке: «Занеже я испытно Шестокрил прочел, да и написан у мене».

В отличие от «наукоемких» книг «Аристотел» и «Шестокрыл» «Рафли» были просто системой гадания. Расставлялись в случайном количестве 16 рядов точек, которые потом группировали и анализировали. Первое время это была книга с историей и пояснениями, а потом ее сократили до нескольких формальных таблиц: популярность гаданий была столь велика, что пояснять сам способ не требовалось.

Недавно обнаруженный список «Рафлей» был составлен псковским интеллектуалом Иваном Рыковым, кото-

рый в тексте пометил, что покинул родной город в свите царя Ивана, судя по всему, в 1579 году. А само сочинение он написал по просьбе близкого царя книжника «кир Иоанна». В других списках заказчиком книги назван «российского царства царев книгчий кир Софроний». Рыков предстает фигурой, вполне вписанной в ренессансную культуру, осведомленной в античной мифологии и естественных науках. Ему принадлежит ряд сочинений астрологического, астрономически-календарного и гадательного характера: «О царе-годе», «О четырех временах года», «О часех», а также «Лунничек на 19 лет». В текстах содержится указание на некое его большое сочинение, откуда были взяты все эти фрагменты, которое до нас не дошло. В своих «Рафлях» Рыков старательно заретушировал оккультное происхождение текста, существенно отредактировав его. Он попытался связать его с христианской традицией, насытив цитатами из Священного Писания.

Однако отсутствие представлений о его источнике не дает возможности высказаться о степени оригинальности самого псковитянина.

Ни про «писаря градского» «кира Иоанна», ни про «царева книгичия кира Софрония», ни про самого Ивана Рыкова сведений не сохранилось. В 1575–1589 годах в источниках упоминается некий псковский дьяк Иван Андреев, но это только совпадение имен. Других вариантов пока не предложено. Запрещенные собором книги, судя по всему, были хорошо известны в Москве, некоторые были переведены еще в конце XV века. До реформ Ивана Грозного ничего предосудительного в них не находили. Книги существовали во множестве списков и были широко распространены, так что даже после 1551 года они сохранились в некоторых библиотеках или были спрятаны. Реформаторы из окружения царя не только запрещали, но и искали замену искушениям – предлагали новые каноны житейской мудрости. На место «Тайной Тайных» должен был прийти пра-

вославный «Домострой». В этом сочинении подчеркнута порочность контактов с волхвами и чародеями, «слугами бесовскими». Ни в дом, ни на двор их пускать нельзя. Тем более нельзя использовать принесенные ими зелья и корни. А ведь «женки» любят волхвов зазывать, гадать с ними, привороты всякие любовные творить. Обращаться к волхвам за врачебной помощью – богомерзкий грех, как и различные бесовские забавы, говорится в «Домострое».

Заниматься этим все равно что «примкнуть к нечистым бесам, от которых отрелись на святом крещении». Особенно важно помнить, что, «призывая к себе чародеев, кудесников, волхвов и всяких гадателей и зелейников с корнем, от которых ожидаешь душегубительной и временной помощи, готовишь себя дьяволу во дно ада во веки мучиться».

Автор «Домостроя» не сомневается, что кудесники способны оказывать помощь, но настаивает, что используется черная магия, которая потом аукнется. Списки этого сочинения обычно допол-

нялись фрагментами статей «Стоглава» (гл. 92–93), посвященных осуждению «еллинских бесований, волхвований и чародейств» с разъяснениями из соборных установлений Святых Отцов.

Помимо документального оформления борьбы с волхвованием царь поручил разъяснять людям эти меры устно. В одном из сборников XVI века сохранился текст государева указа, датированный апрелем 1552 года, согласно которому Андрею Берсеневу и Хозяину Тютину поручалось «по торгам кликати: чтоб православные христиане, от мала и до велика, именем Божиим во лжу не клялись, и накриве креста не целовали... и к волхвом бы и к чародеем и к звездочетцам волхвовати не ходили, и у поль бы чародеи не были». А если кто будет «к чародеем, и к волхвом, и к звездочетцом ходити волхвовати, и к полям чародеи приводити» – тем от царя подвергаться «великой опале, по градским законам», а от священников быть «в духовном запрещении, по священным правилам». Запрет на ведовство и волхование пытались донести до каждого.

КАЗНИ ПРОТИВ КОЗНЕЙ

Вопросы благочестия были приоритетными в первые годы правления Ивана Грозного. В частности, когда после пожаров начали ремонтировать и обустривать пострадавшие храмы, то восстановление их росписи и убранства привело в 1553 году к скандалу и судебному разбирательству. Некоторые полагают, что это была атака недовольных на всевластие Сильвестра, которого обвинили в появлении на стенах соборов в Кремле изображений и сюжетов, не соответствующих традиции. Сильвестра уличили в ереси, но так как программа фресковой росписи была согласована с царем и митрополитом, попу удалось оправдаться. Дело было резонансным, судя по всему, его рассматривал церковный собор. На обвинявших наложили епитимью. Дело закрыли, но осадок, кажется, остался. Впоследствии по иронии судьбы именно в колдовстве обвинили представителей Избранной рады. И это сработало. Первоначально Иван Васильевич воспринимал Сильвестра в качестве своего «ангела» – именно так он числил его авторитет. А потом в тех же выражениях попрекал за отступничество: «Для совета в духовных делах и спасения своей души, взял я попа Сильвестра, надеясь, что человек, стоящий у престола господня, побережет свою душу, а он, поправ свои священнические обеты и право предстоять с ангелами у престола господня... еще при жизни удостоившийся серафимской службы, все это пограл коварно, а сперва как будто начал творить благо, следуя Священному Писанию». Потом Сильвестр, «желая власти, подобно Илье жрецу, начал, подобно мирским людям, окружать себя друзьями». Царь в своем первом послании Курбскому неоднократно использует

Страница арабской рукописи
Secretum Secretorum

образ пресвитера Илия (Эли) из Первой книги Царств, который был судьей в Израиле сорок лет и при нем филистимляне захватили ковчег Завета, после чего он умер и «отошла слава от Израиля» (1Цар. 1–4). Для Грозного это пример воцарившегося священника, что недопустимо и приводит к гибели страны. Характерно, что в Библии мотив вины Илия никак не подчеркнут, это его сыновья «были люди негодные» и «не знали Господа» (1Цар. 2:12). В этом смысле их поминает и Курбский в своем третьем послании. У Курбского Илий – пресвитер, в синодальном переводе – священник, хранитель Храма Господня, а вот у Ивана вдруг –

жрец. Царь признает, что он праведник, но зазнавшийся неудачник. Так объясняется, почему государь приблизил Сильвестра, который потом обернулся жрецом, то есть поклонником язычества, волхвом и колдуном.

Падение Избранной рады вылилось в ведовский процесс. Вполне возможно, что Адашев и Сильвестр наскутили царю и нужен был только повод к их удалению. Судилище над ними состоялось именно по обвинению в чародействе. Летом 1560 года внезапно умерла первая супруга Ивана Грозного – Анастасия, из рода Захарьиных-Юрьевых (Романовых), мать всех его законных наследников. Ничто, кажется, не предвещало ее смерти, а потому за происшедшим отчетливо просматривалось отравление или, что, собственно, почти то же самое, колдовство. Кто-то «нашептал в ухо» государю, что «напустили на нее чары» Адашев и Сильвестр: «царицу твою околдовали». Придворные чародеи, о которых писал Пересветов, оказались в ближайшем окружении царя. Все, как и предсказывали. Благо государь не пострадал. Его успели оградить. Даже на суд над лихоимцами не пустили, поскольку «если придут эти известные злодеи колдуны, то царя околдуют». У Адашева была обнаружена общница – некая монахиня «Мария, по прозвищу Магдалина»,

которую казнили вместе с пятью сыновьями, «будто бы была колдуньей и единомышленницей Алексея». Судя по сообщению Курбского, Мария была вдовой, происходила из Польши, но перешла в православие и отличалась ревностной аскезой. Прямых указаний на то, что именно она, польская ведьма, околдовала царицу Анастасию, нет. Но контекст, кажется, указывал именно на это. Сам факт того, что Анастасия стала жерт-

вой чародейства, был подтвержден официально. Так сказано в соборном определении 29 апреля 1572 года, которое обеспечило царю разрешение на четвертый брак: «вражиим наветом и злых людей чародейством и отравами Царицу Анастасию изведоша». Про вторую жену Ивана, черкешенку Марию, в том же документе говорится иначе, без акцента на колдовстве, просто отравлена: «также вражиим злокозньством отравлена бысть».

Считается, что смерть любимой супруги стала психологическим рубежом для царя Ивана. Именно после 1560 года можно фиксировать смену его окружения, ожесточение и казни бывших приближенных, а в итоге опричнину. Обвинения в колдовстве стали постоянным спутником политических репрессий. Потусторонние силы, управление которыми затруднительно, пугали суеверного государя, заставляли сопротивляться этой напасти, чем, надо полагать, многие пользовались: «Ведь что творили они своим колдовством: желая царствовать сами и господствовать над всеми нами, они вроде как закрывали тебе глаза и ни на что не давали смотреть», – описывал Курбский действия «беспольных колдунов» из числа придворных. Зачастую мы не знаем точного повода для опалы того или иного дворянина, но если такая причина упомянута, то чаще всего это «измена» или посягательство на государя, то есть некий заговор, который, как предполагалось, сопровождался волхованием. В 1565 году казнен Александр Горбатов-Шуйский (вместе с сыном), желавший якобы узурпировать трон. При всем благородстве происхождения стать царем у него шансов не было, кроме как завладеть волей нынешнего государя. В 1568 году по аналогичному обвинению казнен первый боярин Иван

Архангел Гавриил. Фрагмент иконы
«Благовещение»

Федоров-Челяднин. Вероятность его воцарения тогда могла быть обоснована только вмешательством сверхъестественного. В жестоких расправах в те же годы погибли многие из выдвинувшихся в период борьбы за благочестие после пожаров 1547 года. В частности, Хозяин Тютин, которому было поручено в 1552-м повсеместно читать указ о запрете чародейства. С 1554 года Тютин был казначеем, а в 1568-м по делу Федорова царь расправился с ним и его семьей. В 1573 году погиб князь Михаил Воротынский, выдающийся воевода, герой битвы при Молодях, случившейся всего за год до казни. Его оклеветал слуга, который донес, что Воротынский искал «баб-ворожеек», чтобы «околдовать» царя. Тогда же

казнили двоюродных братьев царицы Марфы Собакиной – Степана, Семена и Калиста. Их обвинили в попытке «извести» царя «чародейством».

Казни ведунгов при Иване Грозном случались многократно, хотя не все они четко зафиксированы. Позже он даже внес некоторых в синодик опальных, составленный около 1583 года. Среди казненных по делу Старицких в октябре 1569 года там упоминается сразу вослед за священниками «ведун баба Мария» из Китай-города. А в Новгороде, когда царь прибыл туда зимой 1570 года, были казнены «15 баб, называли их ведуньями». Колдовство фигурировало среди обвинений в отношении митрополита Московского Филиппа (Колычева) в 1568 году. Священники вообще были на передовой в контактах с потусторонним, а потому – и в зоне особого риска.

После умершего в 1563 году Макария митрополитскую кафедру занял Афанасий, но продержался чуть более двух лет и вернулся в Чудов монастырь. На его место царь вызвал из Соловецкого монастыря игумена Филиппа, который казался ему образцовым пастырем. Но и здесь согласие продержалось чуть более двух лет. Осенью 1568 года опричники схватили митрополита Филиппа прямо во время службы. Над ним публично издевались, а потом бросили в загаженный хлев, где

оковы с него неведомым образом спали. А когда к узнику запустили голодного медведя, тот оказался прикасаться к архиерею. Эти события в окружении царя восприняли как результат чародейства. Царь хотел сжечь колдуна, но его уговорили решить дело потихому: Филиппа выслали в загородный монастырь и там удавили. За чародейство служители приняли чудотворения святого мученика Филиппа.

После разгрома новгородского «гнезда поро-

ка» Иван Грозный только в конце 1571 года согласовал назначение туда новым архиепископом игумена Чудова монастыря Леонида. Но и тот вскоре попал в опалу. Хронология событий в источниках запутанна, то ли это 1573 год, то ли 1575-й, но в целом ясно, что расследование в отношении Леонида совпало с делом врача и колдуна Елисея Бомелия, который, возможно, дал показания, порочащие священника.

После пыток и дознания «епископ Новгородский был обвинен в измене и в чеканке денег, которые он пересылал вместе с другими сокровищами королям Польши и Швеции, в мужеложестве, в содержании ведьм, мальчиков, животных и в других отвратительных преступлениях». 11 доверенных слуг Леонида «были повешены на воротах его дворца в Москве, а его ведьмы были позорно четвергованы и сожжены».

Бомелий служил личным врачом Ивана Грозного и приобрел его исключительное доверие, но у современников снискал репутацию чародея и чернокнижника. Примечательно осведомленный

псковский летописец называет его «лютым волхвом» и описывает как опасного еретика.

Бомелий происходил то ли из Вестфалии, то ли из Залтбommеля в соседнем Гелдерланде. Он учился в Кембридже, но попался на алхимических практиках и был заточен в тюрьму за колдовство. Из английских застенков его вывел русский посланник А.Г. Солин, предложив контракт врача в далекой Московии. В 1570 году Бомелий появился при московском дворе – в разгар бушевавшей чумы и голода. Он не только врачевал, но и помогал царю, если верить сведениям беглых опричников Таубе и Крузе, травить неугодных, готовил соответствующие зелья – извел сотни придворных. Даже английский агент Горсей отзывался о нем неприязненно. Согласно Штадену, опричнику, покинувшему Россию после 1576 года, Бомелий был схвачен при попытке нелегально покинуть страну. Его осудили, и он стигнул в темнице.

С именем Бомелия, судя по всему, также связана одна из самых известных и радикальных причуд

Ивана Грозного – внезапный отказ от трона и венчание на царство в 1575 году крещеного татарина Симеона Бекбулатовича. Исследователи согласны с версией летописца, что причиной этого послужило астрологическое предсказание, согласно которому царь должен был погибнуть в этом, видимо, 7084 году от сотворения мира (сентябрь 1575 – август 1576 года). И это наиболее яркий случай, показывающий, насколько политика в то время была увязана с сатанинскими нападками на государя. Симеон пробыл царем именно год и потом был отослан в Тверь, а Иван Грозный вернул себе символические признаки власти.

Карамзин писал, что Бомелия публично сожгли, хотя и не в связи с колдовством, но за «тайную связь с Баторием». Форма казни определенно указывает на обвинения в магических практиках, но историку XIX века было уже не с руки писать о них без ухмылки. В XVI же веке к колдовству относились стократ серьезнее. ■

Окончание следует.

ТАЙНАЯ МИССИЯ КАПИТАНА МУЛОВСКОГО

АВТОР
ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

В СЕНТЯБРЕ 1787 ГОДА ГРАФ ДЕ ЛАПЕРУЗ СООБЩАЛ ПОСЛУ ФРАНЦИИ ПРИ РУССКОМ ДВОРЕ, ЧТО ВОЗГЛАВЛЯЕМАЯ ИМ ЭКСПЕДИЦИЯ РАДУШНО ПРИНЯТА КОМЕНДАНТОМ ПЕТРОПАВЛОВСКА. ЭТО БЫЛО ОДНО ИЗ ПОСЛЕДНИХ ДОНЕСЕНИЙ ЛАПЕРУЗА – С ЯНВАРЯ 1788 ГОДА НОВОСТЕЙ О НЕМ БОЛЬШЕ НЕ БЫЛО. КОРАБЛИ ПРОПАЛИ!

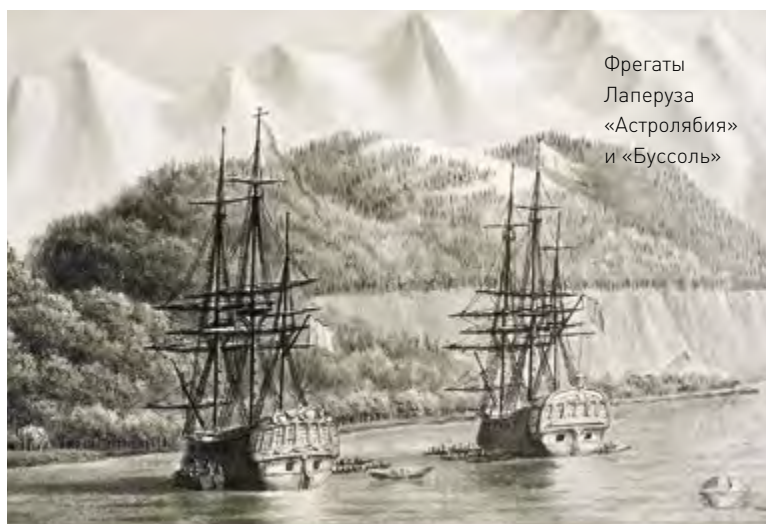
НАЧАТЬ ПОИСКИ ВО- время не смогли: наступили времена Французской революции. Спасательная экспедиция вышла в море только к концу лета 1791 года, но следов Лаперуза не обнаружила. По преданию, в январе 1793-го Людовик XVI, сядя в повозку, которая должна была доставить его на эшафот, спросил палача: «Нет ли вестей о Лаперузе?» Вестей не было до 1827 года, когда ирландец Питер Диллон, а вслед за ним француз Жюль Себастьян Сезар Дюмон-Дюрвиль нашли на острове Ваникоро в гряде Соломоновых островов разби-

тые остовы кораблей Лаперуза. Обстоятельства гибели экспедиции так и остаются невыясненными. В мае 2005 года близ Ваникоро обнаружили обломок секстанта, на одной из планок которого удалось прочесть выгравированную надпись Mercier: по инвентарной описи «Буссоли», на ее борту находился взятый из Королевской военно-морской академии секстант, изготовленный «господином Мерсье». В 2011-м нашли останки одного из участников экспедиции – предположительно бывшего преподавателя Бонапарта, астронома Дажеле. Их доставили во Францию и погребли в замке Бреста, откуда экспедиция отправилась в плавание...

БЛЕСТЯЩИЙ БАСТАРД

Но весной 1787 года еще ничто не предвещало трагедии. На Зимний дворец сообщение о приходе французов на Камчатку обрушилось как снег на голову. Государственный секретарь Испании граф де Флоридабланка писал вице-королю Новой Испании, что «на секретных собраниях, созванных для обсуждения этого вопроса, императрице было предложено издать специальный манифест о том, что в ее владении находится весь Американский континент, от побережья, расположенного на одной широте с Камчаткой, до Гудзонова залива с одной стороны и до горы Святого Элиаса – с другой, так как английские и испанские экспедиции, по ее мнению, достигли только этих двух точек, а также потому, что народы, населяющие те края, были открыты русскими, причем некоторые платят им дань. В сем манифесте должно быть указано, что цель экспедиции заключается в укреплении и защите упомянутых владений от любого, кто вознамерится обосноваться на этих территориях, и опубликован

Окончание. Начало см.:
«Русский мир.ru» №6 за 2021 год.

Фрегаты
Лаперуза
«Астролябия»
и «Буссоль»

П.-Дж. Батони.
Портрет государственного секретаря Испании графа де Флоридабланка

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Польский король Станислав II Август Понятовский

он должен быть во всех европейских державах».

В Мадриде, а заодно и в Лондоне с Парижем можно было начать волноваться! 22 декабря 1786 года вышел указ императрицы, предписывавший «немедленно послать из Балтийского моря два судна, вооруженных по примеру потребленных английским капитаном Куком и другими мореплавателями для подобных открытий, и две вооруженные шлюпки, морские или другие суда». Через три дня во дворце графа Чернышева на Мойке состоялось тайное совещание – руководителем задуманной морской экспедиции был назначен капитан первого ранга Григорий Иванович Муловский. «Это был лучший офицер того времени: отлично образованный, хороший моряк, и притом молодой, не изнуренный долговременною службою – ему было 29 лет от роду», – писал о Муловском историк русского флота Александр Соколов, одним из первых изучавший эту экспедицию. Муловский был человеком ярким и необычным. Он родился в 1757 году и, по слухам, был плодом тайной любви будущей государыни Екатерины II и графа Станислава-Августа Понятовского, последнего короля Польши. Возможно, монаршим покрови-

Д.Г. Левицкий.
Граф Иван Григорьевич Чернышев.
1790 год

тельством и объяснялся взлет его карьеры: за двенадцать лет он прошел путь от мичмана до капитана первого ранга. Однако о происхождении Муловского ходили и другие разговоры: якобы отцом его был некий богатый сановник, а фамилию Григорий получил от матери. Свои соображения по этому поводу высказал испанский посол Педро де Норманде. В феврале 1787 года он сообщил в Мадрид о подготовке к плаванию на Камчатку четырех кораблей и упомянул, что во главе их поставлен «капитан

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Титульный лист книги об исполнении Высочайшего указа от 22 декабря 1786 года

Moloski, родной сын морского министра». Посланник Великобритании в России Чарльз Уитворт в октябре 1791 года в переписке с главой британского МИДа бароном Гренвиллом напомнил о «двух небольших эскадрах», готовившихся накануне войны со Швецией отплыть к Камчатке, и привел имена их руководителей: «капитан Travaniou, англичанин, который был с капитаном Куком, и назначен был идти вокруг мыса Горн, другой же, капитан Mulofskoï (родной сын графа Iwan Chernicky и отличный офицер, прошедший школу английского флота), которому следовало идти, огибая мыс Доброй Надежды».

Не относится ли упоминание «морского министра» и «графа Iwan Chernicky» к известнейшему деятелю Екатерининской эпохи – графу Ивану Григорьевичу Чернышеву? Человек светский и весьма образованный, Иван Григорьевич возглавлял Адмиралтейств-коллегию и фактически руководил всеми делами по флоту, но был не слишком искушен в военно-морских делах. Поговаривали, что вельможа был не вполне чист на руку, но кто из светских львов екатерининской поры избежал подобных упреков? Мог и не всегда удачливый предприниматель, Чернышев виртуозно подготавливал собственные брачные партии. В первый раз его выбор пал на фрейлину Елизавету Ефимовскую, невесту богатую, приходившуюся по бабке двоюродной племянницей императрице Елизавете Петровне. Когда же супруга скончалась, граф в 1757 году женился вторично. На сей раз его избранницей стала Анна Исленьева. Матушка ее, Мария Артемьевна Загряжская, овдовев, вышла замуж за барона Александра Строганова. А после его смерти осталась хозяйкой немалого количества солеварен, уральских мануфактур и огромных земельных владений. Монашеских обетов

граф не давал, и, пока решался вопрос о второй женитьбе, на свет появился Григорий Муловский.

В феврале 1770 года мальчика определили в Морской корпус, через год, уже гардемаринном, он уехал «собственным иждивением» в Великобританию. В январе 1772-го, вернувшись в Россию, молодой человек получил чин мичмана и попал адъютантом к сэру Чарльзу Ноулзу – адмиралу британского флота, который в октябре 1770 года перешел на русскую службу и был назначен генерал-интендантом флота. А в 1773 году в эскадре контр-адмирала Самуила Грейга Муловский отправился в Средиземное море. Меняя страны и веси, он ездил по Европе и вернулся в Россию в 1776 году высокообразованным офицером, владевшим четырьмя языками. С июля 1776-го его определили генеральс-адъютантом к графу Чернышеву. Вскоре началась Война за независимость Северо-американских колоний. Русское правительство выступило инициатором создания системы «вооруженного морского нейтралитета», призвав все европейские державы, не принимавшие участия в военном конфликте, заключить союз для защиты нейтрального флага. Императрица Екатерина распорядилась направить в Атлантику русские эскадры, которым было предписано патрулировать морские воды и не допускать нападений каперов воюющих сторон на торговые суда нейтральных держав. Муловскому поручили командовать фрегатом «Святой Михаил» в эскадре контр-адмирала Степана Хметевского, крейсировавшей в Северном море между Нордкапом и Кильдином. Затем он вновь попал на Средиземное море: в 1780-м ездил со специальным поручением в Ливорно, а в 1781 году на флагманском корабле эскадры контр-адмирала Якова Сухотина «Святой Пантелеймон» плавал в Средиземное море и

Морской кадетский корпус в 1752 году.
С литографии В.А. Прохорова

Сэр Чарльз Ноулз, 1-й баронет, адмирал британского королевского флота

исполнял какие-то тайные поручения. В 1782–1783 годах, во время Войны за независимость Соединенных Штатов, Муловский командовал кораблем «Святой Давид Солунский» в эскадре адмирала Василия Чичагова и совершил еще одно плавание в Средиземноморье. После подписания Версальского мирного договора Григорий Иванович вернулся в Россию и служил на Балтийском флоте.

ПЛАН ГОТОВ

Зимой 1787 года масштабный план военно-морского предприятия в Тихий океан был вчерне составлен. В состав экспедиции назначили пять судов: 600-тонный «Холмогор» (командир – капитан первого ранга Г.И. Муловский), 530-тонный «Соловки» (капитан второго ранга А.М. Киреевский), 450-тонные «Сокол» (капитан-лейтенант Е.К. фон Сиверс) и «Турухтан» (капитан-лейтенант князь Д.С. Трубецкой), а также транспортное судно «Смелый» (капитан-лейтенант К.И. фон Гревенс). В корабельных экипажах должно было числиться 639 человек. Офицеров (16 лейтенантов, 17 мичманов и офицер морской артиллерии) подбирал сам Муловский. Во время плавания ему было разрешено нанимать штурманов «из датчан, шведов, а при необходимости и из англичан, бывавших в Ост-Индии и Китае». Предполагалось, что корабли направятся в Индийский океан, минуя мыс Доброй Надежды, а далее – к Зондскому проливу или к берегам Южного Уэльса (Австралия). Войдя в Тихий океан и подойдя к Сандвичевым островам, эскадра разделялась на три группы. Отряду Муловского предписывалось идти к побережью Северной Америки и «обозреть так называемую английским капитаном Куком Сент-Жорж Зунд, или гавань

Нутку»; далее вдоль американского побережья двигаться на север к Аляске и «оной берег... взять во владение Российского государства, ежели оный прежде никакою державою не занят». Брать под скипетр императрицы новые территории Муловскому следовало без колебаний, устанавливая на них медали и чугунные гербы. Найденные же гербы и знаки других держав предписывалось решительно «срыть, разровнять и уничтожить»; при обнаружении на русских территориях иностранных факторий, укреплений и иностранных судов вытеснять их силой. Второй отряд направлялся к Курильским островам. Их надлежало описать, «положить их наивернее на карту» и официально закрепить за Россией, «поставя и укрепя гербы и зарыв медали в пристойных местах». Затем корабли должны были плыть к устью Амура и Сахалину. Транспортное же судно с грузом получило распоряжение идти в Петропавловск-Камчатский. После наведения порядка в российских владениях в Америке Муловскому предстояло пройти вдоль южной гряды Алеутских островов в Петропавловскую гавань и встать на ремонт. Далее предполагался поход его отряда

Петер Симон Паллас.
Гравированный портрет

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вдоль северного побережья Алеутской гряды, во время которого следовало по отношению к местным жителям вести себя «дружелюбнейшим видом». Когда же «дикие» «полюбят вас за вашу ласковость и щедрость», надлежало уговорить их, «дабы они, ежели хотят навсегда остаться друзьями россиянам, не дозволяли никому вырыть или портить тот поставленный знак: ни своим, ни приезжающим, и берегли бы оный в целости так, как и медали, повешенные им на шею». Обратный маршрут движения кораблей не оговаривался: Муловский сам должен был решить, как действовать для «выгоднейшего исполнения» целей экспедиции.

Карта
Индийского океана
и его берегов.
1708 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ» РУССКИХ

Разработка научной части экспедиции была возложена на уроженца Берлина академика Петербургской Академии наук Петра Симона Палласа, изучавшего результаты плаваний Кука. 31 декабря 1786 года Паллас был назначен историографом флота с жалованьем 750 рублей в год, дал соответствующую присягу и обязался хранить тайны, которые мог бы узнать из предоставленных ему для изучения архивных материалов. На плечи его легла переписка с зарубежными учеными и хлопоты по покупке астрономических инструментов. Самое пристальное внимание Паллас уделил вопросам соблюдения гигиены на корабле в экспедиции Кука. В глазах интеллектуалов XVIII века насыщенный заразными миазмами воздух, наполненный зловонием сточных канав и липкими запахами болезней, грозил человечеству ужасными последствиями. Особенно на переполненном десятками матросов крохотном корабле в открытом море. Поэтому программа очистки «человеческих скоплений» превратилась в актуальнейшую задачу любого морского путешествия. И Кук, отправляясь в плавание, получил специальные указания Адмиралтейства проверить действенность различных медицинских средств для профилактики заболеваний. В результате его усилий на судах улучшились бытовые условия, повысилось качество провизии и снизилась смертность. Изучив его опыт, Паллас сделал соответствующие выводы и составил список антицинготных продуктов. В него попали кислая капуста, сушеный суп, горчица, хрен, овсяная крупа, крепкое виноградное вино с Мадейры, можжевельные ягоды, сахарный сироп, «из солоду сделанный экстракт, сосновая американская противоцинготная эссенция и очень хорошо закупоренный солод». Особое внимание уделялось исполь-

зованию citrusовых как главного антицинготного средства. Паллас использовал в своих рекомендациях и кулинарные достижения русских моряков. Об их вкусе и пользе рассуждал и Кук, отмечавший, что русские не только обладают «искусством из посредственной снеди изготовить вкусные блюда», например «пудинга, или пирога, из лососинной икры», но и используют такой полезный продукт, как «ягодный сок».

Это «секретное оружие» русских вызвало особый интерес у Палласа. Разговоры о «сыропе» из клюквы велись еще на первом совещании у Чернышева. В марте 1787 года четыре бутылки экспериментального «клюквенного сыропа» различной крепости были переданы на пробу Муловскому. После дегустации дело приняло промышленный масштаб: приготовили два оксофта (оксофт – 286,4 литра) с шестой частью водки, два оксофта без водки и один оксофт без добавок – «клюквенный сок и сахар». Не вполне, впрочем, ясно, какие ингредиенты входили в состав «клюквенного сыропа», так как в дальнейшей переписке фигурирует морошка. Малые бочонки приготовленного в Архангельске «сыропа» в количестве 549 ведер и трех кружек погрузили на судно «Фанни» и отправили в Портсмут. Здесь груз должен был дожидаться прибытия кораблей Муловского. Когда же экспедицию отменили, встал вопрос о том, что с ним делать дальше: напиток портился, а за хранение груза на портсмутских складах приходилось платить немалые суммы. Кончилась история тем, что полномочному министру в Лондоне Семену Воронцову направили распоряжение продать еще годный к употреблению «клюквенный сыроп» и закрыть на этом дело.

Ратовал Паллас и за использование сухарей из ржаных отрубей. Он внимательно изучил опыт архангельских поморов, в качестве профилактики от цинги использовавших тресковый жир

Клюква и морошка. Рисунки из ботанических атласов

и печень трески, теплую кровь животных, сырую рыбу, строганину и особую брагу, которую настаивали на морошке и смешивали с топленным молоком. Называлось это кислое питье «ставка». Кроме того, по мнению Палласа, уместны были бы капуста (свежая и квашеная), лук, чеснок, клюква, лебеда, сныть, крапива, щавель, редька, морковь, хрен, ягоды можжевельника. Наибольшую же опасность несла соль – ведь самоеды и остяки, полагал академик, ее вовсе не едят, и цинги среди них не замечено. Столь же ценным для профилактики цинги представлялся ему квас, так как в русских тюрьмах, где он входил в рацион питания, горячки и других «гниющих болезней» не на-

блюдалось. Употребление кваса можно было чередовать с питьем «сбитня морского». Рецепт его выглядел так: в камбузе надлежало установить печи и «в те печи вмазать большие медные котлы с крышками. На той кухне поставить большие чаны и приготовить бочки для варения». В состав напитка входило по 30 ведер вина, пива и уксуса, 15 ведер меда, 3,72 фунта имбиря и 1,84 фунта перца. Напиток следовало уварить до десятой части, после чего «отнять» огонь, остудить и перелить сбитень в чаны, а через 12 часов – по бочкам, в соотношении 6 частей воды к 1 сбитню. Затем подождать 12 часов, пока сбитень закиснет, после чего отпускать его команде.

Джеймс Кук плывал на «Индеворе» у восточного побережья Новой Зеландии в 1769 году

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

В апреле 1787 года Муловский выехал в Европу. Ему было поручено закупить в Англии измерительные и навигационные приборы: секстаны Гадлея, циркулярные инструменты, хронометры, ахроматические трубы, магниты для уничтожения девиации компасов, квадранты, макрометрические телескопы и астролябии для береговых наблюдений. Планировалась также закупка хирургических инструментов и специальных печей с котлами «для перегону морской соленой воды в пресную».

В особое «попечение» Муловского входил поиск ученых для проведения научных исследований. Организаторы требовали привлечь к делу участников плаваний Кука. Наиболее подходящим для «произведения наблюдений физических, метеорологических и естественной истории» показался им профессор Георг Форстер, сын знаменитого немецкого ученого Иоганна Рейнгольда Форстера. В 1779 году молодой Форстер защитил диссертацию в Галльском университете, затем преподавал в Касселе, а в 1784–1787 годах занимал должность профессора естественных наук Виленского университета. Переговоры с ним вел сам Муловский. Он должен был обсудить с Форстером все «кондиции» и заключить контракт, предусматривавший размеры жалованья, равного профессору Виленского университета, пенсию вдове и детям, «растолковав» при этом, что, «сколько бы не умерено было жалованье, но тем уже велико, что будет получаемо всю жизнь». Форстер должен был уволиться из Виленского университета, получив доплату 1400 рублей, которые следовало выплатить университету как компенсацию за разрыв контракта. На проезд жены и детей и перевозку имущества казна выделяла 5400 рублей. Жалованье полагалось в размере 3 тысяч рублей в год и выплачивалось с 1 октября 1787 года. После возвращения из экс-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

педиции Форстер должен был в течение года получить 3 тысячи рублей, а затем еще по тысяче в год. И особое условие: Форстер обязывался дать присягу о сохранении тайны, касающейся всех будущих открытий.

Переговоры с историографом шли нелегко. В августе 1787 года Форстер потребовал, чтобы его назначили ординарным профессором Петербургской Академии наук с соответствующим чином, а также дали дополнительные субсидии в 530 рублей к назначенным для Виленского университета «откупным», которые пошли бы на возмещение издержек на переезд семьи из Касселя в Вильно и на ремонт квартиры. Деньги (5400 рублей) были переведены. Когда же экспедицию

Иоганн Георг Адам Форстер (1754–1794), немецкий просветитель, публицист, писатель, путешественник, ученый-естествоиспытатель

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Т. Лоуренс.
Портрет Семена Романовича Воронцова.
Около 1805–1806 годов

отменили, Форстер находился в Гёттингене – он уже расторг контракт с Виленским университетом и оказался в крайне стесненном положении, потеряв место. Он попытался было попасть в состав испанской экспедиции на Филиппинские острова, но и здесь Форстера ждала неудача. Ему, впрочем, удалось получить скромное место директора университетской библиотеки в курфюршестве Майнц. Когда же волны Французской революции перекатились за Рейн и французские войска вступили в Майнц, Форстер примкнул к защитникам идей якобинцев и стал одним из руководителей присоединившейся к Франции Майнцской республики.

На место еще одного историографа рассматривались кандидатуры профессора хирургии и повивального искусства, профессора Калинкинского медико-хирургического института Ивана Яковлевича Рудольфа и доктора медицины и дипломата Якова Рейнегса (настоящая фамилия Энхлих) – человека совершенно необычной судьбы. В бытность в Лейпциге он освоил профессию брадобрея, в Вене пробовал себя на сцене, в Венгрии лечил больных, а в Польше стал известен как ученый-естествоиспытатель. Владея турецким языком, он пересек Османскую империю, приняв ислам. Жизнь занесла его в Тифлис, где он поначалу открыл типографию, а потом устроился врачом при дворе грузинского царя Ираклия II. В 1782 году он перебрался в Россию и попал в фавор к светлейшему князю Григорию Потемкину. В момент же подготовки экспедиции Муловского Рейнегс состоял инспектором врачебной школы при петербургской Екатерининской больнице.

В качестве потенциальных участников плавания рассматривались также участник плавания Кука, астроном и ведущий сотрудник Королевской военноморской академии в Портсмуте Уильям Бейли, ординарный академик Петербургской академии Иоганн Бернулли, доктор меди-

цины С. Зёммеринг и четыре живописца.

Главное внимание, разумеется, было уделено подбору командного состава. Организаторы экспедиции остановили свое внимание на очередном «ветеране» Кука – Джеймсе Тревенене. Выпускник Королевской военно-морской академии в Портсмуте Тревенен служил штурманом на флагманском корабле Кука «Резолюшн». После гибели Кука Тревенен перешел на «Дискавери», где попал под начало Джеймса Кинга. Подружившись с командиром, Тревенен с тех пор служил вместе с ним. Во время Войны за независимость США на 24-пушечном фрегате «Крокотайл» он крейсировал в Ла-Манше и Северном море, затем на «Резистансе» участвовал в военных конвоях в Вест-Индии, отличившись в операциях Нельсона против французского флота у острова Гранд-Терк. После смерти Кинга в 1784 году Тревенен оставил службу и несколько лет путешествовал по Европе. В 1786-м он безуспешно пытался вернуться на флот. Затем встретился в Лондоне с Воронцовым и представил ему план организации торговли пушниной в Тихом океане: три корабля должны были совершить плавание из Кронштадта к берегам Камчатки, после чего два судна остались бы у берегов полуострова, а третье направилось бы собирать добытые промышленниками меха для доставки в Японию.

В Петербурге на предложение Тревенена отреагировали незамедлительно: он был приглашен в Россию как один из возможных руководителей экспедиции Муловского. По дороге с ним произошло несчастье: выехав из Лондона в июне 1787 года, он добрался до Берлина, где сломал ногу, и прибыл в Петербург только в октябре. 27 октября 1787-го его приняли на службу капитаном второго ранга, причем в соответствии с распоряжением Екатерины II жалование Тревенену предписывалось выплачивать, «доколе он в службе нашей останется».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сражение
при Гогланде.
1788 год

СУДЬБА ЭКСПЕДИЦИИ

Весна, лето и ранняя осень 1787 года прошли в напряженной работе по снаряжению плавания. Руководство всеми делами легло на плечи графа Чернышева, канцелярия которого превратилась в настоящий штаб. Сам же граф, состоявший в свите императрицы, совершавшей тогда «историческое путешествие в Тавриду», еще в апреле 1787 года полагал, что к августу корабли будут готовы. Правда, он был не в состоянии лично контролировать снаряжение кораблей, так как был разбит «жестокими ревматическими припадками».

К началу октября 1787 года почти все было готово: суда были «введены в Кронштадтский канал», командирам вручены инструкции, а команды полностью уком-

плектованы. Для закрепления за Россией открытых земель на корабли было погружено 200 чугунных гербов, 1700 золотых, серебряных и чугунных медалей с надписями на латинском и русском языках, отлитых на Александровском Олонецком заводе с пометами 789, 790 и 791 годов для установки в местах, открытых Муловским, а также гербы без обозначения года, которые следовало разместить на островах и берегах, открытых русскими до прихода экспедиции.

Однако сигнала к выходу в море не последовало. 16 октября из-за начавшейся русско-турецкой войны Екатерина II распорядилась экспедицию Муловского «отложить до удобного времени». 28 октября последовал официальный указ Адмиралтейств-коллегии об отмене экспедиции.

Муловский был назначен командиром корабля «Мстислав» и должен был отправиться в составе эскадры адмирала Грейга в Средиземное море. Однако из-за начавшейся в июне 1788 года войны со Швецией отменили и эту экспедицию – основной театр боевых действий переместился на Балтику. Король Густав III рассчитывал взять реванш за неудачи в прошлых войнах: вернуть потерянные территории в Финляндии, Эстляндии, Лифляндии и Курляндии, войти

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Лоренц Паш
Младший.
Шведский
король Густав III.
1780-е годы

в Петербург и ниспровергнуть ненавистный Медный всадник. Ключом к успеху должна была стать победа над русским флотом. Дело решилось в кровопролитном Гогландском сражении 6 июля 1788 года между эскадрами Грейга и герцога Карла Зюдерманландского. Муловский имел случай отличиться: несмотря на тяжелые повреждения, его 74-пушечный «Мстислав» до последнего бился с превосходившими по численности шведскими линейными кораблями, прикрывая флагманский «Ростислав». «Во уважение отличной храбрости и мужественных подвигов, оказанных 6 июля 1788 года нанесением более других вреда флоту шведского короля» Муловский был пожалован орденом Святого Георгия 4-й степени. 15 июля 1789 года Муловский, уже в чине капитана бригадирского ранга, погиб в Эландском сражении. По распоряжению командующего флотом адмирала Чичагова тело доблестного командира «Мстислава» перевезли на госпитальное судно «Холмогор» и отправили в Ревель. Ирония судьбы: именно на «Холмогоре» Григорий Иванович должен был возглавлять первое русское кругосветное плавание и пронести российский флаг через Тихий океан. Однако судьба распорядилась иначе, и теперь на борту «Холмогора» тело сво-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

его погибшего командира в последний путь провожал офицер «Мстислава» – лейтенант Иван Крузенштерн.

Трагично сложилась и судьба второго руководителя несостоявшейся экспедиции – Джеймса Тревенена. Как и Муловский, Тревенен участвовал в Гогландском сражении, во время которого командовал 66-пушечным «Родиславом» и был пожалован орденом Святого Георгия 4-й степени. Затем он ушел в крейсерство в финляндские шхеры. В письме Воронцову от 1 октября 1788 года канцлер Александр Безбородко отмечал: «Тревенен, которого вы нам достали, человек отличный и которой из себя обещает знаменитого адмирала. Мы с Грейгом условились уж при первом случае стараться повесть его чином далее». Как, впрочем, выяснилось, внима-

Схема
Гогландского
сражения

И.К. Айвазовский. Морское сражение при Выборге 1790 года. 1846 год

тельно следили за успехами Тревенена и в Лондоне. В письмах Екатерине II и канцлеру Безбородко от 17 июля 1789 года Воронцов не без злорадства сообщал, что в Лондоне никак не могут пережить потерю «офицера столь высокого достоинства» и по сей день «тужат», что он служит в России, женился и обрастает корнями.

Но Воронцова тревожили слухи о том, что награжденный во время русско-шведской войны за храбрость Золотым оружием Тревенен недоволен русской службой и может вернуться на родину. Как выяснилось, поводом стал конфликт британца с командиром Ревельской эскадры адмиралом Чичаговым, который, по словам Безбородко, был бы «всех иностранцев рад с рук сжить». Адмирал сделал британцу взыскание за обучение рекрутов артиллерийской стрельбе и маневрам, во время которых он посмел «тратить казну государства, теряя столько пороха». В ответ Тревенен заявил, что «порох для рекрут употребляемый, не должно считать потраченным, а что тот токмо потрачен будет со вредом и к безславию флота, который употребляется в сражении людьми, к оному не привыкшими и кои им обучаемы не были». Воронцов всячески отстаивал своего протеже. Сначала Тревенена, как счел Воронцов, несправедливо обошли с производством в контр-адмиралы; теперь же не позволяют должным образом проявить себя: «так мы потеряем человека, коего уже никем заменить не можно», – с горечью констатировал Воронцов. Семен Романович как в воду глядел. «Проклятое шведское ядро» убило британца во время Выборгского сражения 22 июня 1790 года, когда, командуя 66-пушечным кораблем «Не тронь меня», Тревенен сдерживал прорыв шведского флота из Выборгского залива. Рядом с ним на борту корабля сражался другой будущий русский «кругосветчик» – молодой мичман Василий Михайлович Головин...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОХЛЕБКА ПРОСТАЯ И ЯСТВА ПРЕИЗРЯДНЫЕ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОГОТАРЕВЫМ

АВТОР

ДАНИИЛ ВЕДЕРНИКОВ

ЖАНР ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ ОБЗОРОВ И ПУТЕШЕСТВИЙ НЕ МОЖЕТ ПОХВАСТАТЬСЯ ДРЕВНОСТЬЮ, РОЖДЕНИЕ ЕМУ ДАЛ АЛЕКСАНДР ГРИМО ДЕ ЛА РЕНЬЕР – ДВОРЯНИН, ЧУДОМ СОХРАНИВШИЙ ГОЛОВУ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ПРОСЛАВИЛСЯ ОН КАК АВТОР «АЛЬМАНАХА ГУРМАНОВ» – ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО НАПОЛЕОНОВСКОМУ ПАРИЖУ. С ТЕХ ПОР ОПИСАНИЕ БЛЮД И ВКУСОВЫХ ОЩУЩЕНИЙ ВХОДИТ В МОДУ И НЕКОТОРЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ БУДУТ ПРЕОДОЛЕВАТЬ СОТНИ МИЛЬ РАДИ ДЕЛИКАТЕСОВ, НЕДОСТУПНЫХ В ИХ ОТЕЧЕСТВЕ.

ПРЕДСТАВИТЬ ВКУСЫ Парижа XIX века нам теперь не составит труда. Но что делать гурману,

путешествующему во времени, если он хочет отправиться во времена чуть более отдаленные? Скажем, прогуляться на манер ресторанного критика по петровскому Петербургу?

Вряд ли мы сможем найти достойного гида из представителей XVIII века. Интересы к описаниям блюд и рецептов этого времени почти не встретишь – что в записках иностранцев, что у соотечественников. Когда речь идет об обедах, то почти всегда рассказ состоит из описаний церемонии-

А. Максимов.
Невский
проспект
в XVIII веке.
1908 год

Угощение гостя
по старому
обычаю.
Лубок середины
XVIII века.
Гравюра
на дереве

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ла и этикета: за кого произносятся тосты, кого и как жалует правитель, каков порядок рассадки гостей. Вскользь могут перечисляться блюда из мяса и рыбы, а также способы их приготовления. Боярин Борис Шереметев, совершивший в 1697–1699 годах дипломатический тур от Польши до юга Италии, рассказывая об итальянских обедах, немногословен и отмечает лишь «презрядные богатые яства, питье, конфекты и лимоны». Единственное исключение – сравнительно подробное описание банкета при дворе императора Священной Римской империи Леопольда 27 декабря 1697 года: привычного к церемониям Шереметева удивляет, что в качестве obsługi на банкете выступают знатные дамы.

Голландец Корнелис де Бруин, посетивший Россию в 1701–1703 годах, хотя и пишет куда подробнее Шереметева и даже составляет список растений и животных, которую можно встретить в нашей стране, оказывается немногословен, как только дело доходит до описания банкетов:

«Накрыто было два стола в огромной зале: один длинный стол, за которым поместился его величество с разными господами, а супротив – женское общество, и другой круглый стол, посреди залы, за которым кушали англичане и большая часть немцев...» Свидетельство это много говорит о трансформации быта, но никак не будоражит желудок. Возможно, ситуацию исправили бы кулинарные книги, содержащие рецепты Петровской эпохи, но, увы, первые такие подробные сборники появляются лишь к царствованию Екатерины II.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Граф Борис
Петрович
Шереметев

Такое гастрономическое немногословие, охватывающее почти весь русский XVIII век, на самом деле красноречивее, чем кажется. Тот же де Бруин, мало рассказывая о кухне русских, много пишет о кухне самоедов, которая буквально шокирует его: «Они питаются трупами быков, овец и лошадей и других животных, которых подбирают на больших дорогах <...> также кишками и другими внутренностями этих животных. Все это они варят и едят без хлеба и соли. Бывши у них я видел большой котел с этими съедобными прелестями, которые кипели, и никто не считал нужным снимать с варева пену <...> Во всех углах было также сырое лошадиное мясо, производившее отвратительный запах». Чуждая и варварская кухня могут стать предметами описания, поскольку воплощают непривычную и даже враждебную гастрономическую картину, но вот кухня русских, хотя и имеет некоторые различия, но, в общем, не удивляет. Что европейский, что русский «знатный» стол имел много общего еще задолго до Петра I, и лишь различия в церемониях и этикете могли озадачить иностранцев. Но и они будут минимизированы к концу царствования государя.

ХАРЧА В ДОЛГ НИКТО НЕ ДАЕТ

Начнем нашу гастрономическую прогулку по раннему Петербургу, еще ничего не зная о церемониях и этикете двора, и попробуем еду простых рабочих и ремесленников, по велению царя пришедших строить новый город. Месняное жалованье мастерового составляло тогда 1–2 рубля. Кроме того, им в достаточном количестве должны были выдаваться мука и крупы. Но город, и прежде всего «канцелярия от строений», испытывает постоянные перебои с деньгами и провизией, мастера жалуются, что «вынуждены питаться меж дворов, а в долг харча нам никто не дает». Неизвестный немецкий путешественник, судя по всему, критически настроенный, так описы-

ваит городское снабжение и стол простонародья в Петербурге 1711 года: «Домашнюю скотину, как то рогатый скот, овец, свиней и проч., прежде можно было покупать за безделицу, но теперь, когда, при большом стечении народа в С.-Петербург, потребление чрезвычайно увеличилось, бедным людям очень трудно пропитываться, так что они употребляют в пищу больше коренья и капусту, хлеба же почти в глаза не видят». Дороговизна домашнего мяса, по счастью, компенсируется крайней дешевизной дичи, о чем пишет тот же автор: «тетеревей, куропаток, куликов, бекасов и т.п. так много, что крестьяне, ловящие этих птиц большею частию силками, предлагают их часто почти за ничто».

Город снабжается из соседних земель – Ладogi, Новгорода, Пскова, – но, по-видимому, еще испытывает перебои с продовольствием. Окрестных дач и фруктовых садов еще нет, поэтому «приходят из Новгорода целыя барки с яблоками, но с очень незавидными; о сливах же и грушах, и даже о вишнях, и слухом не слышать». Свежая рыба пока еще тоже довольно дорога, что компенсируется изобилием местного деликатеса – ферментированной соленой рыбы, издающей ужасный запах. «Простолоудины едят ее с невероятною алчностью и так же охотно, как свежую». Описание рыбы «с душком», столь любимой русскими, встречается у ряда иностранцев, посещавших Московское царство в XVII веке, хотя ферментированная рыба не была сугубо русским специалитетом и, судя по всему, характерна для некоторых регионов Балтики. В нашей современной кухне она не сохранилась, хотя теперь известна под видом сюрстрёмминга в кухне шведской.

Отведав простой похлебки из овощей и кореньев и рыбки «с душком», вместе с первыми петербургскими рабочими переместимся на пару десятилетий вперед, когда город уже сложился, а жизнь и быт в нем стали налаживаться.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«К плодородию с прежних лет <земля> была весьма неспособная, но ныне время от времени сия земля к лучшему плодородию изрядно предуспевает не токмо в житях, но и в огородных овощах и садах...» – пишет в 1751 году Андрей Богданов – автор одного из первых подробных описаний Петербурга. Крестьяне собирают в окрестных лесах клюкву, бруснику, морошку, клубнику, чернику, «голубицу и земляницу», малины растёт меньше, но вот «рябины премного» и грибов всякого рода. Разнообразная пернатая дичь водится в обширных лесах, а недостаток местного хлеба компенсируется подвозом зерна из Центральной России.

Хлеб и «колачи» можно приобрести на многочисленных стихийных рынках по всему городу.

«МАРКЕТАНТСКИЕ ИЗБЫ» И «ПИТЕЙНЫЕ ДОМЫ»

Питание рабочих, часто прибывающих на сезонные заработки и посему не имеющих постоянного стола, решается за счет «маркетантских изб» – лавочек съестного и разносчиков уличной еды. Зайдя в такую избу, мы сможем взять щи с мясом, уху с рыбой, пироги, блины, «грешневики», калачи простые и «здобные»,

хлебы ржаные и ситные, квасы, «збитень» вместо чая.

Интересно в этом списке отметить щи и уху как основу рациона. Одна такая похлебка (наряду с кашей) и была основным и главным блюдом на столе простонародья. Следует лишь отметить, что «суп» в привычном нам понимании тогда отсутствовал, он должен был быть сытным и содержать большое количество нарезанного мяса или рыбы, представляя собой по консистенции, скорее, рагу. В европейской традиции того времени, которая тогда входит и в кухню Петербурга, суп подавали, пропитав им большое количество хлебных корочек, с разложенными на них кусками мяса. Отдаленное свидетельство этой традиции известное с сейчас – французский луковый суп.

Гречневники – гречневые лепешки, которые могли идти вприкуску к щам, – а также блины и пироги, два основных блюда уличной еды того времени, служили для быстрого перекуса прямо во время работы. Еще одно блюдо, не упомянутое Богдановым, но характерное для уличной еды тех лет – гороховый кисель. Это старинное блюдо, упомянутое еще в «Домострое», представляло собой ва-

А.Н. Бенуа.
Петербургская
улица при Петре I.
1910 год

Застолье
у Меншикова.
Петр I берет
Екатерину
у Меншикова.
Картина работы
неизвестного
художника.
XIX век

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

реную гороховую муку, охлажденную в формах. Такой кисель нарезали кусками и подавали, полив конопляным или льняным маслом.

«Збитень», упоминаемый автором, скорее всего, был достаточно крепкой смесью пива, меда и «вина» – то есть хлебного дистиллята с пряностями. Такую крепкую смесь тогда могли назвать «морским сбитнем». Рецепты сбитней встречаются и в «Домострое», и в более поздних книгах по домоводству и мало меняются за 250 лет.

Выпить пива, крепкого меда и хлебного вина – простого ржаного дистиллята – народ мог в кабаке. Петр I, опасаясь злоупотреблений и мошенничества, назначает «целовальниками» (то есть содержателями питейных домов) раскольников, известных большей порядочностью. Впрочем, даже эта мера не помогала. Поэт и дипломат эпохи Анны Иоанновны Антиох Кантемир, высмеивая городские пороки в пространной сатире «На человеческие злонравия вообще», целую новеллу посвящает целовальнику, который, прикрываясь бородой и благочестивыми речами, «льет в вино воду смело».

Перекусив щами с гречневиком и выпив рюмку вина или сбитня, продолжим нашу прогулку.

Помимо многочисленных рабочих из простонародья в городе полно моряков – это и простые матросы, и команды купеческих кораблей, и офицеры флота.

«ПОТЧИВАЛ КОРАБЕЛЬНЫМИ БЛЮДАМИ»

Поднявшись на борт корабля, отправимся за матросским пайком. Кстати, нужно не забыть заранее договориться о посуде: на кораблях, согласно уставу, не каждому полагаются индивидуальные нож и кружка – их выдают одну на двоих. В 1720 году на матроса в месяц выдавалось 45 фунтов сухарей, 10 фунтов гороха, 15 фунтов крупы,

Сбитенщик.
Раскрашенная
гравюра на меди.
XVIII век

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

в том числе 5 фунтов гречневой и 10 фунтов овсяной, по 5 фунтов соленой свинины и говядины, 4 фунта сушеной рыбы, 6 фунтов коровьего масла, 7 ведер (86,1 литра) пива, 16 чарок (1,97 литра) хлебного вина, полкружки уксуса, полтора фунта соли.

Горох могли отваривать отдельно, а солонину, масло и крупу (гречку или овес) варили вместе в большом котле. В постные дни подобную кашу готовили с сушеной рыбой. Корабельные сухари были мало похожи на современный высушенный хлеб, их специально готовили из смеси муки и воды, формовали небольшими кружочками и высушивали несколько раз в печи, чтобы полностью удалить влагу. Такие сухари могли выдерживать долгое путешествие, но их с трудом мог разгрызть человек. Сухари размачивают в пиве или толчеными добавляют в пищу; когда корабль стоит в порту, сухари предпочитают заменять свежим хлебом.

Матросам полагается пиво. Оно было слабее привычного нам, обязательно горьким и, вполне возможно, настоящим на хрене – во избежание цинги. Для этих же целей варят щи из щавеля или крапивы, как только эта трава начинает пробиваться под поздним петербургским солнцем. Один из датчан, наблюдая отдых матросов петровского флота, рассказывает: «...в котлы они собрали всевозможной зелени, например, крапивы, которую бросали в котлы, разрезав ее на мелкие куски и в каждый котел еще бросали по одной, разрезанной на части, соленой селедке».

Если тебя настигла цинга или иная болезнь, а то и боевая рана, тебя отправят в один из госпиталей. Для моряков открыто несколько госпиталей, в больничную еду для улучшения здоровья входит привычная матросская каша на сливочном масле, калач из пшеничной муки и молоко.

Заглянув в каюту капитана, мы, вполне возможно, наткнемся и

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

на Петра Алексеевича. Пусть искать «любимое блюдо» государя дело почти бессмысленное, но наверняка можно сказать, что, если государю нужно перекусить, он по возможности выберет «корабельные» блюда. Пример таких приводит один из польских посланников в 1720 году, описывая обед у графа Федора Апраксина: «Он потчивал нас одними корабельными блюдами: копченой говядиной, сосисками, окороками, языками, морскими рыбами, а также маслом, сыром, селедками, вареньем, солеными устрицами, лимонами, сладкими апельсинами, осетрами; было несколько блюд раков, но мелких. Давали пиво и полпиво холодное, так как льду здесь всюду много». Кстати, напитки на льду в то время считались шиком. Сам Петр, давая распоряжение о банкете по случаю спуска на воду корабля «Лаферм», пишет: «К спуску корабля «Лаферм» к нынешнему воскресенью изготовить столовые припасы: сыр, масло, сельди, анчоусы, устерсы, пирожки, окорока, птицы и напитки». Как видим, «богатый» стол на корабле состоит, конечно, из тех продуктов, что способны долго храниться – это копчености и солености, большинство из которых вряд ли сильно удивит любителей исторической экзотики. Кстати, голландские сыры, которые так любил Петр I, не счи-

А.П. Рябушкин.
Потешные
Петра I
в кружале.
1892 год

тались самыми лучшими для морских путешествий. Из всех сыров предпочтение отдавали пармезану за способность долго храниться, не теряя вкуса. Действительно, в числе заказов Петра I за границей мы видим и частые просьбы купить пармезану. Однако тот был слишком дорог, чтобы обеспечить нужды флота, и стал, скорее, дворцовым деликатесом.

В АВСТЕРИИ

Спустившись с корабля, можно присоединиться к компании немецких или голландских купцов, которые ищут, где бы выпить и перекусить после долгой дороги. Самые модные места раннего

петровского Петербурга находятся на Троицкой площади Городового острова, ныне занятой мало примечательным сквером с современной часовней в память об одном из первых петербургских храмов. Здесь, прямо напротив ворот Петропавловской крепости, Петр намеревался создать городской центр, поэтому уже в 1704 году на площади открыта австерия (от итальянского *osteria* – харчевня), а чуть позже – кофейный дом и трактир.

Трактиры того времени по статусу примерно соответствовали современным ресторанам. Рядом с австерией проходят первые петербургские фейерверки, и сам государь заезжал туда

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.Ф. Зубов.
Свадьба Петра I
и Екатерины.
Гравюра.
1712 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.О. Орловский.
Санкт-Петербург.
Сенная площадь.
1820 год

вместе с придворными после службы в Троицкой церкви, чтобы выпить чарку водки. У нас нет сведений о том, что именно там подавали, но, судя по найденным при раскопках устричным раковинам, устриц поглощали во множестве, и их можно было бы назвать истинно петербургской едой. Сам государь неоднократно пишет своим иностранным агентам доставить ему в числе прочего бочки устриц – свежих и соленых.

Свежие устрицы не обязательно ели сырыми, как это делают сейчас. Устриц могли готовить на голландский манер: на сливочном масле, сбавив тертым мускатом или мускатным цветом, лимоном и перцем.

Петр I вряд ли приучил русских есть картошку, но точно привил своим придворным любовь к диковинным устрицам. Отныне и до самой революции в росписи продуктов к царскому столу мы регулярно видим устриц, а дочь Петра, Елизавета Петровна, даже пытается, пусть и безуспешно, выращивать датских устриц на Балтике.

Конечно же, в трактире подают селедку – рыбу, на Руси уже давно известную. Однако теперь в город доставляется голландская сельдь, считавшаяся лучшей в Европе. Сами голландцы пред-

писывают вымачивать селедку в холодной воде, чтобы убрать соленость, потом, срезав брюшко и нарезав ломтиками, селедку кладут на оловянное блюдо, смешав с нарезанным луком. Об этом свидетельствуют многочисленные голландские натюрморты. Ее надо смаковать вприкуску с ржаным хлебом и стаканом пива – у привычной нам закуски на самом деле очень древние корни.

Пиво подают как светлое, так и темное, и, если верить рецептам, оно хорошо отдает горечь хмеля (для лучшей сохранности), а также пряностями, на которых его могут настаивать. «Ученым людям в деревнях здорово, когда они пиво подделывают кардамоном, галганом, мушкатным орехом, лавровым листом, гвоздикой и пионным семенем», – пишет популярный лифляндский автор того времени Соломон Губертус, чуть позже переведенный на русский язык Михайло Ломоносовым.

Более изысканные алкогольные напитки также можно отведать в трактирах, большинство из которых содержат иностранцы. И виноградные вина: самые доступные – рейнские, самые тонкие – токайские. И «французскую водку» – аналог нынешнего бренди.

К вину, по словам Богданова, подавались «деликатные» кушанья, получать их можно было «абонементом», заплатив заранее из расчета по рублю за кушанье. Что это могли быть за кушанья? «Деликатным» тогда считался не столько сложный рецепт, сколько качественное мясо или рыба, поданные к столу. Жаркое, то есть жаренное на вертеле или в печи мясо, главное блюдо в иерархии стола что на Руси, что в Европе. Типичный способ приготовления жаркого в Северной Европе включает в свой сборник по домоводству Губертус: «Жарь дичину в соленой воде, и если хочешь шпиговать, то шпигой, когда мясо еще сыро. Расщепи корицы и гвоздики и втыкай в дичину. Когда поспеет, возьми чистого меда и вари оный в сироп с крепким уксусом». Скорее всего, имеется в виду принятая тогда выдержка мяса в небольшом рассоле перед жаркой, шпигование – общая практика тех лет – предполагало для большей сочности пронизывание мяса тоненькими полосками сала, а любовь к корице и гвоздике с медом в сочетании с мясом, непривычная сейчас, была характерна еще для средневековой кухни и Запада, и Востока. Помещик Василий Левшин уже в конце XVIII века, собирая сохранившиеся рецепты русской кухни в раздел «Русская поварня», включает несколько взваров – старорусских соусов, уже выходящих из употребления. Мед и уксус – два их главных ингредиента. К середине XVIII века любовь к меду и пряностям уйдет в прошлое под сильным влиянием французской кухни. Но в начале столетия, по всей видимости, она была еще очень сильна.

Отведав кусок дичи в медовом соусе вместе с городскими обывателями, отправимся наконец во дворец к государю, где за столом царят вполне демократичные по европейским меркам привычки. Поэтому пообедать с царем есть шансы и у нас. ■

Окончание следует.

ТЕНИ
ПРОШЛОГО

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В ТОТ ГОД, КОГДА КОНУНГ БЬЁРН ЖЕЛЕЗНОБОКИЙ, ПОГРАБИВ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ, ВЫСАДИЛСЯ В БРИТАНИИ, А КОРОЛЬ ЗАПАДНЫХ ФРАНКОВ КАРЛ ЛЫСЫЙ СПЕШНО ВОЗВОДИЛ НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ УКРЕПЛЕНИЯ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ОТ ВИКИНГОВ, ИЛЬМЕНСКИЕ СЛОВЕНЕ, КРИВИЧИ, МЕРЯ И ЧУДЬ ПРИЗВАЛИ ИЗ-ЗА МОРЯ ТРЕХ ВАРЯЖСКИХ КНЯЗЕЙ – РЮРИКА, СИНЕУСА И ТРУВОРА. СОГЛАСНО «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ», ИМЕННО С ЭТОГО, 862 ГОДА ОТСЧИТЫВАЕТСЯ ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.

« В ЗАПАДНОЙ Европе выходцы из Скандинавии наводили ужас на обитателей городов и монастырей. А на территории Древней Руси они сыграли совершенно иную роль, можно сказать, конструктивную. Изначально это были прежде всего торговцы, прокладывавшие пути на Восток – к арабскому серебру и сокровищам Визан-

тийской империи. И заметьте: в Западной Европе скандинавы называли себя викингами, а в Восточной – русью», – говорит ведущий научный сотрудник отдела археологии Государственного исторического музея (ГИМ), куратор выставки «Викинги. Путь на Восток» Вероника Мурашева. Директор музея Алексей Левыкин назвал выставку «Викинги. Путь на Восток» одной из самых

главных в рамках подготовки к 150-летию ГИМа. «Мы работали над ней много лет, – подчеркнул он. – На выставке представлены экспонаты, в том числе найденные специалистами нашего музея при раскопках археологического комплекса «Гнёздово». Среди них есть по-настоящему уникальные памятники, рассказывающие о самых ранних этапах создания и формирования Древнерусского государства и о той роли, которую сыграли в этом процессе выходцы из Скандинавии».

В макете драккара организаторы выставки разместили витрины с экспонатами

Директор ГИМа Алексей Левыкин и ведущий научный сотрудник отдела археологии Вероника Мурашева

«КТО ЭТОГО НЕ УБОИТСЯ?»

Пожалуй, трудно найти в истории Европы столь же романтизированных персонажей, как викинги. Хотя у западных европейцев, живших в VIII–XI веках, наше восхищение этими отважными мореплавателями и бесстрашными воинами вызвало бы в лучшем случае недоумение, в худшем – отвращение.

Начало эпохе викингов положил кровавый разгром монастыря Святого Кутберта на крохотном острове Линдисфарн у северо-восточного берега Англии. Это первое зафиксированное в хрониках нападение скандинавов на Западную Европу. В июне 793 года обитель была разграблена и сожжена, монахи убиты или пленены для продажи в рабство. В той бойне непонятным образом уцелело лишь роскошное Евангелие из Линдисфарна – один из лучших образцов иллюминированной средневековой рукописной книги.

Безжалостное уничтожение линдисфарнского монастыря привело современников в ужас. «Доныне в Британии не видели таких зверств, какие мы терпим нынче от рук язычников. Кто мог хотя бы помыслить такое бесчинство? Храм Святого Кутберта – главная святыня Британии – залит кровью служителей Господа, лишен всей утвари, отдан на разграбление поганым... Кто этого не убоится?» – писал в то время англосаксонский богослов и вдохновитель «Каролингского возрождения» Алкуин. Как в воду глядел. Набеги скандинавов на европейские королевства продолжались почти три столетия и приводили

Государственный исторический музей готовил выставку несколько лет

в такой трепет жителей, что с конца IX века в церквях постоянно звучала молитва: «И от неистовства норманнов избави нас, Господи!»

Однако поражает в эпохе викингов вовсе не их жестокость и не то завидное постоянство, с каким всё новые и новые отряды скандинавских пиратов обрушивались на западноевропейское побережье. В конце концов бесконечные войны в раннем Средневековье дело обычное. Самое удивительное – это невообразимая по мощности, обширности и длительности экспансия выходцев из Скандинавии. Они захватили побережье Западной Европы и создали колонии в Англии, Шотландии, Франции и Ирландии. В Средиземноморье викинги высаживались в Италии и Северной

Африке, а также воевали с Кордовским эмиратом в Испании. Переплыв Черное и Каспийское моря, добрались до Константинополя и Багдада. Они поселились на Фарерах, в Исландии и Гренландии. И первыми из европейцев добрались до Северной Америки.

Во Франции их называли «норманны», в Англии – «датчане», в Ирландии – «финнгалл» и «дубгалл», в Германии – «аскеманны», в Арабском халифате – «аль-маджус». В Византии их звали «варангами» и нанимали для службы в императорской гвардии. А на Руси они были известны как «варяги». И только в самой Скандинавии эти разбойники звались

Парадный топор-чекан с изображением пронзенного мечом дракона. X–XI века

викингами, то есть людьми, уходившими в грабительский набег – «викинг».

Романтизация викингов началась лишь в XIX веке. Тогда же возникли легенды о рогатых шлемах и непобедимости скандинавов, хотя ни первое, ни второе не имеет отношения к действительности. Никаких рогов на шлемах викингов никогда не было. Что же касается серьезных сражений или осад, то викинги не раз терпели поражения, особенно если им противостояла организованная армия, а не безоружные крестьяне и монахи. Коньком викингов был молниеносный набег, а главным козырем – мобильность, которую в немалой степени обеспечивали знаменитые драккары. Эти корабли можно назвать настоящим символом эпохи викингов, воспетым еще скандинавскими скальдами, называвшими драккар «конем волны», «зверем пучины» и даже «скакуном тропы чайки». Так что не случайно посетителей выставки в Государственном историческом музее встречает «магический корабль» – огромный белоснежный макет драккара, несущийся по сине-белым «волнам»...

ИЗ ВАРЯГ В РУСЫ

«Это наш первый опыт монографического показа скандинавских древностей, найденных на территории Восточной Европы, – говорит Вероника Мурашева. – На выставке мы постарались воскресить тени прошлого, воссоздать элемен-

Реконструкция курганного погребения в Гнёздове. X век

Реконструкция женского головного убора

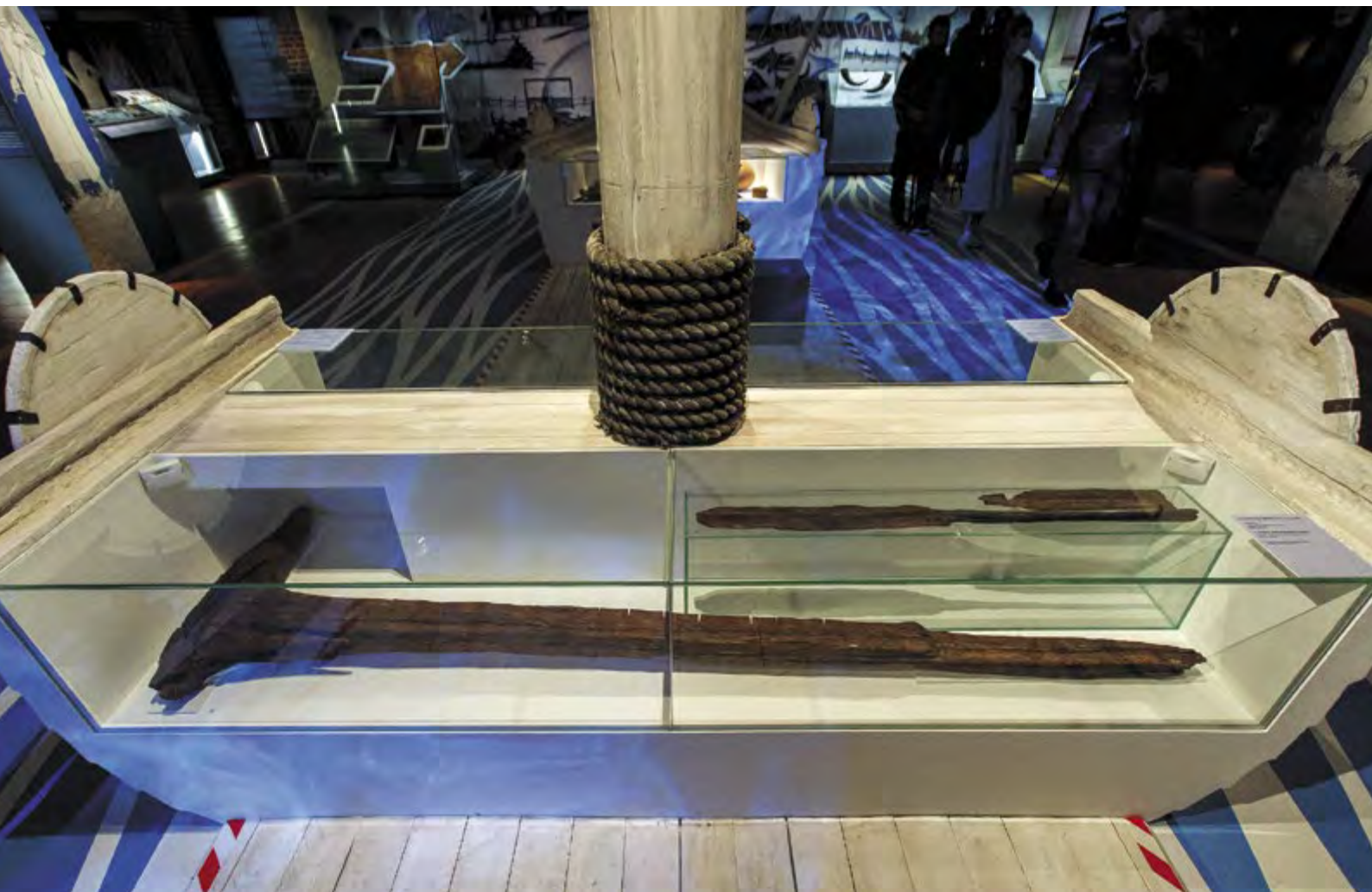

ты реальной жизни выходцев из Скандинавии – устройство дома, одежду, продемонстрировать высокий уровень развития ремесла и военного дела».

Организаторам выставки это, безусловно, удалось. В одной из витрин реконструирован курган с погребальным инвентарем, раскопанный в Гнёздове, в другой – устроен очаг. На манекенах воссозданы элементы роскошных женских головных уборов, а стены расписаны не только рунами, но и идущими в строю воинами – это увеличенные копии фигур с жертвенных камней шведского острова Готланд. Есть даже и своего рода трогательные экспонаты: в одной из витрин можно увидеть маленькую смоляную лепешечку, найденную археологами в Гнёздове. «Это такая жевательная резинка IX века, – объясняет Вероника Мурашева, которая уже несколько лет руководит раскопками на этом археологическом комплексе. – Кто-то откусил от нее кусочек и выбросил. И на ней остался след от зубов человека, жившего более тысячи лет назад».

Как считают историки, на территории будущего Древнерусского государства выходцы из

Скандинавии обосновались во второй половине VIII века: к этому времени археологи относят появление таких раннегородских центров, как Альдейгья (Ладога) и Алаборг. В следующем столетии в верхнем течении Волхова основывается Рюриково городище – именно его в скандинавских сагах именуют «Хольмгардом». Исток Волхова был своего рода стратегическим пунктом: здесь брали начало два крупнейших торговых пути – Волжско-Балтийский и Волхово-Днепровский («из варяг в греки»). По ним шла активная торговля: с севера на юг и юго-восток везли меха, мед, воск и рабов. В обратном направлении – роскошные ткани, вина, серебро, стеклянную посуду, украшения, оружие и т.д. В том же, IX веке на пути «из варяг в греки» формируется значительное торговое поселение,

Весла и стойка корабельного навеса, украшенная резьбой. Рубеж IX–X веков

известное сегодня как археологический комплекс «Гнёздово» (Смоленский район). Раскопки в Гнёздове начались еще в XIX столетии, найденные здесь клады и погребения свидетельствуют о том, что на этой террито-

рии совместно жили и славяне, и выходцы из Скандинавии. Любопытно, что первое письменное упоминание народа «русь» («рос») фиксируется в Бертинских анналах – летописном своде французского Сен-

Мечи, найденные археологами в Гнёздове, Великом Новгороде, Ярославской области и Татарстане

Фигурка птицы
из черного
сланца

в свирепости и кровопролитии, тот самый так называемый народ Рос – те, кто, поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись, подняли руки на саму Ромейскую державу!» – писал в 867 году константинопольский патриарх Фотий, переживший осаду Константинополя росами. В 911 году заключен первый известный нам договор о мире и взаимной торговле между Византией и народом «рос», который представляют князь Олег и еще 15 человек с явно скандинавскими именами. В 944 году подписан второй договор, в котором встречаются уже и славянские имена, хотя народ по-прежнему именуется «рос». Чуть позже появится знаменитый трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей», где император дает подробные сведения о народе «русь», но не включает его в восточные племена славян.

Сегодня, когда споры вокруг норманнской теории практически ушли в прошлое, большинство историков согласны с той версией этимологии слова «русь», которая была выдвинута еще в XIX веке. «Первоначально оно обозначало этносоциум, сложившийся в Поволжье и Приильменье, – отмечают в книге «Викинги. Путь на Восток» Вероника Мурашева и Сергей Каинов, – и восходило к финскому наименованию выходцев из Скандинавии Ruotsi или Rootsi (в современных финском или эстонском языках так по-прежнему называется Швеция). Само финское Ruotsi возводится к древнескандинавским словам со значением «гребец».

На первом плане – удила с фигурными псалциями в виде лошадиных или драконьих голов. X век

бытия», узнал, что они из народа свеонов (то есть шведов), «и сочтя их скорее разведчиками, <...> решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет». Увы, о дальнейшей судьбе дипломатов-«росов» летописец ничего не сообщает. В IX же веке о «росах» сообщают и византийские источники. В основном с возмущением, поскольку речь идет о набегах на Константинополь. «Даже для многих многократно знаменитый и всех оставляющий позади

Бертенского монастыря. Под 839 годом в них сообщается о посольстве византийского императора Феофила к королю франков Людовику I Благочестивому. С послами прибыли «некие люди», утверждавшие, что «они, то есть народ их, называются рос» и что их правитель отправил их к византийскому императору «ради дружбы». Император Феофил просил Людовика пропустить «росов» через свои земли, ибо иной путь на родину был для них слишком опасным. Людовик же, «тщательно расследовав цель их при-

Овальные
фибулы из
женского
погребения.
Вторая половина
X века

Идол из кургана «Черная могила».
Вторая половина X века

ЧЕСТЬ И СЛАВА

К сожалению, пока на территории нашей страны археологи не нашли ни одного скандинавского корабля. Зато откопали в Гнёздове весла, съемные уключины, детали парусной оснастки судов, а в Старой Ладогe – фрагмент стойки корабельного навеса IX–X веков с грубо вырезанной головой бородатого мужчины. Возможно, это изображение Тора – рыжебордого бога скандинавов, повелителя грома и молнии, защищавшего людей от чудовищ. У воинов Тор был не менее популярен, чем Один – главный бог скандинавского пантеона, подаривший людям руны, поэзию, ярость берсеркеров и смертельно опасную магию «сейд». Души воинов, героически павших в бою, прекрасные валькирии уносили в Вальгаллу – чертог Одина в городе богов Асгарде. Скандинавы верили, что, когда наступит Рагнарёк

Реконструкция
китайского
платья.
Вторая половина
X века

Клинок сабли
с позолоченной
накладкой,
согнутый при
погребальном
обряде
«убийства
оружия».
X век

(«Сумерки богов», конец света), эти герои будут сражаться на стороне Одина против монстров и великанов. У большинства остальных, не погибших на поле боя, посмертная судьба была незавидной. Скончавшиеся от старости и болезней отправлялись в страну мрака – ледяной Нифльхейм, где влачили жалкое существование. Убийцы и клятвопреступники попадали туда же, но помещались в жуткий дом Настрандир, стены которого состояли из тысяч ядовитых змей. Законченные грешники мучились на дне колодца Хвергельмир, где их пожирал дракон Нидхёгг. И только в эпоху викингов в скандинавском язычестве появляется утешение для праведников: они могли надеяться на то, что их души попадут в Асгард – в прекрасный чертог под названием «Гимле».

Не зря в скандинавских сагах так воспеваются воинские под-

виги, бесстрашие, честь, верность клятве и добытая в бою слава – ведь посмертный жребий не сулил большинству ничего хорошего. «Гибнут стада, родня умирает, и смертен ты сам; но знаю одно, что вечно бессмертно: умершего слава». Так говорится в «Речах Высокого» – древней поэме, авторство которой скандинавы приписывали Одину. «Смерть приходит к каждому, а все, что остается от человека, – это слава, которая, таким образом, куда важнее жизни, – пишет Джон Хейвуд в книге «Люди Севера. История викингов. 793–1241». – Когда викинг насмерть стоял за своего господина и товарищей, он делал это не потому, что хотел попасть в Вальгаллу, а чтобы оградить свою честь от малейших подозрений в трусости. Человек без чести становился «нидингом», в буквальном смысле никем, его забывали – и поделом – даже родные».

УНИКАЛЬНЫЕ ЭКСПОНАТЫ

Представленные на выставке клады, посуду, цветное стекло, ювелирные украшения, энколпионы, кресты, сделанные из арабских серебряных дирхемов, золотые и серебряные монеты, роскошные фибулы можно изучать часами. Однако внимание многих посетителей в первую очередь привлекают витрины, в которых выставлены прекрасные образцы оружия и части доспехов. Здесь можно увидеть и два знаменитых шлема из Черной могилы – кургана в Чернигове, раскопанного в 1872–1873 годах. По легенде, в ней был похоронен основатель Чернигова – князь Черный. «По всей видимости, такие шлемы сферо-

конической формы попали в арсенал древних воинов в результате каких-то контактов, причем вряд ли мирного характера, с кочевниками», – говорит старший научный сотрудник отдела археологии ГИМа Сергей Каинов.

В витрине рядом – согнутая пополам сабля. Это значит, что при погребении воина был совершен обряд «порчи оружия», то есть его сакрального «убийства» – клинок и после смерти хозяина должен был служить только ему. Кроме того, хорошие мечи и сабли в то время были слишком дороги, так что согнутый клинок не мог привлечь расхитителей могил.

Еще одна удивительная находка археологов в Черной могиле –

Реконструкция очага: котел, цепь с крюком, лопатка для углей, сковорода со сковородником. X – начало XI века

Сфероконические шлемы из кургана «Черная могила»

бронзовый идол с забавным, как будто испуганным лицом и вытаращенными глазами. Одной рукой он ухватился за свою бороду, вторую прижал к груди. Специалисты пока не могут определить, кого изображает этот идол. Но поистине самым удивительным экспонатом выставки ее организаторы считают женское платье второй половины X века. В 1982 году в Гнёздове был найден туесок из бересты, в котором были спрятаны три платья, больше похожие на грязное тряпье. С 1983 по 2014 год в ГИМе продолжалась сложнейшая реставрация, блестящий результат которой можно увидеть сегодня на выставке. Это платье из красной золототканой шелковой парчи, украшенное изысканным узором в виде грифона, дракона и облаков. Его сшили в Китае более тысячи лет назад. Подобные наряды могли носить члены китайской императорской фамилии. Каким образом оно сменило хозяйку и оказалось в числе нарядов жительницы Гнёздова, похороненной там же в X веке? На этот вопрос пока нет ответа. И это далеко не последняя загадка истории Древней Руси, разгадать которые еще предстоит историкам и археологам. **И**

Старший научный сотрудник отдела археологии ГИМа Сергей Каинов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.Н. Крамской.
Портрет
П.И. Мельникова-
Печерского.
1876 год

ЧИНОВНИК ИЗ КИТЕЖА

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ НЕ ВХОДИТ В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ, НЕ ЧИСЛИТСЯ В ПЕРВЫХ РЯДАХ РУССКИХ КЛАССИКОВ, НО ВЕРНЫЕ ЧИТАТЕЛИ И ПОЧИТАТЕЛИ У НЕГО ЕСТЬ ДО СИХ ПОР. А ПРОСТО БЕРЕШЬСЯ ЗА КНИЖКУ – И НЕ ОТОРВАТЬСЯ.

ОН САМ ДОЛГО НЕ СЧИТАЛ себя писателем. За-молкал на десятилетия. Один из своих романов, когда его вернули из журнала с требованием переделать, «переделал на фидибусы», как он сам писал своему брату – то есть на бумажки, которыми раскури-

вают трубки. Критик и историк литературы Семен Венгеров писал, что Мельников «не сознавал ни свойств, ни размеров своего таланта». Как и многие его современники, он был государственным чиновником, но службой не тяготился, служил ревностно. Литература для него

была, скорее, формой досуга и способом заработка в отставке. Талант, кажется, был больше его самого – и требовал свободы, и стремился размахнуться во всю свою мощь. А сам он был умным, честолюбивым и исполнительным чиновником. И не сказать чтобы эти две его ипостаси так уж раздирали его пополам: чиновник Мельников и писатель Печерский вполне уживались в одном человеке. Павел Мельников происходил из древнего, но бедного и ничем не знаменитого дворянского рода. Отец писателя, Иван Иванович, был сыном отставного секунд-майора и поповны, служил начальником жандармской команды при Нижегородском гарнизонном батальоне. В 1818 году он женился на дочери нижегородского надворного советника, исправника Павла Сергеева. О своем дедушке Павел Мельников, названный в его честь, писал, что тот учился на медные деньги, но «образовал себя чтением» и, хотя не знал иностранных языков, покупал хорошие переводы и собрал большую библиотеку: «...по смерти его, половина ее досталась моей матери, и я с раннего детства с ней ознакомился; тут были переводы греческих и римских классиков, исторические сочинения, переведенные с французского путешествия, все новиковские и академические издания, сочинения всех русских писателей от Кантемира и Ломоносова до Карамзина и Жуковского». Павел родился 25 октября (6 ноября) 1818 года в Нижнем Новгороде. Мама его, Анна Павловна, старалась приохотить к чтению детей, дать им образование, на-

Нижний
Новгород, дом,
где родился
писатель.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

няла француза-гувернера и учителя французского языка. Мельников писал в автобиографии (в третьем лице): «Еще у десятилетнего ребенка были у него толстые тетради, в которых по линейкам переписывал он Пушкина, Дельвига, Баратынского и Жуковского. Двенадцати лет он знал наизусть всю «Полтаву», много отрывков из «Онегина» — многие из мелких стихотворений Пушкина он знал наизусть еще прежде. Будучи в гимназии, а потом и в университете, он посвятил себя изучению истории». Семья все это время жила в Нижегородской губернии: сначала в Лукоянове, где служил отец, затем в Балахне, где дедушка купил дом. После смерти дедушки в 1824 году Мельниковы переехали в Семенов, в материнское имение.

МИР МЫСЛИ

Когда Павлуше исполнилось 10 лет, его отдали в Нижегородскую гимназию, где помимо обычных школьных предметов преподавались «философия и изящные науки», «коммерческие науки», статистика, чистая и прикладная логика.

Нижегородские гимназисты увлекались театром и даже устроили свой театр в заброшенной Часовой башне городского кремля. Ставили они в основном пьесы трагика XVIII века Владислава Озерова. Командир местного батальона, желая занять башню под склад обмундирования, обнаружил в ней гимназическую художественную самодеятельность — и отправил актеров к директору гимназии под конвоем. В городе пошли слухи: театр,

Нижний Новгород.
Церковь Благовещения и губернская гимназия. Фото А.О. Карелина, раскрашено художником И.И. Шишкиным. 1870 год

основанный 11–12-летними гимназистами, стал казаться страшным заговором «для ниспровержения существующего порядка», вспоминал писатель. Всю труппу наказали, но юноши не бросили театр, а перенесли постановки домой к одному из товарищей. Мальчики сами писали пьесы: в трагедии, написанной одноклассником, Павлуша Мельников сыграл византийскую царицу Ирину. А сам написал для театра трагедию «Вильгельм Оранский» в пяти действиях, как того требовали правила классицизма: современная литература в гимназию пока не проникала.

Свежий ветер в преподавание принес новый учитель словесности, Александр Васильевич Савельев. Мельников вспоминал, что тот говорил живым языком и ввел учеников «в новый мир, мир мысли»: «Он первый показал нам, что между учителем и учеником могут существовать иные, более человеческие отношения, чем грубые, сопровождаемые площадными ругательствами, розгами, потасовками, да карцером, — отношения прежних наших наставников». Савельев заставлял учеников читать современную литературу и писать сочинения.

В июле 1834 года 15-летний Мельников окончил гимназию. Савельев специально приезжал к родителям самых способных учеников и уговаривал их отдать детей учиться в Казанский университет. В Казань Мельников и два его соученика отправились в сопровождении Савельева на крытом дощанике — большой лодке, путешествие на которой занимало трое суток. По дороге Савельев рассказывал об университетском студенческом братстве и выучил с ними *Gaudeamus igitur*, который юноши и спели в сумерках над волжскими водами.

Павел сдал математику на три, а историю и географию — «блестательно». Приняли его своеобразным студентом; для ро-

Магистратская улица в Нижнем Новгороде с видом на кремль. Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

дителей это было серьезным финансовым бременем, но они согласились его нести. С 1835 года студента Мельникова перевели на казенный кошт. Среди преподавателей Мельников особо выделял Суровцева, который вел словесность и эстетику. Он научил студентов любить древних авторов, говорил с ними о русском живом языке, о необходимости стремиться к простоте и естественности. Он приохотил своих воспитанников к чтению Пушкина. Однажды Суровцев пришел в аудиторию и потребовал: «Встаньте!» – а когда студенты встали, сообщил о смерти Пушкина. Мельников изучал философию, естественное право и метафизику, с интересом общался с калмыками, бурятами, киргизами с отделения восточных языков, которых готовили в переводчики. В июне 1837 года Мельников окончил университет кандидатом. Родители его умерли – отец в 1835 году, мать в 1837-м. Ему досталось небольшое имение от матери. Казеннокоштные студенты должны были отслужить несколько лет в учебных заведениях. Мельников, однако, окончил университет с отличием, так что его оставили при университете и собирались послать за границу. Но он так отличился во время одной студенческой попойки, что его выслали в Пермскую губернию – уездным учителем в Шадринск.

ЛЮБОВЬ К АРХИВАМ

В Перми ему, однако, позволили остаться в гимназии – учителем истории и статистики. Через два года он стал преподавать еще и французский. О своем учительском опыте он писал: «Для массы учеников я был плохой учитель, но для тех немногих, которые хотели учиться, я был полезен. Дело в том, что мне скучно было биться с шаловливыми и невнимательными мальчиками, и за их невнимание к предмету я сам оставлял их без внимания». Двое из его учеников, Ешевский и Бестужев-Рюмин, стали известными историками. Ему, едва 20-летнему, не сиделось на месте: он объехал Пермский край, посещал заводы, описал свое путешествие в

Императорский
Казанский
университет.
Литография
В.С. Турина.
1832 год

Нижегородские
губернские
ведомости.
1843 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«Дорожных заметках», опубликованных в 1839 году в «Отечественных записках». В 1840 году в «Литературной газете» вышел его рассказ «О том, кто такой был Елпидифор Перфильевич и какие приготовления делались в городе Чернограде к его именинам» – многословное подражание Гоголю. Повесть «Звезда Троеславля» он послал издателю Андрею Краевскому, тот ее вернул на переделку; именно ей-то и пришлось стать теми «фидибусами». После этого он двенадцать лет не писал художественных текстов – хотя продолжал публиковать результаты своих изысканий и исследований, а в 1845 году специально ездил в столицу – знакомиться с литературным миром.

В 1841-м он женился на небогатой помещице Лидии Белокопытовой – дочери хозяев дома, где снимал квартиру. Скоро появились дети, но все умирали во младенчестве. А в 1848 году умерла и жена. Он снова остался один.

Учительство его не особенно привлекало. Его больше интересовали старинные книги и рукописи, сидение в архивах над документами, которые до него никто не изучал. Он посылал свои находки в Археографическую комиссию и в 1841 году был утвержден ее корреспондентом. Ему поручили раздобыть нижегородские архивы; он оставил преподавание и с головой ушел в изучение документов. Результаты изысканий он помещал в «Нижегородских губернских ведомостях», неофициальную часть которых редактировал по поручению губернатора Урусова с 1845 по 1850 год. Именно в этой газете впервые появился псевдоним Печерский – как принято считать, взятый по названию Печерской улицы, где он тогда жил. Но, конечно, за псевдонимом встают тени древних русских святых, Антония и Феодосия Печерских; за ним видится старая Русь с ее благочестием, монастырями и скитами, пещерами и чащобами.

ОСОБЫЕ ПОРУЧЕНИЯ

В 1847 году Мельников получил место чиновника особых поручений при нижегородском губернаторе. Одним из первых заданий стала работа на холере: нужно было осматривать суда, плывущие на Нижегородскую ярмарку, но делать это тайно, чтобы не возбуждать слухов о холере. Мельников блистательно справился с поручением, целый месяц проведя среди бурлаков на Волге. Выполнил он еще 87 секретных поручений, в основном связанных с раскольниками. Изучение истории естественным образом привело Мельникова к раскольникам: они хранили старинные книги, рукописи и документы, которые его интересовали, и торговали ими на Нижегородской ярмарке. Кроме того, он много встречался с ними в поездках по Заволжью. Наконец, доставшееся ему от матери имение Казанцево в Семеновском уезде было населено раскольниками, про которых он писал: «Народ это был хороший».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Секретные поручения были непростыми: однажды он изъезжал старообрядцев иконы, считающиеся чудотворными, в другой раз отыскал спрятанные двадцать лет назад колокола, затем разоблачил духовного вождя, оказавшегося беглым крестья-

П.И. Мельников-Печерский.
Литография
с фото 1850-х годов

нином, в конце концов даже обратил два раскольничьих скита к единоверию... Он внимательно изучал старообрядческое богословие и много времени провел в спорах с раскольниками: мог даже упрекнуть их в том, что они не знают догматов своей веры. Он задумывался, есть ли способ добиться искоренения раскола. Способы, которые ему приходили в голову, были довольно радикальны, если не сказать свирепы: скажем, он заметил, что если помещики отдадут в рекруты старообрядцев и начинают с самых зажиточных, то раскол ослабевает, потому что все начинают потихоньку перебегать в православие. Другое предложение было – отдавать в кантонисты детей, рожденных от браков, которые заключены беглыми попами или в беспоповских сектах.

Министр внутренних дел граф Перовский, заметив служебное рвение нижегородского чиновника, включил его в свой штат. Возможно, министру его рекомендовал Владимир Даль, который в это время жил в Нижнем Новгороде: двое литераторов подружились и много времени проводили вместе. Авторитет Мельникова как краеведа и знатока раскола возрастал. В 1850 году, когда Нижний посетили великие князья Михаил Николаевич и Николай Николаевич, его приставили к ним «для объяснения местных достопримечательностей, как знатока их», пишет биограф писателя Павел Усов. Знаток вполне справился с задачей и получил в награду бриллиантовый перстень.

Он становился все больше известен в Петербурге – и все больше конфликтовал с местными властями. То потому, что они покрывают раскольников, то, наоборот, потому, что действуют чрезмерно радикально, рискуя вызвать народные волнения. В 1852 году Мельников снова поехал в Петербург, где был благосклонно принят графом Перовским. Этот прием необыкновенно воодушевил его, и он вернулся в Нижний, полный искреннего служебного рвения и честолюбия.

Группа старообрядцев.
Деревня Казанцево Семеновского уезда Нижегородской губернии

ГЕРОЙ ФОЛЬКЛОРА

В Петербурге вышла его небольшая повесть «Красильниковы» – как пишут литературоведы, едва ли не первое литературное произведение о «темном царстве». Купец Корнилы Красильников рассказывает о своем горе: его вынудили разрешить сыну учиться в университете, затем сын съездил за границу, там влюбился в немку, «еретицу», тайком обвенчался с ней без отцовского благословения. Отец, узнав об этом, разъярился: «На другой день иду от ранней обедни – немка встречу. Не стерпело – зашиб: ударил маленько. Откуда ни возьмись Митька – отнимать ее... Сердце меня и взяло: его в сторону, немку за косу да оземь... Насилу отняли... Уж очень распалился я... Тяжела, видно, свекрова рука пришлась!.. Зачахла. Месяцев через восемь померла». Отец осуждал, что Митька поревет да справится, но тот запил. Повесть живо обсуждали. Редактор «Современника» Панаев позвал Мельникова-Печерского на обед, обещал ему в полтора раза больше гонораров, чем давал Погодин, редактор «Москвитянина». Автор шумевшей повести, однако, опасался: не дознаются ли, чей это псевдоним, не посадят ли на гауптвахту за смелость в обличении нравов?

Живая наблюдательность писателя все больше вступала в конфликт с чиновничьим рвением, которое иногда казалось чрезмерным даже его современникам. Он даже стал персонажем раскольников фольклора: рассказывали, что когда он изымал у старообрядцев икону Казанской Божьей Матери, то ослеп, и дьявол вернул ему зрение; говорили, что дьявол же дал ему способность видеть сквозь стены.

Поручение, которое Мельников исполнял в начале 1850-х годов, было связано с подсчетом числа раскольников в волжских губерниях, особенно приверженцев «австрийской

П.И. Мельников-Печерский.
Гравированный портрет 1870-х годов

митрополии». В 1846 году на территории Австрийской империи, в селе Белая Криница (сейчас – Черновицкая область Украины), появилась старообрядческая иерархия, которую признали многие российские старообрядцы. Русское правительство опасалось, что в случае войны с Австрией они могут встать на сторону врага – поэтому нужно было их пересчитать, да так, чтобы они ни о чем не догадались. Считать старообрядцев было трудно: в отличие от православных, чьи записи о рождении и смерти содержались в приходских книгах и ревизских сказках, их данные зачастую вовсе не были нигде записаны.

Когда экспедиция Мельникова обследовала 3700 населенных пунктов, получив данные о метрических записях, торговле и промыслах, пришла новость об отставке Перовского. Новый министр внутренних дел, Бибииков, велел Мельникову свернуть исследования и немедленно представить их результаты. Мельников отправился в Петербург представляться новому начальству. Бибииков принял его хорошо и дал новое поручение. По сути,

собрать больше материала о раскольниках: кто они, сколько их, кто ими руководит, «каким образом следовало поступать с ними, чтобы сделать их безвредными» – и все это опять в обстановке строгой секретности.

Над статистическим описанием раскольников в Нижегородской губернии Мельников работал весь остаток 1853-го и весь 1854 год (а затем еще год – в Казанской), при этом продолжал исполнять «особые поручения». Одно из них касалось его давнего знакомого, книготорговца Алексея Головастикова, который был признан «распространителем раскола». Его следовало арестовать, изъять у него «сектантские принадлежности раскола» и препроводить купца к начальнику губернии. Сам Головастиков был в бегах, и Мельников, прихватив с собой шестерых будочников, ночью нагрянул к нему домой с обыском. Изъяли 15 икон, в том числе две – письма Андрея Рублева. Жену Головастикова особенно разозлило то, что будочники побросали иконы в сани как дрова, а Мельников обыскал даже постель ее дочери, только что родившей ребенка, отчего у той сделалась «нервическая лихорадка». Оскорбленная Головастикова пожаловалась на Мельникова министру Бибиикову, а на Бибиикова в Сенат. У Мельникова дважды требовали объяснений по этому делу, но, похоже, его не наказали. Более того, 3 сентября 1854 года он получил орден Святой Анны 2-й степени за «отличную усердную службу и особые труды».

В декабре Мельников отправил в Петербург отчет. В нем он приходил к выводу, что старообрядчество процветает оттого, что народу не хватает церковного вразумления: православное духовенство далеко от народа, не уважает свою веру, «служение Богу превратило в доходное ремесло»; в монастырях и церквях служат не по уставу.

ОТКРОВЕННОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ НЕДОСТАТКОВ

1855 год стал поворотным и в судьбе страны, и в судьбе Мельникова. Умер Николай I. Новый министр внутренних дел, Ланской, призвав к себе умного и деловитого подчиненного, велел ему составить для нового императора отчет о состоянии дел в империи: «Необходимо вполне ознакомить государя с его наследием, во всей его наготе, отнюдь не скрывая язв». Мельников справился с работой. Отчет был подан императору, тот читал его с вниманием и интересом и начертал на нем благодарность за «откровенное положение всех недостатков, которые с Божиею помощью и при общем усердии, надеюсь, с каждым годом будут исправляться». Успех отчета сделал Мельникова одним из самых доверенных лиц министра.

Его отношение к раскольникам изменилось: в «Записке о расколе», составленной для министерства в 1857 году, он утверждал, что старообрядцы – это верные подданные государя, только придерживаются другой веры. Их не надо преследовать, к ним надо относиться с уважением и вести среди них серьезную проповедь православия. В 1853 году Павел Мельников во второй раз женился. Его избранницей стала 16-летняя сирота Елена Рубинская, с которой он познакомился на маскараде. Репутация темпераментно-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

го чиновника в Нижнем была подпорчена, как он сам писал невесте, «клубными похождениями»; девушку даже отправили в монастырь, чтобы образумилась. Она не образумилась, и вскоре молодую пару обвенчал священник Александр Добролюбов, отец будущего знаменитого критика.

Елене Андреевне принадлежало имение Ляхово, где Мельников полюбил отдыхать. Там он снова взялся за перо: в 1857–1858 годах опубликовал в «Русском вестнике» несколько рассказов, принесших ему писательскую славу. Это были «Поярков»,

Граф Сергей Степанович Ланской, министр внутренних дел в 1855–1861 годах

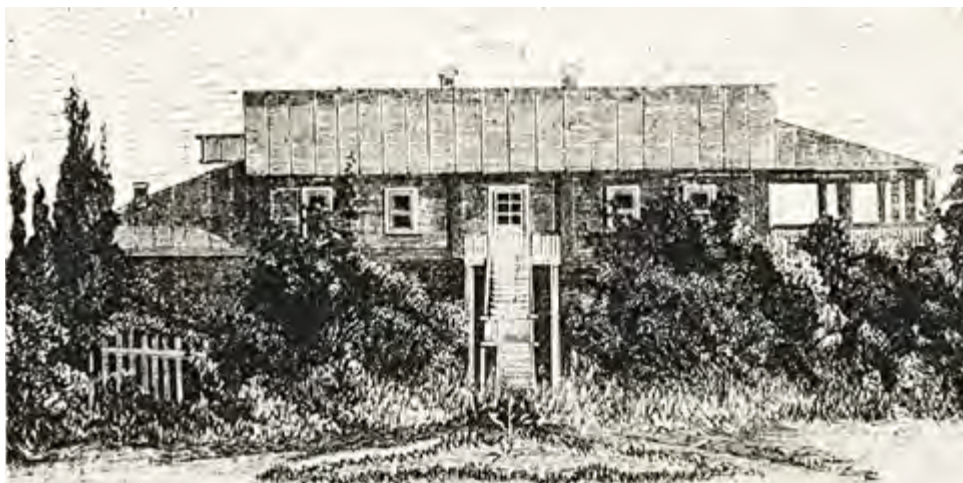
Афанасий Прокопьевич Щапов (1831–1876), российский историк и этнограф

«Дедушка Поликарп», «Медвежий угол» и другие. Все рассказы вышли с цензурного разрешения, однако, когда автор решил издать их отдельной книгой, цензура ее не пропустила из-за обличительного направления. В этих рассказах, написанных живо и со знанием дела, перед читателем предстала картина типичных российских безобразий: чиновники берут взятки, инженеры крадут казну на строительстве, крестьяне страдают. Цепкая память и наблюдательность Мельникова позволили ему вместо обличительных рассуждений зарисовать живых людей – узнаваемых и типичных. Чернышевский приветствовал яркий талант. Современники ставили рассказы Мельникова-Печерского рядом с «Губернскими очерками» Салтыкова-Щедрина. А сам он писал в автобиографии: «Не столько служебные занятия, сколько неуверенность в своих силах отклоняли его от печатания своих рассказов. Много было у него начатых работ, немало и конченных, но написав что-нибудь, он по обыкновению прятал написанное на полгода или и более и потом перечитывал; если ему не нравилась работа, он по обыкновению бросал ее в огонь...» В итоге вместо того, чтобы писать прозу, он взялся за исследование догматических вопросов раскола.

Кабинет П.И. Мельникова-Печерского, где был начат роман «На горах». С рисунка А.П. Рябушкина

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В 1859 году он пытался издавать газету под названием «Русский дневник», однако издание не получило разрешения на освещение зарубежных новостей, имело мало подписчиков и принесло большие убытки. Поскольку сам Мельников, редактор и издатель, был чиновником министерства, газету стали считать официальным органом, а все задетые газетными статьями — жаловаться министру. В конце концов Ланской вызвал Мельникова и предложил ему выбор между государственной службой и редактированием газеты. Мельников выбрал службу. Газета закрылась, и из жалованья неудачливого редактора еще долго высчитывали министерскую субсидию на ее издание. Конец 1850-х и 1860-е годы были в русской литературе временем острой схватки идей. Писателям приходилось определяться с гражданской позицией, но писатель-обличитель Печерский и чиновник-монархист Мельников, кажется, должны были занять позиции по разные стороны баррикад. Однако слава гонителя раскольников, заработанная чиновником Мельниковым, досталась и писателю Печерскому, тем более что тот в своих произведениях обличал и раскольников тоже, а гнать гонимых в русской литературе всегда считалось неприличным. Герцен съехидничал, что чиновник Мельников собирается издать книгу «о своих апостольских подвигах». В литературных кру-

гах писателя Печерского не принимали. Салтыков-Щедрин писал: «Если он и подлец, то подлец не злостный, а по приказанью». Положение чиновника Мельникова тоже осложнилось, когда начал публиковать свои исследования раскола казанский религиовед Афанасий Шапов. Он опирался на ранние труды Мельникова и считал раскольников вредной и опасной средой, при этом доказывал, что корень раскола — не религиозные расхождения, а протест против произвола властей. Шапов так развил идеи Мельникова, что они стали казаться пропагандой революции, и писатель оказался скомпрометированным. На это наложились внутренние министерские интриги, сложные отношения с новым министром, Валуевым. В 1866 году Мельников был уволен с должности чиновника особых поручений.

Дом в Ляхове.
С рисунка,
сделанного
с натуры
А.П. Рябушкиным

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Начало романа
«В лесах»
в журнале
«Русский
вестник».
1871 год

КОГДА ПОЯВИЛОСЬ ВРЕМЯ

Еще в 1861 году Мельников-Печерский сопровождал цесаревича Николая Александровича в поездке по Волге — и именно тогда молодой великий князь, впечатленный его рассказами, сказал: «Что бы вам, Павел Иванович, все это написать — изобразить поверья, предания, весь быт заволжского народа». Мельников-Печерский отговорился тем, что ему не хватает времени при обилии его служебных обязанностей, — а теперь это время у него появилось.

Жалованья он больше не получал, литературные гонорары стали возможностью прокормить семью, в которой уже было шестеро детей. Мельников стал печататься в солидном «Русском вестнике» Михаила Каткова, но публиковал не беллетристику, а этнографические «Очерки мордвы» и историческое расследование «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская». После этого он опять взял паузу: исследовал по просьбе нижегородского земства, где лучше прокладывать железную дорогу. Приходилось много ездить, в том числе по тем самым лесам Заволжья, о которых его некогда просил рассказать наследник Николай Александрович (цесаревич к этому времени уже умер). Мельников-Печерский делал заметки, записывал истории — все это стало подготовительной работой для самого крупного и самого интересно произведения писателя — романа «В лесах».

«Русский вестник» начал печатать роман в 1871 году. Читатели приняли его с восторгом: роман открывал им совершенно неизвестный, колоритный мир русского старообрядчества — с его незаурядными характерами, точно описанным бытом и выразительным, фольклорно-певучим языком. Те самые старообрядцы, которых чиновник Мельников преследовал, под пером писателя Печерского превращались

в живых людей. Романы эти и сейчас читаются легко и с удовольствием – и не потому, что у них какой-то особо закрученный сюжет. Наоборот, сюжет у Мельникова-Печерского почти всегда слаб: когда он писал роман, он даже не знал, куда повернет повествование и чем закончит.

Но в его роман войдешь – и пропадаешь в узорчатой стихии языка, в подробностях старинного быта, среди незаурядных персонажей, сильных и страстных, смиренных и гордых. Это настоящая Русь – древняя, загадочная, седая, озорная и сметливая. Здесь нет и следа того оцепенения, в котором пребывает гонимая Обломовка – это совсем другой национальный характер. Недаром в центре внимания Мельникова-Печерского – купцы-«тысячники», а то и «миллионщики», люди незаурядные, умные и оборотистые. Но раз за разом мы видим, как этих людей и тех, кто вокруг них, калечит стремление к деньгам и власти. И домо-строевская идиллия оборачивается трагедией, оскорбленной любовью, изломанными судьбами. На вопрос «кто виноват?» у писателя был свой ответ. Он нигде не прописывал свою программу, а просто рассказывал, что видел и что знает, но виноватыми оказывались и раскольники, и православная церковь, и купечество, и бур-

жуазия – словом, весь уклад российской жизни. Так что издателю Каткову пришлось при публикации текста исключать из него целые куски, непроходимые для цензуры. Читательский успех был таков, что после выхода романа к Мельникову-Печерскому приехал основатель Третьяковской галереи Павел Третьяков – тоже, кстати, выходец из купцов-старообрядцев. Он предложил писателю пози-

П.И. Мельников-Печерский.
1870-е годы

Комаровский скит, Манефина обитель. Один из нижегородских старообрядческих скитов, находившихся на реке Керженец.
1897 год

Изначально писатель был похоронен в некрополе нижегородского Крестовоздвиженского монастыря

ровать художнику Крамскому для портрета; портрет находится сейчас в Третьяковской галерее. Роман понравился царю Александру II и новому наследнику престола, будущему Александру III; ему-то Печерский и посвятил книгу. Римский-Корсаков вдохновился рассказанной в романе легендой о граде Китеже и создал оперу. Мусоргский придал пушкинскому Варлааму из «Бориса Годунова» черты Варлаама из романа «На горах», чтобы сделать облик этого персонажа в опере более объемным.

Писатель построил на гоночарах двухэтажный дом в Ляхове и сел там писать вторую часть дилогии – роман «На горах». Читателям он тоже понравился. Этот роман Мельников-Печерский дописывал уже тяжело больным, диктовал некоторые части жене.

В 1883 году он умер, не закончив работу над историческим романом «Царица Настасья». Его собрания сочинений прочно заняли свое место на библиотечных полках – во втором ряду. Но их берут, их читают, их любят – за возможность услышать эту речь, за возможность пожить в той России, которая уже строит железные дороги, но еще сохраняет черты легендарного Китежа. ■

«НАД СКУКОЙ ДАЧ...»

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ДАЧА – ЭТО СЛОВО ПЕТЕРБУРГСКОЕ, ПЕТРОВСКОЕ. СОБСТВЕННО, ДАЧА И ЕСТЬ ИЗОБРЕТЕНИЕ ВЕЛИКОГО РЕФОРМАТОРА, ЗАВОЕВАТЕЛЯ ЗЕМЕЛЬ И УКРОТИТЕЛЯ ПРИРОДЫ. И ВСЕ В ЭТОМ СЛОВЕ ОТ НЕГО, ОТ ЕГО НАТУРЫ – ПРОСТОТА И ШИРОТА ДАРА, СВОБОДА, РАЗДОЛЬЕ, НО И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. ДАВАЛОСЬ ВЕДЬ НЕ АБЫ КОМУ И НЕ АБЫ КАК, А КОМУ СЛЕДУЕТ, ЗА ЗАСЛУГИ, И НЕ ТОЛЬКО ДАВАЛОСЬ КАК НАГРАДА, НО И ВМЕНЯЛОСЬ КАК ДОЛГ. ВОТ ТЕБЕ ЗЕМЛЯ – ПУСТЬ ВСЕ ТУТ ЦВЕТЕТ И ХОРОШЕЕТ, ВОТ УЧАСТОК – ОН ДОЛЖЕН СТАТЬ ЧАСТЬЮ ОГРОМНОГО ГОРОДА-САДА.

ПЕРВЫЕ ДАЧИ ПОЯВИЛИСЬ В ПЕТЕРГОФЕ. Строго говоря, первым дачником был сам Петр I, а уже потом члены его семьи и приближенные. Но это были не просто подарки щедрого государя, то был инструмент благоустройства. Петр был по-

истине велик во всех своих замыслах, даже в таких, казалось бы, бытовых. Император сообразил нарезать землю вдоль Финского залива так называемыми мызами – вытянутыми прямоугольниками, примыкающими узкими сторонами к морю и к Петергофской дороге.

Петр раздавал мызы с условием, что хозяева обязуются облагородить берег и построить роскошные усадьбы вдоль дороги. Начинка могла быть какой угодно с какими угодно сельскохозяйственными или промышленными радостями, хоть с пашнями и свинофермами, хоть с кирпичными и свечными заводиками, но парадная часть должна была соответствовать самым высоким архитектурным образцам. Хитро! Конечно, недостатка в желающих получить такой надел не было. Приморская дача – это и практично, и солидно, и модно! А какое смятение, какой ажиотаж случались, когда дачи конфисковывались у одних и передавались другим.

Так установилось, так продолжалось и после Петра. Каждый следующий монарх спешил обустроить в Петергофе дачу для себя, и каждый жаловал здешние земли высокопоставленным чиновникам, генералам и фаворитам. Долгое время

слово «дача» было синонимом высочайшего покровительства власти, символом благосклонности судьбы. До второй половины XIX века дачная жизнь была явлением исключительно аристократическим. Если к прекрасному и прикасались люди менее обеспеченные или менее знатных кровей, то в высшей степени одаренные, органичные этому дивному месту. И опять-таки по милости высших сил. Василий Жуковский здесь, в Александрийском Коттедже, учит русскому языку августейшую супругу и отпрысков Николая I. Александр Пушкин либо участвует в придворных церемониях, устраиваемых в петергофском Большом дворце, либо гостит на дачах более удачливых в политическом смысле приятелей. Многое изменилось после указа Николая I, благодаря которому дачи можно было приобретать. Но это, конечно, не сделало загородный отдых доступнее в одночасье. Участки были дороги, да и продавались они с условием: проект усадьбы должен был одобрить сам император, архитектором дачного дома мог выступать лишь признанный специалист.

РАЙ ДЛЯ ПОЭТОВ, ХУДОЖНИКОВ, МУЗЫКАНТОВ

Демократизируется дачный сектор в Петергофе лишь с конца 50-х годов XIX века. Этому способствовало множество факторов: появление железной дороги в Петергофе и ее продолжение до Ораниенбаума; разорение дворянства – содержать огромные загородные владения становилось накладно, и они дробились на небольшие участки, которые сдавались; ухудшение условий жизни в городе – в жару городской воздух становился по-настоящему невыносимым; и, конечно, общая либерализация общества. В это время в Петергоф приезжают и горожане среднего достатка,

Дом чиновника Александра Кожевникова можно увидеть не только в Петергофе на Собственном проспекте, но и в Эрмитаже, на литографии Петра Бореля «Дача в сельском вкусе». Вот только на литографии здание совсем не узнать – оно почти полностью перестроено

На самом деле в парках Петергофа не пострадал от белок еще ни один турист

и интеллигенция, и разночинцы. Особенно много здесь летом писателей, художников, музыкантов, поэтов. Рассвет дачной жизни в Петергофе совпадает с его культурным подъемом.

Излюбленным местом творческой интеллигенции становится Старый Петергоф. Люди со скромным достатком снимают дачи подальше от моря, поближе к железнодорожному полотну, заселяя земли Заячьего Ремиза, Егерской слободы, Мартышкина. Скромную дачу здесь можно было снять за 120–200 рублей за сезон, что дешевле аренды городской квартиры. Кто больше обласкан судьбой, тот стремится арендовать или даже построить себе дачу на приобретенном участке поближе к берегу, к историческим императорским паркам – Нижнему и Английскому. Ну а кто-то из постоянных петергофских дачников меняет адреса соответственно росту материального благополучия. Так, композитор Антон Рубинштейн несколько сезонов снимал дачу в Заячьем Ремизе, а потом взял и выкупил участок на дороге Знаменской улице, в нескольких шагах от залива. Позволить, однако, такое приобретение даже он, музыкант с мировым именем, любимец царской фамилии, смог после многомесячных зарубежных гастролой.

А вот чета Панаевых, у которых почти постоянно гостил Некрасов, несколько лет снимала скромный швейцарский домик в Мартышкине, «вдали от всякого житья».

*...Нас веселит ручей,
вдали журчащий,
И этот темный дуб,
таинственно шумящий;
Нас тешит песнею
задумчивой своей,
Как праздных юношей,
вечерний соловей...*

Удивительно! Это написал автор «Размышлений у парадного подъезда». Ни пафоса вам тут, ни надрыва, ни слезы, ни ярости – вот как подействовал на поэта Петергоф! Непримируемый к социальной неспра-

ведливости и прочим язвам и порокам Некрасов словно превращается здесь в просветленного шаолиньского монаха. Это тишина и уединение оказали на него такое влияние?

Но живут литераторы в тени дубов и лип вовсе не как отшельники. Их маленькая дача становится центром притяжения культурной жизни Петербурга. Здесь часто бывает Дмитрий Григорович. Сюда добирается даже Александр Дюма – отец во время своего пребывания в Петербурге. И, к слову, знакомство это, по воспоминаниям Авдотьи Панаевой, нанесло литературному семейству серьезный урон: француз уничтожил почти все их продовольственные запасы. Здесь навещает литераторов и Тургенев. Ему так понравилась приморская размеренная жизнь, что он и сам снимает здесь дачу в Немецкой колонии близ Английского парка. Ивану Сергеевичу Петергоф, кажется, куда более органичен, чем громокипящему Некрасову. Здесь писатель проводит целое лето. Прогуливается вдоль заросшего камышом, полудикого Английского пруда, бродит по горкам и мостикам сказочной Сергиевки, любит закатами на заливе... и, наконец, пишет повесть «Затишье». Такую же красивую и печальную, каким часто бывает Петергоф в отдалении от своей веселой, парадной части.

Особой любовью пользовался Петергоф у художников. Для них тут – настоящее раздолье: море и небо, дубы и сосны, цветочные луга и пляшущие холмы, маленькие домики, жмущиеся к берегам извилистых речек, и помпезные дворцы, фонтаны и водопады. Чудо природы и чудо рук человеческих. Самые известные дачники среди живописцев здесь – Саврасов, Айвазовский, Шишкин, Левитан, Врубель.

Паломничеству живописцев в Петергоф предшествовал один исторический факт. В 1852 году исполнять обязанности президента Петербургской академии

Сегодня любимое место художников в Сергиевке – мостик у Оранжевого пруда

художеств стала великая княгиня Мария Николаевна. Однажды во время просмотра работ молодых дарований дочь Николая I остановилась перед картиной тогда еще мало известного Алексея Саврасова. Пораженная талантом художника, княжна пригласила Саврасова на лето к себе в усадьбу в Сергиевку. Именно он первый запечатлел красоту этих мест в красках. С тех пор пленэры близ дворца Лейхтенбергских стали славной традицией среди русских художников. Да и сегодня, бродя по парку, нет-нет да и встретишь у какого-нибудь дивного мостика или у чайного доми-

ка рисовальщиков с этюдниками. А то и на целую творческую группу нечаянно набредешь.

Особое место в художественной истории Петергофа занимают Айвазовский, Шишкин и Врубель. Известный маринист в Петергофе, Ораниенбауме и Кронштадте работал не только как художник Главного Морского штаба, но и как живописец императорской семьи. Он писал пейзажи для украшения стен Фермерского дворца Александра II, увековечивал в портретах детей императора. Картины художника и сейчас можно увидеть в петергофском Большом дворце и дворцах Александрии.

Также одним из живописнейших мест Петергофа является Луговой парк. Здесь художники испытывают такое вдохновение, что даже Розовый павильон восстает из руин на их полотнах

носимое на фоне блистательной жизни окружающих дачников – ведь живет Врубель в одном из самых дорогих петергофских районов, на богатой даче у Александра Пампеля, помощника крупного петербургского промышленника. Живет на правах репетитора сына хозяина дачи. По временам художник сбегает из этой атмосферы, уходит с вычищенных, нарядных набережных – дальше от дворцов, скульптур, фонтанов. Часами ходит по берегу деревни Бобьльской, подолгу наблюдает за нищими рыбаками, всматривается в их темные, точно медные пятна, лица. И что-то смутное, мрачное, но огромное вызывает в его душе.

ВСЕ ПЕТЕРГОФ – ТЕАТР

А как жилось в Петергофе дачнику, не обуреваемому творческими метаниями и душевными кризисами? Как проходили его дни и вечера? Свежий воздух, вода и тенистые кроны – это, конечно, прекрасно. Но не ручьем же единым, вдали журчащим, не дубом же только, таинственно шумящим, жив отдыхающий. Праздность есть не только свобода от трудов праведных, но и скука. Как там у Блока, тоже, к слову, известного петергофского отдыхающего?

*Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицеист остер –
Над скукой дач, над огородами,
Над пылью солнечных озер.*

Так что же мог противопоставить человек дачной скуке? В Петергофе существовало несколько центров культурной жизни.

Первый такой центр – Петергофский вокзал. И не только потому, что с него все начиналось и все им заканчивалось. Хотя встречи и прощания – это, условно, важная составляющая любой дачной истории. И в этом смысле приключением для дачников становился уже проезд на «Кукушке» – небольшом паровозике, курсирующем от Петергофа до Ораниенбаума и подгоняемом для веселья публики машинистом с помощью кнута и криков «Но!». Маленький по-

Шишкин со своей любовью к соснам и дубам просто не мог обойти своим вниманием Петергоф. В 1891 году художник обосновывается здесь на все лето, чтобы написать знаменитые «Мордвиновские дубы». О Врубеле, пожалуй, стоит сказать отдельно. Для него Петергоф был не просто великолепной натурой, он здесь не столько работал, сколько жил. Несколько летних сезонов он проводит здесь практически безвыездно. И жизнь его тут полна противоречий. Петергоф не озаряет художника, как многих, умиротворяющим светом, не дарит блаженного покоя. Но и рабо-

тать словно по часам, как работал неутомимый Шишкин, Врубель не может, не умеет. Рисует и пишет он много и подолгу, но еще больше сомневается, мучается, томится. «Работы и думы берут у меня почти весь день. На музыку даже не хожу. Только за едой да часов с девяти вечера делаюсь годным для общежития человеком», – пишет художник родителям летом 1883 года. И признается, что его обуревают тщеславие и корысть, что мечтает он написать хотя бы четыре серьезные акварели. Корысть растет из безденежья. Безденежье это по-настоящему тягостное, откровенно непере-

В Петергофе в разгар летнего сезона театральные постановки разыгрывались повсюду: и в гимназиях, и в манежах, а все дороги, хоть от Императорских конюшен, хоть из Нижнего парка, вели к Театральной площади

езд делал на небольшом отрезке множество остановок, так что пассажиры в пути успевали презнакомиться и расписать несколько дней вперед на визиты в гости.

Но «Кукушка», конечно, не единственная интересность Петергофского вокзала. Собственно, главное – сам вокзал. Вокзал в Петергофе – это произведение искусства, архитектурный шедевр Бенуа, построенный по образу и подобию католического собора в итальянском Орвието. Ажурный, воздушный, парящий, он не мог восприниматься публикой лишь утилитарно, и люди возвращались к нему вновь и вновь по аллеям окружающих его парков. И этот человеческий поток, это движение, разумеется, не могло долго оставаться бессодержательным. В здании вокзала и на открытых площадях вокруг него стали давать концерты, устраивать музыкальные и танцевальные вечера. Второй, но отнюдь не второстепенный центр дачной жизни это территория Нижнего парка. Во второй половине XIX века сад Петра был уже публичным пространством: во время государственных праздников здесь проводились обществен-

Судьба многих дач в Петергофе по-настоящему трагична. Усадьба Людвига Крона сгорела почти перед самым началом реставрационных работ

Вокзал в Новом Петергофе не только место встреч и прощаний, но и центр культурной жизни

ные гулянья, а в будни устраивались велопрогулки, игры в крокет, на берегу – купания. Купальни были организованы в Купеческой гавани неподалеку от дворца Марли – здесь неглубоко и вода всегда хорошо прогревается. Популярны были, само собой, и катания на лодках. Ну а по вечерам тут работали рестораны, играл военный оркестр. Движение – это жизнь, но жизнь – не только движение. Важны также зрелища. Но и с этим в Петергофе все было более чем хорошо. В XIX и начале XX века здесь было открыто несколько театров.

В 1829 году в Верхнем саду сгорел и был разобран первый петергофский театр, построенный в эпоху Елизаветы Петровны.

На смену небольшому придворному «Оперному дому» построили новый Летний императорский театр – огромный, пышный, – и уже не в парке, а в центре Нового Петергофа. Позже появляются летние открытые сцены на островах Ольгина пруда. Если в первый театр имели возможность попасть не только знатные, но и богатые дачники, то насладиться зрелищем на островах могли, конечно, только приближенные царской семьи. А представления были по-настоящему фантастическими. Уже одно оформление внушало трепет: если сцену разбивали на берегу, то зрители размещались в лодках, мосты, деревья, ограды были богато иллюминированы, окружающие павильоны и веранды – декорированы цветами. Тут выступали лучшие артисты своего времени: Матильда Кшесинская, Ольга Преображенская, Анастасия Вяльцева, Мария Долина, Константин Варламов и Александр Давыдов. Впрочем, получить удовольствие от театрального искусства могли не только избранные. Для жителей Петергофа с более скромным достатком летом были доступны сцены в залах гимназий, Присутственных

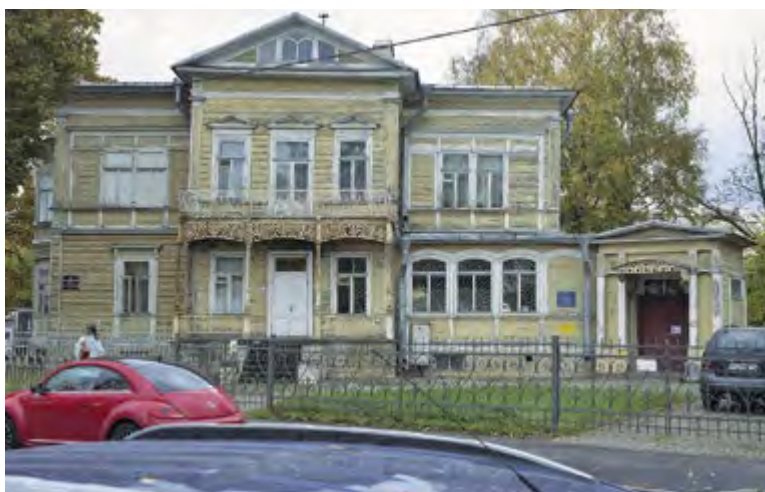

мест, Общественного собрания, городской ратуши, манежах Уланского и Конно-Гренадерского полков.

А особое место в драматической жизни Петергофа на четверть века занял любительский театр Раева. Началось все так. В 1880-х годах в раздробленном на небольшие участки Заячьем Ремизе купила землю Прасковья Морина из рода мастеровых Петергофской гранильной фабрики, супруга Василия Иванова, начальника Петербургской сыскной полиции. В семье было три сына: Павел, Александр и Леонид. Все, в общем, при деле: один – офицер морского флота,

другой – преподаватель в гимназии, третий – чиновник Министерства внутренних дел. Какое уж тут лицедейство! А вот поди ж ты, Леониду и Александру захотелось чего-то эдакого. И стали они разыгрывать бесплатные представления. Играли сами под псевдонимами Раев и Альвасов, привлекали жен. Сначала просто развлекали знакомых. Потом знакомых знакомых. И пошло дело. В дачном театре не удавалось разместить всех желающих, не спасали даже приставные стулья и скамейки. Набивалось более 300 человек. Удивительно, но билеты очень долго оставались бесплатными.

В парке у Финского залива любила гулять еще императрица Елизавета Петровна. Что бы она почувствовала, когда бы увидела, в какое запустение пришли ее владения?

Летом в деревянном доме генерал-майора Александра Гейрота часто гостили высокопоставленные чиновники с семьями

Лишь через три года с посетителей стали брать плату, часть вырученных средств отдавали на благотворительность, часть – тратили на развитие театра – в 1895 году была собрана новая сцена под навесом. Спектакли давались летом каждое воскресенье, часто сезон продлевали до середины осени.

Просуществовал театр Раева до 1913 года, пережив даже помпезный Летний императорский театр. Последний постигла печальная участь – он сгорел в 1910 году во время ремонтных работ от окурка, брошенного одним из рабочих.

БЕГ ВРЕМЕНИ

Вообще, конечно, не сохранилось многое, очень многое от той дачной жизни. Почти ничего. Петергоф был сильно разрушен во время войны: «культурная немецкая нация» целенаправленно уничтожала архитектурные памятники. Но что касается дачного Петергофа, то, увы, его во многом уничтожили до нацистов. Стремительный закат дачной истории Петергофа последовал сразу же за дачным бумом рубежа XIX–XX веков. Революция, Гражданская война, разруха – какая уж тут сентиментальная праздность. Усадьбы были брошены, новая власть не испытывала потребности сохранять их. В этом смысле усадьбам, в которых большевики открывали санатории и дома отдыха, конечно, повезло чуть больше. Но надо понимать, что выбор во многом был случайным – историческое и культурное значение порой не играло никакой роли. Так, в Заячьем Ремизе санаторий открыли в большом, основательном, но не самом примечательном особняке петербургского промышленника Николая Беллея. И именно эта усадьба – единственное, что вообще сохранилось до наших дней. Ни театр, ни купальни, ни домики с башенками, ни старые улочки – ничего, только эта каменная глыба в окружении какого-то строительного хаоса. Тут же какие-то ангары, бытовки, сру-

бы на продажу, заборы, оклеенные объявлениями о продаже яиц, грязь. Есть еще маленький музыкальный павильон, но на фоне всего этого урбанистического ужаса он выглядит обесчещенным.

А вот дачи на бульваре Юркевича (после 1920 года переименован в бульвар Красных Курсантов) были просто разграблены и разрушены. В начале 1920-х здесь случился большой пожар. Причем возник он, как считает местный краевед Виталий Гущин, уже после того, как из всех окрестных дач были вывезены картины, дорогая мебель, посуда, золото. Еще позже, к десятой годовщине Октября, из плит разрушенных домов соорудили Памятник жертвам революции, который установили на бывшей Театральной площади.

Неизвестно, что случилось с красивой дачей Кушелева-Безбородко. Здание было построено в 1842 году в популярном тогда неоготическом стиле. Это был настоящий рыцарский замок. Казалось бы, уж его-то следовало сберечь для истории. Но уже в «Козлиной песни» Константина Вагинова, написанной в конце 1920-х годов, сообщается о бесславном финале особняка: «Низ дачи был растащен обитателями соседних домов на топку кухонь». Читаешь такое и хочется воскликнуть: «Ну почему, почему большевики не устроили здесь хотя бы склад?!»

Нашла же советская власть применение дачам Грубе, Крона и Бенуа, что расположены на самом берегу Финского залива, неподалеку от маяка. И это все-таки продлило жизнь этого архитектурного ансамбля. Можно сколько угодно говорить, что большевики в пользовании дореволюционным имуществом были грубы и невежественны, что они упрощали, выхолащивали интерьеры, но... любая активность для архитектурного наследия лучше, чем заброшенность. И как раз история дачного комплекса у залива это лучше всего доказывает.

В окрестностях
Петергофа,
у Бабигонского
пруда, дачники
устраивали
пикники

Дача архитектора Артура Грубе стыдливо прячется за кронами деревьев, от бывлой красоты почти ничего не осталось

Ведь в запустение все пришло, когда дома оставили совсем. А бросили комплекс в 1990-е. В этом контексте даже удивительно, что дача Крона сгорела уже в наши дни, а не тридцать лет назад. Сгорела перед запланированной реконструкцией.

Ведь уже был разработан проект, нашли подрядчиков, выделили деньги... и вот пожар. Почему средства не направили на восстановление соседних дач? Ждут, когда и они сгорят? Но они, скорее, стгниют.

Дача Грубе совсем изуродована. Все стены испещрены похабными посланиями, хозяйственные постройки превращены в туалеты. То, с чем вандалы не могут справиться, отдается на растерзание природе. Ведь заколоченные окна то и дело проламываются, видны следы пребывания на крыше, оторваны ливневые трубы – остальное уж довершает дождь. Резные карнизы, аркады, ажурные наличники – все это день за днем превращается в труху. То же происходит и с дачей Бенуа, но, кажется, медленнее. За этим домом все же присматривают, по временам там горит свет, а на крыльце обычно дремлет хвостатый сторож. Но и эта дача, кажется, умирает. Хотя ее не поджигали, не оскверняли и в нее не попал ни единый фашистский снаряд.

А вот где война прошла основательно, так это в парке принца Ольденбургского и по Большой слободе – по тем самым землям, где находились самые

В солнечную
погоду
с побережья
Петергофа
хорошо виден
Кронштадт,
ослепительный
купол Морского
собора и сейчас
может служить
маяком

богатые усадьбы, в том числе дачи Антона Рубинштейна, Пампелей. В этих местах испытываешь по-настоящему горькое чувство. Нет, все, в общем, понятно, не все можно заново отстроить, да и не все нужно. Но вот, например, парки – их же можно облагородить? Можно ведь привести в порядок территории, где еще хоть и слабо, но угадывается оригинальный ландшафт, где затейливо петляют ручьи, где деревья высаживали так, чтоб вид их улаждал взор? Можно хотя бы проредить бывшие сады от сорных кустарников, разгрести помойки? Но, видимо, еще не пришло время. Время, однако, бежит своим чередом. И на смену одному всегда приходит другое. В послевоенное время дачная жизнь в Петергоф как будто ненадолго вернулась. Но уже, понятно, в другом обличье. На бульваре Красных Курсантов, бывшем Юркевича, на улице Веденеева, в бывшей Егерской слободе, в Заячьем Ремизе небольшие участки в 1950-е годы стали получать сотрудники Санкт-Петербургского университета, научные работники. Вскоре на улицах Петергофа появились небольшие домики с верандами и мансардами.

В 1990-е Петергоф охватил новый дачный бум – суровый и беспощадный. Пригород заполнили стихийные огороды. То есть сначала обедневшим рабочим петергофских предприятий власти вроде как сами нарезали по несколько соток под картошку и морковку, выделили во временное пользование и в строго ограниченном количестве. Но люди, обеспокоенные постоянными кризисами, уставшие от неопределенности, так увлеклись, что разделили меж собой почти все имеющиеся пустыри и заброшенные парки, понастроили там сараев и решили насмерть стоять за эти свои фазенды. Их уже передают по наследству. Что характерно, большинство таких огородов

В наши дни петергофские дачи измельчали до огородов в 6 соток, но и они людям дороги: местные жители трудятся на грядках не только ради запаса овощей на зиму – так они чувствуют себя в безопасности

разбито именно в исторических дачных местах. Грядки и парники облепляют ветшающие дачи Бенуа, Грубе и Крона. Теплицы в Петергофе сегодня можно встретить даже в 300 метрах от Нижнего парка, там, где когда-то отдыхали только аристократы. И огороды тем живее, чем неопределеннее исторический момент. 2008-й, 2014-й, коронавирусный 2020-й – вот годы, когда жители Петергофа засаживали «свои» земли картошкой особенно яростно.

Но и эту активность вытесняет другая. И ладно, когда пустыри с огородами организованно застраиваются новыми коттеджными поселками. Пусть большинство жителей Петергофа на эти владения могут посмотреть только издали, но посмотреть все же приятно – аккуратно, чисто. Хуже, когда старая, пусть и неказистая, но обжитая местность точечно уродуется коробками из пеноблоков и заборами из профнастила. Посмотришь на такое и невольно задумаешься: а не стоит ли вернуть строительные ограничения Николая I? Но уповать наивно приходится только на время, что оно все-таки расставит все на свои места. ❀

МАСТЕРОК И МИСТИКА

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ДОМ ДЛЯ ГОРОДСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ С ГОРГУЛЬЯМИ И ЧЕРТЯМИ И ДОХОДНЫЙ ДОМ ИОФФА ДАВНО ВОШЛИ В ЧИСЛО СИМВОЛОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, ХОТЯ ИМЯ ПОСТРОИВШЕГО ИХ АРХИТЕКТОРА СЕГОДНЯ ВСПОМНИТ ДАЛЕКО НЕ КАЖДЫЙ ПЕТЕРБУРЖЕЦ. АЛЕКСАНДР ЛИШНЕВСКИЙ ПОСТРОИЛ В СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЕ ОДНО МУНИЦИПАЛЬНОЕ ЗДАНИЕ И 20 МНОГОЭТАЖНЫХ ЧАСТНЫХ ДОХОДНЫХ ДОМОВ, ПЯТЬ ИЗ КОТОРЫХ ПРИНАДЛЕЖАЛИ ЕМУ.

Н ОЯБРЬ 1868 ГОДА. Херсон. В еврейской семье Лишневских родился мальчик – Хацкель, в православии – Александр, будущий архитектор. В биографии мастера множество лакун, а иногда – весьма неожиданных сближений. В советское время потомки не афишировали родство с выдающимся архитектором – это было небезопасно. Дома есть, а даты

рождения мастера нет: день рождения Александра Лишневецкого забылся. Его, покопавшись в архивах, восстановила праправнучка мэтра – Елена Турковская. Теперь известно, что Лишневецкий родился 11 ноября. Кстати, как и Достоевский, упоминание которого выглядело бы притянутым, если бы не узловым драматический момент в жизни обоих: приговорили к казни, но в последний момент помиловали.

Александр Лишневецкий окончил Одесскую рисовальную школу, поступил в Петербургскую академию художеств, окончил ее в 1894 году с малой золотой медалью в звании классного художника 1-й степени. Православие принял, уже получив диплом (в крещении – Александр), то есть сменой веры для упрощения процедуры поступления не воспользовался. Права православных в Российской империи были шире, чем у иудеев, например архитектор мог легче получить государственный заказ. Но закрепиться в столице молодому архитектору не удалось, и он отправился в Елисаветград (ныне – Кропивницкий), где занял должность городского архитектора.

Александр Лишневецкий. 1890-е годы

ИВАН ОМЕЛОВ

МЭТР ДЕРЖИТ УДАР

В 1901-м Лишневский вернулся в Петербург, в следующем году принял участие в конкурсе на проект Дома для городских учреждений, или Городского дома, и завоевал вторую премию. Конкурсное проектирование в то время для многих архитекторов было способом зарабатывать на жизнь: за призовые места выплачивали крупные суммы. К тому же, несмотря на второе место в конкурсе, реализован был именно проект Лишневского: победивший проект Александра Дмитриева в итоге был отклонен из-за того, что запланированная высота здания превышала установленные на тот момент в Петербурге нормы.

Через полтора года после завершения строительства Дом для городских учреждений пошел трещинами, для расследования причин была создана специальная комиссия. Один из инспекторов усомнился в профессионализме архитектора и объявил, что не доверил бы ему строить даже собачью будку. Александр Львович вышел из себя: «Скорее можно издохнуть, чем этот дом обвалится!» И добавил несколько крепких словечек. Перепалка

переросла в рукопашную, в ходе которой выяснилось, что архитектор владеет приемами джигитсы и французского бокса. Скандалистов развели, а журналисты еще долго публиковали ка-

Дом для городских учреждений

рикатуры на Лишневского, изображая архитектора в доспехах. В конце концов собрали новую авторитетную комиссию, которая, тщательно осмотрев здание, постановила, что общее состояние дома «не дает поводов к опасению в смысле безопасности». Трещины объяснили «неравномерностью осадки и разновременностью возведения частей здания при сложности плана». Репутация мэтра была восстановлена.

ЛЮБОВЬ К ГОТИКЕ

Многие дома Александра Лишневского ассоциируются с фантастическими повестями Гофмана и готическими романами. Сложно сказать, читал ли их архитектор, но уроженец Херсона обладал и вкусом, и фантазией. Здания мастера узнаваемы прежде всего причудливым декором: грифоны, сатиры, лики горгоны Медузы, медведи, черти, кошки, путти – фантазия архитектора была неистощима.

Диплом Александра Лишневского о присвоении ему звания «Классного Художника первой степени и права на чин десятого класса с правом производить постройки»

из личного архива Е. Турковской (Лишневская)

К примеру, фасад Дома для городских учреждений украшает причудливая вереница макабрических образов: химеры, карлики, обезьяны, грифоны и летучие мыши с человеческими лицами. Интерьер тоже выдержан в инфернальном стиле. В овальном вестибюле со стен смотрят лукавые чертики, а в кованый орнамент лестничных ограждений вплетен бескрылый дракон. Елена Турковская считает, что мистический декор – наследие украинского фольклора, который не мог пройти мимо ее предка. «Интерес к готической архитектуре был характерен не только для Лишневого, – объясняет кандидат исторических наук Александр Чепель, – но и для других зодчих эпохи модерна. В Петербурге и до Лишневого строились здания в «готическом модерне». Однако чертей и горгулий, да еще таких выразительных, до Лишневого никто из петербургских зодчих на фасадах и в интерьерах не изображал. Архитектор никогда не объяснял причин своего пристрастия к готике, так что тут можно только выдвигать разные предположения.

ГНЕЗДО

Дневников архитектор не оставил. На семейных фото Александр Лишневский – невысокий, худой, высоколобый, с гривой волос и густой бородой. Он обладал удивительной энергией и трудолюбием. Александр Львович женился на Саре Варшавской, дочери одесского купца. У супругов было шестеро детей: Вера, Надежда, Любовь, Лидия, Борис и Глеб. Елена Турковская и ее сын Леонид Корниевский – потомки по линии Надежды. Вера рано умерла, оставив на попечение родителей детей. Надежда вышла замуж за помощника отца, Сергея Турковского. У Бориса и Любви детей не было. У Глеба и Лидии – умерли. Маленькую Елену Турковскую опекала не только родная бабушка – Надежда, но и ее сестры – Лидия и Любовь, «младшие ба-

ИВАН СМЕЛОВ

Дворовое пространство Дома для городских учреждений

бушки». Они были щедры на внимание, но информацией об Александре Львовиче делиться не спешили. Известно, что Александр Львович был очень экономен в быту. Пеленки делали из старых простыней, конфетами детей не ба-

ловили, а выдавали из буфета по воскресеньям после посещения службы в церкви. Сейчас этот заветный буфет стоит в квартире Леонида Корниевского. Одежду младшие дети Александра Львовича донашивали за старшими, а вот на образовании не экономили. Девочки оканчивали Стоюнинскую гимназию – престижное частное заведение. Мальчики – Тенишевское училище. Когда Александр Львович работал, детям шуметь запрещалось.

«СОБАКА» ДЛЯ ВЕРОЧКИ

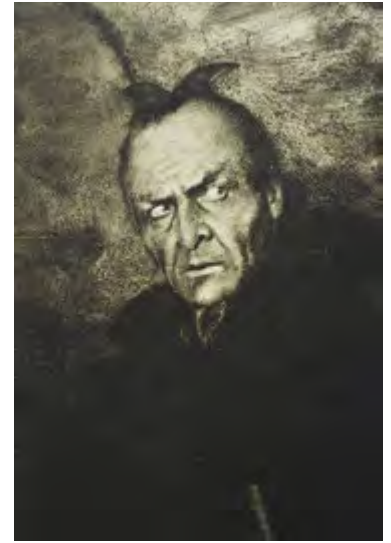
В арт-кафе «Бродячая собака» нон-стоп демонстрируются фото гостей кабаре, среди узнаваемых лиц – портрет Веры Лишневской, старшей дочери Александра Львовича. Вера вышла замуж за инженера Кашницкого, родила двух сыновей. А затем связалась с основателем «Бродячей собаки» Борисом Прониным. В этом союзе родились двое детей. Строгий архитектор выбор дочери принял тяжело. Александр Львович очень горевал, но не отказывал в помощи, когда Вера «приходила просить на «свою «Собаку». Сам он в кабаре, конечно, не появлялся. Младшая из дочерей, Лидия, сильно удивлялась высказыва-

А.Л. Лишневский за кульманом. 1900-е годы

Александр
Лишневский
с дочерью
Лидией

Портрет Ф.И. Шаляпина
в роли Мефистофеля в опере
Ш. Гуно «Фауст»

ниям отца: «Приходила Верочка просить денег на свою «Собаку». Его эти просьбы сильно раздражали. О «Бродячей собаке» дома не говорили – тема считалась запретной. Елена вспоминает, что программки «Собаки» в семье сшивали в тетрадку – получался импровизированный блокнот, в котором сыновья Сергея Турковского рисовали. Их резали на части, а на обороте Сергей Турковский готовился к экзаменам по тригонометрии в Академии художеств, где преподавал. Елена Турковская вспоминает, как Надежда Александровна обещала ей в детстве: «Когда ты будешь изучать русскую литературу, Любочка тебе все расскажет», имея в виду историю «Бродячей собаки».

«Мои исследования показали, что после закрытия «Бродячей собаки» Александр Львович вложил большую сумму в «Привал комедиантов» – новое артистическое кабаре Бориса Пронины и Веры Лишневской в доме Адамини. Я нашла в архиве документы, по которым ясно, что

Александр Львович в числе акционеров вложил в открытие «Привала...» сумму, на которую в 1918 году можно было построить четырехэтажный дом», – говорит Елена Турковская. Однако когда Елена в школе проходила Серебряный век, родственники не спешили делиться воспоминаниями о «Бродячей собаке», хотя Любовь Александровна бывала в кабаре. Нехотя рассказала: «На столах – цыганские шали. И Маяковский в безобразно желтой блузе». Елена стала расспрашивать, что же такое было на том

Александр
Лишневский
с дочерью
Любовью

вечере, но бабушка отрезала: «Ты еще маленькая девочка!» Елена предположила: «Раз был Маяковский, значит, читал стихи». «Лучше бы он этого не делал!» – отрезала строгая бабушка и свернула тему.

Елена Турковская окончила Институт культуры, работала в Доме культуры, потом была помощницей второго хунд-директора арт-подвала «Бродячая собака». То есть жизнь причудливо привела ее в заведение, которого так стеснялись предки. Когда Елене было 16 лет, Любовь Александровна Лишневская передала ей семейный архив.

УЛЫБКА МЕФИСТОФЕЛЯ

Знаменитого улыбающегося Мефистофеля на фасаде дома на Лахтинской улице в семье Лишневских считали сатиром в суфлерской будке. Горельеф украшал доходный дом на Петроградской стороне, пока его не сбили в 2015 году вандалы. «Точных сведений, почему на фасаде появился Мефистофель, кто конкретно был инициатором его возникновения, какой смысл вложен в это изображение – нет. Можно лишь выдвигать версии. Известно, что в первоначальном проекте Мефистофель не планировался, он

появился в ходе строительства. Лишневецкий, начавший строить дом на Лахтинской, 24 для себя, продал его недостроенным, однако лично завершил строительство. Так что без его ведома Мефистофель на фасаде точно появиться не мог», — рассказывает Александр Чепель.

Надежда Александровна Турковская (Лишневецкая) любила слушать Федора Шаляпина и берегла книгу о нем — это известно точно. Кстати, артист в inferнальном образе оперы Шарля Гуно и улыбающийся сатир с острыми локотками и перепончатыми крыльями очень похожи. Естественно, Александр Лишневецкий фото Шаляпина-Мефистофеля видел: в семье Турковских есть версия, что горельеф, украшавший фасад дома архитектора на Лахтинской улице, был сделан по фото загримированного Шаляпина. Скульптор, создавший горельеф на щипце дома Лишневецкого, неизвестен.

И вот еще одна интересная деталь. Александру Лишневецкому было поручено обустроить в построенном им доме Иоффа (угол Загородного проспекта и улицы Рубинштейна) кинотеатр. Известно, что архитектор спланировал зал на 300 мест, аппаратную камеру думал устроить в башне. Но, похоже, замысел не был воплощен, говорит Александр Чепель. Любопытно другое: в здании, находившемся на месте дома Иоффа, в 1909–1913 годах работал синемаграф... «Мефистофель».

КОГДА ПРИШЛИ МАТРОСЫ

Лидия Александровна запомнила, как в 1917-м в квартиру к Лишневецким на Широкой улице (ныне улица Ленина, 41/Полозова улица, 28) вломились революционные матросы. Один ворвался в детскую, схватил 10-летнюю Лиду за ноги, поднял вверх тормашками и закричал: «Что в тебе, дворяночке, папа запрягал?» Тогда все обошлось.

А в 1918-м Лишневецкого приговорили к расстрелу и уже даже вывели во двор тюрьмы, но в послед-

Июнь 1941 года.
Слева направо:
Леонид
Турковский,
неизвестная
женщина,
Надежда
Турковская

Леонид
Корниевский,
сын Елены
Турковской,
младший
потомок
великого
архитектора

ний момент помиловали. Елена Турковская говорит, что прапрадеду помог друг семьи — нарком просвещения Анатолий Луначарский. А просила за отца Вера.

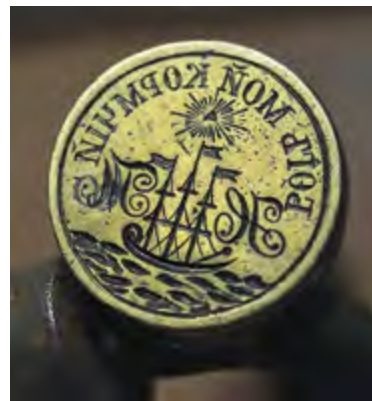
Родственники жены Лишневецкого эмигрировали во Францию и Бельгию, но Александр Львович уезжать не собирался. Он называл дома своими «детьми», полагая, что бросать их нельзя. Однако оставаться в Петрограде после ареста возможности не было.

В 1918–1919 годах Александр Львович работал в Мурманске на железной дороге. А в 1920-м переезжает с семьей на Украину и служит в Смелянском управлении сахарной промышленности, пре-

подает строительное искусство в Смелянском политехникуме.

Лишневецкие вернулись в Петроград в 1923-м — городу требовались грамотные архитекторы. Александр Львович с семьей и внуками поселился в коммуналке, заняв три комнаты. В одной из комнат стояла плитка — Лишневецкие, видимо, старались избегать встреч с соседями на кухне.

«После революции, когда Лишневецкие вернулись в Петроград, бабушки на рынке встретили молочницу, которая золотым мастерком из наградного набора Александра Львовича — где он получил эту награду, неизвестно — отрезала масло и заворачивала

Печать Александра Лишневецкого

ИВАН СМЕЛОВ

его в листы из книги с экслибри-сом «Библиотека А.Л. Лишне-вского». Бабушки Надя и Люба попытались выкупить и книгу, и мастерок, но не смогли», – говорит Елена Турковская.

«Раньше нельзя было говорить, что твой предок имел в царской России доходные дома, – вспоминает Елена. – Бабушка Лида была кандидатом наук, но даже еще в 1960-е боялась, что ее руководство узнает, из какой она семьи. А я в школе получила урок: сиди и молчи про своих буржуев. Нам показывали здания, среди них был Дом для городских учреждений. Я сказала: «Это мой дом». Все дома, построенные Лишне-вским, я называю «своими» или «наши-ми». Так говорили бабушки. Я ска-зала, что дом построил дедушка. Меня в школе устыдили одно-классники. Отца вызвали к ди-ректору, посчитав, что я – лгуня. Вышло неудобно, но отец под-твердил: дочь говорит правду». При новой власти Лишне-вские жили только в коммуналках, со-седей-пролетариев, приехавших из деревень, учили пользо-ваться уборной. Лидия Александров-на очень любила фильм «Соба-чье сердце», узнавала знакомый быт с соседями.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ АРХИТЕКТОР

В 1930-е Александр Лишне-вский участвовал в работе Коми-тета по охране памятников и сохранению городского насле-

Александр
Лишне-вский.
1930-е годы

Дом Ш.-З. Иоффа
с высоты
птичьего полета

дия Ленинграда. Все это время продолжал работать: построил больницу имени Петра Великого, школы, оборонительные сооружения под Петроградом, участвовал в обустройстве могил на Марсовом поле. Был принципиален в работе, строг, неуступчив.

«Я горжусь предком, – гово-рит 29-летний Леонид Корни-евский. – Иногда, проезжая по городу, обращаю внимание на дома, и нередко взгляд цепля-ют именно «наши».

От Александра Львовича сохра-нилось не много вещей: шка-фы, дубовый буфет, стулья, пенсне, печать, альбомы с фо-тографиями архитектурных красот Европы – подарок зятя Сергея Турковского.

Петербург Александр Львович очень полюбил. До эвакуации обходил свои дома – первую зиму блокады Александр Льво-вич провел в Петербурге. Он скончался 6 февраля 1942 года от дистрофии в ярославском го-спитале, куда его вывезли по Дороге жизни. А любимые «ка-менные дети» уцелели, несмо-тря на бомбежки Ленинграда. Причудливые, сказочные, на-смешливые – и вечные.

ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

АВТОР

АЛЕКСАНДРА ЗАБРОДИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, БОЛЬШЕ ИЗВЕСТНЫЙ КАК МУЗЕЙ ПОБЕДЫ НА ПОКЛОННОЙ ГОРЕ, ЗАДУМАЛИ ПРИ ХРУЩЕВЕ, В 1955-М, РЕШИЛИ СТРОИТЬ ПРИ БРЕЖНЕВЕ, В 1975-М, ЗАЛОЖИЛИ ПРИ ГОРБАЧЕВЕ, В 1985-М, А ОТКРЫЛИ ПРИ ЕЛЬЦИНЕ, В 1995 ГОДУ. ДОЛГОСТРОЙ, НЕВОЗМОЖНЫЙ ДЛЯ СТРАНЫ, ПЕРЕЖИВШЕЙ САМУЮ СТРАШНУЮ В СВОЕЙ ИСТОРИИ ВОЙНУ, ВОПЛОТИЛСЯ В ЖИЗНЬ В ДВУХ ПРЕДЕЛЬНО ОФИЦИОЗНЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ СТИЛЯХ – ПОЗДНЕСОВЕТСКОМ ТОМСКОГО-ПОЛЯНСКОГО И ЛУЖКОВСКОМ ЗУРАБА ЦЕРЕТЕЛИ. ПРИ ЭТОМ ЗАЛЫ МУЗЕЯ СЕГОДНЯ ЗАБИТЫ ПОД ЗАВЯЗКУ, А НОВАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ПРЕТЕНДУЕТ НА ТО, ЧТОБЫ ПОГРУЗИТЬ ПОСЕТИТЕЛЯ В СКОНСТРУИРОВАННОЕ ПРОШЛОЕ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ музей Великой Отечественной войны был задуман как музей воинской славы, торжества и величия победителей – почти в античном смысле этих понятий. Сквозная аллея Парка на Поклонной горе, где он стоит, открывается памятником солдатам Первой мировой, а заканчивается памятником солдатам локальных войн – предтечей и продолжением героев Великой Отечественной. От входа в музей расходятся ряды колонн, интерьеры отделаны мрамором и гранитом, а внутренние пространства построены так, чтобы самый несведущий в истории великой войны, пройдя через залы, ощутил мощь силы, сокрушившей фашизм. Этот подход и определил логику экспозиции неоднозначного для специалистов, но любимого посетителями музея.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА И ЛИЦА ПОБЕДЫ

Полутемное пространство первого зала – Исторической правды – разделено полукружьем стен на две части. Здесь – предтеча войны, попытка показать ее истоки и идеологию. В одном крыле – Германия, в другом – СССР. В немецкой хронике черные шеренги маршируют по улицам Берлина, гитлеровские солдаты сносят пограничный шлагбаум в Польше, едут на танках по ржаным белорусским полям. В советской хронике – рабочие московских заводов вступают в ополчение, Родина с плаката Ираклия Тоидзе уже зовет сделать единственно правильный выбор, на фотографиях – остовы сожженных городов, на витринах – снаряды, которыми по городам стреляли. На входных щитах – страшные цифры наших потерь: «убито», «угнано в Германию», «разрушено».

История строительства музея на Поклонной горе растянулось на сорок лет

Зал выводит в длинный коридор, завершающийся скульптурой скорбящей женщины. С потолка свисают бесконечные ряды латунных цепочек, похожих на струи воды. Всего их здесь 2 миллиона 660 тысяч, объясняют сотрудники музея. Каждая цепочка – в память о десяти унесенных жизнях, инсталляция – плач по всем 26 миллионам 600 тысячам погибших. Пока идешь под этим колышущимся потоком невидимых слез, на стенах коридора возникают и уплывают в никуда тысячи лиц. Светлые, красивые, полные внутреннего достоинства лица героев – совсем юных и пожилых солдат великой войны. Эта часть экспозиции – будто пришедший сюда навсегда Бессмертный полк – носит название «Лица Победы», и от этих лиц невозможно отвести взгляд. Ветераны уходят, потомкам уже некого расспросить об их военных дорогах. Но теперь любой может отправить в Музей Победы фотографию своего деда-фронтовика, его сохраненные воспоминания, анкету, которую удалось найти в архивах. Эта информация пройдет проверку, и имя чьего-то близкого человека перестанет быть только семейной памятью, а навсегда станет историей страны.

БАТАЛЬНЫЕ ДИОРАМЫ

Зал «Лица Победы» выводит к первой основной экспозиции музея – «Подвиг Армии». Эта батальная часть музея в ее современном виде была открыта в мае 2019 года. Классические витрины в ней дополняют мультимедийные технологии. Сторонники строгих музейных форм видят в этом неуместное для музея памяти стремление развлечь публику. «Увлечь», – поправляют их сотрудники музея, полагая, что мультимедийные технологии заметно расширяют информационные возможности и помогают молодым видеть в экспонатах не чуждые безжизненные предметы, а обломки чьей-то судьбы. Поэтому здесь об истории вещей вам расскажут

Зал Памяти и Скорби отдает дань памяти 26 600 000 наших соотечественников, погибших в годы войны. Потолок оформлен подвесками из латунных цепочек. «Хрусталики», прикрепленные к цепочкам, символизируют слезы, выплывающие по погибшим

touch-пады, а об истории людей – актеры в фильмах-реконструкциях. В витринах музея нет этикеток. Там находятся сами вещи, а подробная информация об экспонате, его история, отсканированные архивные документы закачаны в память расположенного рядом мультимедийного планшета, к которому надо просто прикоснуться рукой, чтобы погрузиться в чтение. Экспозиция «Подвиг Армии» объединяет шесть объемных батальных полотен, шесть диорам, которые всегда были особенностью музея на Поклонной.

Каждая из них посвящена переломным событиям Великой Отечественной, о которых невозможно не знать любому носителю русской культуры. «Битва за Москву», «Битва за Сталинград», «Блокада Ленинграда», «Курская битва», «Форсирование Днепра» и «Битва за Берлин» – они, насколько позволяли технологии середины 1990-х, стремились дать почувствовать зрителю размах происходивших событий. Каждой диораме, размером 10 на 6 метров, отведен свой зал, стены которого расписаны картинами по мотивам представ-

Зал Исторической правды – выставочное пространство, где в концентрированном виде представлены все главные факты и документальные свидетельства о самой кровопролитной войне в истории человечества. Экспозиция посвящена предвоенному периоду и первым месяцам Великой Отечественной

Диорама «Оборона Ленинграда». Зритель видит панораму Невы, стрелку Васильевского острова, Петропавловскую крепость, канал Грибоедова, Банковский мостик. Этот вид не соответствует реальной топографии

ленной на диораме битвы, а в витрины помещены экспонаты того времени.

Пока диорама битвы за столицу показывает нам подмосковную Яхрому, с высот которой немцы в бинокли изучали город, на витрине можно рассмотреть ядра с Бородинского поля. Лежавшие там со времен войны с Наполеоном, они были выворочены из земли взрывами новой войны. А рядом с путеводителем по Москве для немецких солдат, подсказывающим, как лучше пройти к Кремлю, лежит наградная грамота генерала Михаила Григорьевича Ефремова.

Когда после кровопролитных боев на Ржевско-Вяземском выступе 33-я армия Ефремова попала в окружение, за генералом с «большой земли» посылали самолет. Но Ефремов отказался бросить своих солдат и до последнего пытался спасти армию, выводя ее к своим. Тяжело раненного генерала немцы пытались взять в плен, но тот предпочел смерть: застрелил свою жену, которая была санитаркой, и застрелился сам. Только в 1996 году Ефремову было присвоено звание Героя Российской Федерации, а грамота о посмертном награждении передана в музей.

ДЕРЕВО ФЛЁРОВА

Один из самых интересных экспонатов был найден в 1988 году в Смоленской области. Его в музее называют «деревом Флёрова». Капитан Иван Андреевич Флёров был командиром 1-й экспериментальной батареи реактивных минометов «катюша». За день до начала войны «катюши» были приняты на вооружение Красной армии. 14 июля Иван Андреевич впервые применил их в бою под станцией Орша. С июля по октябрь 1941 года Флёров совершил несколько успешных рейдов. Немцы

Экспозиция «Подвиг Армии» рассказывает о главных этапах Великой Отечественной. Интерактивные экраны представляют истории героев, рассказывающих о событиях от первого лица

были поражены мощью неизвестного им оружия русских и начали охоту за ним. 6 октября 1941 года во время возвращения с одного из заданий в Смоленской области батарея Флёрова попала в засаду. Оружие было секретным, ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы «катюши» достались врагу. Поэтому минометчики решили их взорвать.

Еще на заводе установки были снабжены взрывпакетами на случай необходимости подрыва. Когда работа была сделана, чтобы не попасть в плен и не выдать под пытками секретные разработки, с последним оружием капитан Флёров подорвал себя. От взрыва осколки металлического лонжерона врезались в соседнюю осину и остались там на десятилетия. И когда в 1990-е сотрудник Центрального музея Великой Отечественной войны приехал в поисках экспонатов в Смоленский музей, ему рассказали про уникальное дерево. С разрешения местных властей осину спилили, привезли на Поклонную гору, и теперь сросшееся с металлом дерево рассказывает о героическом капитане Флёрове в Музее Победы.

СОЛОМЕННЫЕ ВАЛЕНКИ И САБЛЯ ПОБЕЖДЕННЫХ

На диораме битвы под Сталинградом 64-я армия генерала Шумилова вместе с 62-й армией генерала Чуйкова замыкает кольцо вокруг 6-й армии генерал-фельдмаршала Паулюса. Но едва ли не больше батальной сцены об этом расскажут валенки, стоящие в витрине по соседству. Напав на Советский Союз, немцы не рассчитывали, что им придется воевать зимой. И когда ударили русские морозы, начали утепляться любыми доступными способами. Попавшие в музей эрзац-валенки немецкого солдата, обмотанные пучками соломы, первый акт капитуляции казавшейся непобедимой армии. Именно такие подлинные вещи, за которыми стоят истории реальных людей, придают жизнь застывшим диорамам. В витрине зала, посвященного блокаде Ленинграда, взгляд зацепит немецкий трофейный кортик. Какой-то красноармеец выломал вделанную в него свастику и вырезал на ее месте красную звезду, не желая на своих вещах – как и на земле Ленинграда – терпеть любое напоминание о фашистах. Освобождение Киева открыло Красной армии путь к госу-

Панорама «Оккупация» экспозиции «Подвиг Народа» рассказывает о потерях среди мирного населения и воспроизводит часть уничтоженной карателями деревни

В витринах экспозиции «Подвиг Армии» представлено обмундирование и личные вещи советских солдат и их врагов. Представлены в том числе реликвии, принадлежавшие полководцам Г.К. Жукову, И.С. Коневу, К.А. Мерецкову, В.Д. Соколовскому, С.К. Тимошенко, А.И. Еременко

дарственной границе СССР и дальше, через десяток освобожденных стран Центральной и Восточной Европы, – на Берлин. В витрине «берлинского» зала лежит сабля. Она принадлежала коменданту гарнизона Грайфсвальда, полковнику Рудольфу Петерсхагену. Небольшой город Грайфсвальд стоял на пути советских войск к Берлину. Полковник не хотел, чтобы при штурме гибли люди, а сам город был разрушен. Поэтому он поступил, как, с его точки зрения, требовали мно-

говековые воинские традиции. Когда русские подошли к городу, он договорился с ними о сдаче города без боя. Сабля была отдана, как и город, на милость победителям. Оружие приняли в дар, полковник был пленен, отсидел свой срок и вернулся в ГДР. В 1955 году, когда передвижение между ФРГ и ГДР еще было разрешено, Петерсхаген поехал в Западный Берлин проведать родственников. Там его «взяли в разработку» и хотели завербовать сотрудники американских

СЕМНАДЦАТЬ ПОДВИГОВ НАРОДА

Работа над экспозицией началась в 2018 году, к маю 2020 года она была готова, а в июне 2020-го открыла свои двери. Ее 17 залов посвящены семнадцати подвигам советских людей, которые сражались с врагом вне регулярной армии. Иногда эти подвиги были короткими и яркими вспышками, но чаще – повседневным упорным сопротивлением, растянутым на долгие годы войны.

В отличие от залов первой части музея здесь нет простора. Множество закоулков, нависающих сводов, ниш, комнат, затемненных углов. Размер населяющих пространство фигур равен росту взрослого человека, поэтому невольно вздрагиваешь, наткнувшись на них: они кажутся живыми. Отснятые по сюжетам залов фильмы-реконструкции проецируются на стены таким образом, чтобы их герои также сохраняли естественные размеры человеческого тела, поэтому посетитель невольно оказывается в пространстве кадра. Да и живые статисты, одетые то в полицейских, то в беженцев, то в медсестер, неявно различаемые в полутьме залов, заставляют внутренне сжаться.

Попадают на экспозицию через ворота, воспроизводящие ворота Брестской крепости. Муляжные камни несопоставимы с вызывающими трепет подлинными стенами бастиона, но даже этим театральным декорациям удается отбить границу между миром и войной и на два часа погрузить человека XXI века в слабое приближение того, что пережили его деды и прадеды. И этого слабого толчка оказывается довольно, чтобы дать ход еще не высказанному, не додуманному, но уже родившемуся вопросу: «Как же они, наши, были там? Как они смогли через это пройти, когда все было по-настоящему?»

Переступив порог между 2021 и 1941 годами, мы попадаем в последний предвоенный

спецслужб, требуя, чтобы он снабжал их сведениями о группе советских войск в Германии. Петерсхаген отказался. Тогда его отдали под суд, и хотя из-за почтенного возраста позже выпустили, но сначала признали виновным в том, что в 1945 году он без боя и потерь сдал город. Диорамой с изображением поверженного Рейхстага заканчивается выставка «Подвиг Армии» и начинается экспозиция, посвященная подвигу народа. Но путь к ней лежит через Зал Славы.

ОРДЕНОНОСЦЫ

Зал Славы – главный зал музея, здесь принимают присягу и получают награды. По периметру зала находятся 72 мраморных пилон. В алфавитном порядке на них позолотой вписаны Герои Советского Союза и, с 1995 года, – Герои России. Всего более 11 800 имен.

Первым трижды звание Героя Советского Союза во время Великой Отечественной войны получил летчик-ас Великой Отечественной Александр Иванович Покрышкин.

115 человек в этом списке – дважды Герои Советского Союза. А также Герои России.

Здесь можно найти и имя Ивана Андреевича Флёрова.

На колоннах у входа в зал увековечены имена 220 Героев Социалистического Труда и почти 2 с половиной тысяч полных кавалеров ордена Славы. После Зала Славы, чествующего солдат, можно попасть на экспозицию «Подвиг Народа».

На 72 мраморных пилонках Зала Славы увековечены имена более 11 800 Героев Советского Союза и Героев России

день. Небольшая комната, обставленная резной мебелью, вазочки-занавесочки, голос Утёсова из раструба патефона, книга 1940 года на этажерке – можно посмотреть! Семейная фотография за стеклом буфета подлинная: в гарнизоне Брестской крепости было около 300 офицерских семей. А за следующим поворотом, где для нас – в динамиках, для них когда-то – по-настоящему, слышен гул самолетов и грохот взрывов, где стены уже проломлены, а занавесочки сожжены, тебе навстречу бежит капитан Константин Касаткин, который пытается спрятать свою семью за стенами цитадели. Он еще не знает ничего: ни того, что это – война, ни того, что гарнизон крепости будет держать оборону 45 дней без воды и патронов, пока не погибнет, что измученных жен и детей офицеров Брестской крепости немцы возьмут в плен и расстреляют. Ничего этого еще не знает капитан Касаткин... какой он там – пластиковый? Из папье-маше?.. А все равно отсюда, из XXI века, хочется, чтобы он добежал...

Потом ты проходишь через крепостной двор, через разбомбленный гарнизонный лазарет, через брестские катакомбы, где на стенах воспроизведено завещанное нам «Умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина...».

А извилистая музейная дорога ведет дальше. По оккупированной территории, где в одном углу – стена здания комендатуры с приказами о расстрелах, в другом – нескончаемо ползущий под потолок список сожженных деревьев. Где в зале эвакуации горожанин 2021 года может забраться внутрь знаменитой теплушки, в которой неделями его бабушки и мамы ехали в эвакуацию, а на большом touch-экране подробнейшим образом рассмотреть их бесконечные дороги – из Петрозаводска в Оренбург, из Тулы в Челябинск.

Мирные картины последнего дня перед войной открывают экспозицию «Подвиг Народа»

Уезжавшие в тыл не только бежали от смерти. Они ехали, чтобы на пустом месте за пару месяцев развернуть работающие производства и гнать обратно, на запад, собранные их руками танки, патроны, снаряды. Фильм-реконструкция зала про подвиг тыла показывает нам, как женщины и дети за станками собирают знаменитый пистолет-пулемет Шпагина – до полутора тысяч единиц в день. Рядом на столе лежит настоящий разобранный ПППШ – можешь сам попробовать собрать.

Соседний зал превращен в заводской цех. Посреди него стоит станок военного времени, на котором производилась закупорка пуль. Неподалеку выставлен подлинный мотор пикирующего бомбардировщика Пе-2 – его нашли во время поисковых работ. Тут же находится интерактивный touch-шкаф. Наводя лупу то на одну, то на другую хранящуюся за стеклом вещь, предназначение которой мы в 2021-м уже не вполне понимаем, можно узнать, что это за предмет.

Агитационные листовки, призывающие сдаваться неггибаемых защитников Брестской крепости, стали частью экспозиции

СКАЛЬПЕЛЬ, ГАРМОНЬ, КНИГА

Переход в следующий зал – и мы попадаем в Беломорский эвакуационный госпиталь. Как и многие тыловые госпитали, он располагается в здании школы: школьные помещения заменяли переполненные больницы. На дисплее в виде классной доски можно почтить о выдающихся советских врачах Бурденко и Вишневском. В соседней комнате над операционным столом склонились люди, мы видим только их тени. По придуманной музеем легенде, именно Вишневский проводит там операцию. Лица, снизу доверху заполняющие одну из стен следующего

зала, звучащие здесь голоса знает каждый, знакомый с историей советского искусства. Здесь – его золотой фонд. Настоящие звезды, они не раз выезжали на передовую, выступали перед солдатами во фронтовых бригадах. Оперный тенор Лемешева, мощь народных песен Руслановой, теплый голос Шульженко, яркая красота Орловой, изящество движений Улановой, острый юмор Райкина, режиссерский талант Сергея Эйзенштейна – все это было вкладом в будущую Победу. Можно залезть на борт стоящей здесь настоящей машины-полуторки и спеть самому. На экране перед сценой развернется действие фильма-реконструкции. Соберутся бой-

Врачи военных и тыловых госпиталей до конца выполнили свой профессиональный долг, выживая, а нередко и ценой своей жизни защищая раненых

цы, начнут тихонько подпевать. Эта нарисованная идиллия бесконечно далека от прифронтовых концертов, где веселый гармонист получит пулю в следующем бою, но строки про синий платочек, пропетые в 2021 году в московском музее с борта старого грузовика, сдвинут что-то в генетической памяти, пробиваясь сквозь папье-маше к тем, настоящим, в окопах.

ЗАМУЧЕННЫЕ ЛЮДИ, РАЗГРАБЛЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

А в следующем зале горят в полутьме тусклые лампы: эта экспозиция посвящена подпольному движению на оккупированной территории. Знаешь, что перед тобой инсталляции, а все равно становится не по себе. Здесь возвышается сделанный один в один шурф шахты, куда сбросили молодогвардейцев. Здесь воспроизведена расстрельная стена, на нее нанесены тексты подлинных надписей, которые обреченные на смерть подпольщики оставляли в застенках гестапо.

Еще одна трагическая история, о которой рассказывает экспозиция, – потерянные культурные ценности. Посетители музея оказываются в зале, который имитирует Екатерининский дворец Царского Села. Какой-то офицер дает указания солдату, снимающему со стены драгоценные панели Янтарной комнаты. Инсталляция вновь

Видеоинсталляция, имитирующая вход в лагерь Освенцим с циничной надписью «Труд освобождает», напоминает о миллионах людей, превращенных там в прах

изображает реального человека. Это – граф Эрнст Отто фон Сольмс-Лаубах, до войны куратор и директор Франкфуртского исторического музея, призванный в оккупационную администрацию, чтобы отбирать для вывоза в Германию культурные ценности СССР. Советские специалисты не успели вывезти Янтарную комнату, ее пытались спрятать, задрапировать, но это мало помогло. Янтарную комнату разобрали и осенью 1941 года вывезли на грузовиках в Восточную Пруссию. Музейная экспозиция своими средствами пытается нам показать, как это было. Последний «русский» зал приводит нас в Новгородский кремль 1944 года, где на снегу лежат скульптуры разобранного памятника «Тысячелетие России». Мужчину с деревянной тростью, который руководит погрузкой награбленных ценностей на грузовик, зовут Курт фон Херцог. Генерал артиллерии Херцог хотел вывезти новгородский памятник в Германию, массивные фигуры чудом не успели погрузить на грузовики. Посетители музея, как невидимые гости из будущего, бродят среди участников разворачивающейся драмы.

Наша страна понесла в войне также невосполнимые культурные потери. Немцы, захватив город Пушкин, разграбили Екатерининский дворец, похитили и Янтарную комнату

КОНЦЛАГЕРЯ И КОФЕЙНИ

Музею, оторванному от места памяти, трудно конкурировать с мемориальными комплексами Освенцима или Трешлинки. Но именно там погибли миллионы советских людей, поэтому главный государственный музей Великой Отечественной не мог не отдать им дань памяти. В экспозиции музея есть вещи, переданные из мемориального комплекса лагеря Майданек. Остатки костей из крематория, баночка с гранулированным газом «Циклон», нашивки с лагерной робы. Под надрывный лай собак прямо на нас движутся с киноэкрана фигуры людей – и рассыпаются в прах. Витрина рассказывает и о движении Сопротивления, которое существовало почти в каждом лагере. Почти всегда его инициаторами и участниками были советские заключенные. С 2013 года в 146-м блоке лагеря Биркенау работает российская экспозиция, посвященная нашим погибшим соотечественникам. Первый раз экспозицию открывали в 2011 году, но быстро закрыли, потому что польским властям не понравилась карта Европы, на которой в 1941 году уже не было Польши.

а потом над входом в парламент эта штурмовая группа установит Красное знамя – прообраз Знамени Победы.

Здание Рейхстага в музейной экспозиции реконструировано так, как оно выглядело в 1945 году. Все надписи точно повторяют подлинники, вплоть до того, чем они были сделаны – белым мелом или черным углем. Фамилии, оставленные на стенах Рейхстага в 1945 году, тоже перенесены сюда. В 2020-м в музее реконструировали еще одну надпись: «Сталинград–Берлин, Битяновы. 2.V.45 г.». Отец и сын Битяновы начинали воевать у Сталинграда. Битянов-старший получил ранение в ногу и был демобилизован. Тогда он попросил сына, если тот дойдет до Берлина, расписаться и за него. Битянов-младший дошел. И расписался на Рейхстаге за обоих.

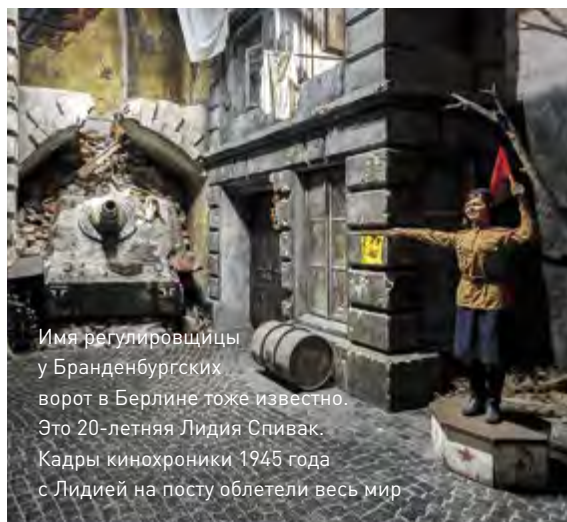
ВАЖНЫЕ ВОПРОСЫ

В рамках национальной памяти, эталоны которой заданы такими подлинными местами концентрации боли, как руины Брестской крепости или Мамаев курган, интерпретация истории Великой Отечественной, как ее понимают на Поклонной, нуждается в объяснении. «Почему музей выбрал именно такой подход?» – спросила я у сотрудников. «Инсталляции и интерактивные технологии наиболее понятный способ показать молодым, в какой обстановке разворачивались события Великой Отечественной войны, – ответили мне. – Посещение музея – первый толчок к возникновению личного интереса. Попавший в инсталляцию Брестской крепости никогда не узнает, что на самом деле пережили ее защитники, но желание больше почтить о войне – придет. Мы хотим, чтобы молодые посетители музея попытались понять своих ровесников 1941–1945 годов. Как они мыслили? Что ими двигало? Почему они шли защищать свою страну? Военному поколению мы обязаны слишком многим, и это – веская причина задавать себе подобные вопросы».

ПОБЕДА И ПАМЯТЬ

Из берлинских квартир мы попадаем на Королевскую площадь, к зданию немецкого парламента. Солдаты, которые бегут мимо нас – реконструированные реальные участники штурма Рейхстага. Вот лейтенант Сорокин, вот старший сержант Лысенко. Они были военнослужащими 674-го стрелкового полка и одними из первых вошли в здание Рейхстага во время второго штурма. Самый молодой из этой группы – Григорий Булатов, ему 19 лет. За пазухой он держит красное полотнище. Днем 30 апреля сначала на окно второго этажа,

В панораме «Штурм Берлина» воспроизведены реальные персонажи. У 19-летнего Григория Булатова за пазухой Красное знамя, чтобы водрузить его на одном из этажей Рейхстага

Имя регулировщицы у Бранденбургских ворот в Берлине тоже известно. Это 20-летняя Лидия Спивак. Кадры кинохроники 1945 года с Лидией на посту облетели весь мир

Логика музейного маршрута следует за солдатами Красной армии и приводит нас в отбитые у фашистов города Европы. На экране следующего зала показывают советскую хронику: наши солдаты идут по улицам европейских городов, заваленные цветами – их встречают как освободителей. Здесь же реконструирован в натуральную величину один из уголков Вены 1945 года. Рядом с кофейней родоначальника венского кофе Юлиуса Майнла, где, кажется, до сих пор не выветрился невоенный запах свежего кофе (его используют в инсталляции), стоит полевая кухня. Навечно застывший сержант с медалью «За оборону Ленинграда» – знающий цену хлебу – кормит венцев наваристой русской кашей. Мы идем вслед нашим солдатам по представшим их взглядам зажиточным берлинским квартирам. Стоят мольберты, разложены кисти, здесь жил молодой художник – в инсталляции использовали множество подлинных вещей, которые были куплены на блошиных рынках, чтобы передать атмосферу того времени. Однако в прихожей художника оборудован дот. Искусство – не препятствие для того, чтобы убивать.

РЫБА, ЛУК И СТАРОВЕРЫ

АВТОР

МАКСИМ ГУСЕВ

ФОТО

АВТОРА, ЕВГЕНИИ ГУСЕВОЙ
И ПАВЛА ВАРУНИНА

РЕДКОЛЕСЬЕ, ПОЛЯ И БОЛОТА, РАСКИНУВШИЕСЯ НА ДЕСЯТКИ КИЛОМЕТРОВ, МИНИМУМ ИНТЕРЕСНЫХ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ, ОБИЛИЕ САМЫХ РАЗНЫХ ПТИЦ, ЧУВСТВУЮЩИХ ЗДЕСЬ СЕБЯ ВОЛЬГОТНО, И ПОСЕЛЕНИЯ СТАРОВЕРОВ, БЕЖАВШИХ В XVII И XVIII ВЕКАХ ИЗ РОССИИ... ВСЕ ЭТО ЭСТОНИЯ – КРОХОТНАЯ СТРАНА, ГРАНИЧАЩАЯ С ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТЬЮ.

«**3** ДЕСЬ РУССКИЙ дух, здесь Русью пахнет», – то и дело думал я, открывая для себя эстонское Причудье. Вдоль Чудского озера от городка Муствеэ через деревни Казепяэ, Калласте, Колкья, Варнья, Рая и до самого Тарту тянется старый Петербургский тракт, где моленные староверов нахо-

дятся иногда в 3–5 километрах одна от другой. Это небольшая по меркам бескрайней России территория, некогда чуть ли не полностью заселенная старообрядцами из Пскова, Новгорода и Тверской губернии, которые укрылись здесь от церковной реформы XVII века. Рыбаки и огородники на чужбине рук не опустили и занялись тем, что

хорошо умели и в чем преуспевали. Так в Эстонии появились «странные» люди, со временем органично вписавшиеся в местную жизнь. Сотни лет живут они здесь, совсем недалеко от границы с родиной предков. Они вычеркнули себя из истории России и начали новую жизнь, оказавшуюся заметно проще той, что была суждена их родным по духу и вере русским людям – тех гнали и преследовали, заставляя отказываться от убеждений.

«УГОЛОК РУСИ» НА ОКРАИНЕ ЕВРОПЫ

Старообрядцы, начав здесь жизнь с чистого листа, преуспели и заполнили не одну страницу эстонской летописи. Они обжили территорию, установив свои правила и порядки. И хотя этот «уголок Руси» на окраине Европы сохраняется и в наши дни, многое здесь отличается от того, чем «богаты» хранители дораскольной веры в границах Российской Федерации.

«Прибалтийские староверы более светские, чем российские», – говорит Павел Варунин. С 1998 года он – председатель Союза старообрядческих

В деревне Рая на берегу Чудского озера в годы войны пострадал местный храм во имя Николы Чудотворца. Остался лишь его фасад – но как же он прекрасен!

Старообрядческая моленная в Тарту выглядит опрятно, а вокруг уютная территория, которую в праздники и в воскресный день наполняют прихожане...

общин Эстонии. Мы беседуем с ним за чашечкой кофе в родном для него Тарту после небольшой экскурсии по центру этого небольшого городка. Из разговора я узнаю, что в бытовых вещах у «эстонских русичей» нет никакого оголтелого фанатизма: в повседневной жизни женщины могут и брюки надеть, а если в будний день гулять по городскому парку, то можно пройти мимо человека и даже не понять, что он – старовер. В Эстонии стараются не употреблять слово «старообрядцы», считая, что оно слишком узкое и сводит суть их веры к одной только обрядовости, хотя это далеко не так. Они называют себя «древлеправославными христианами», а для людей внешних именуются «старове-

рами». Молятся без священников – отсюда их наименование «беспоповцы» – и свободны настолько, что вольны принимать общинные решения, часто не подконтрольные Союзу. Поэтому часть из них максимально открыта для гостей. Государство по поводу и без рекламирует их туристам.

«Мы самостоятельны и никак не связаны ни с Латвией, ни с Литвой, ни с Белоруссией, ни с Россией», – Павел говорит об этом с гордой уверенностью. Но признает, что многие из его братьев и сестер по духу стали разменной монетой для действующих под эгидой государства туристических фирм, которые не придумали ничего лучше, как взяться за раскрутку «староверского» бренда.

В Причудье все помнят о суровых зимах, поэтому и о дровах – большинство моленных отапливается печами – задумываются с ранней весны

МОНЕТИЗИРОВАТЬ СТАРИНУ

Еще на рубеже тысячелетий в Эстонии была разработана программа развития регионов. При этом все понимали, что каждой местности нужен свой туристический магнит. Болото с пешеходной тропой, обрыв Тюрисалу, рыбацкая деревня на берегу Балтийского моря – было ясно, что этого недостаточно. Потому и появился «Луковый путь» – дорога протяженностью около 100 километров для путешественников, желающих поплотнее познакомиться с Эстонией. Она пролегает вдоль берега Чудского озера и ведет в деревеньки и села, жители которых занимаются выращиванием уникального, как все здесь уверяют, лука.

Тут-то и вспомнили власти, что здесь есть староверские моленные. Стали ставить туристические указатели. Правда, сначала обратились в Союз старообрядческих общин, хотели понять, как сами верующие отнесутся к этой идее. Пришли не с пустыми руками – пообещали возможность монетизировать старину.

«Я не против того, чтобы храм был магнитом. Но как только он перестает быть сакральным местом, начинается моральное разложение деревни», – рассуждает Павел Григорьевич и говорит, что сразу сказал единоверцам: категорически возражает, чтобы общины открывали туристам храмы и брали за это плату. – Но мое мнение носит лишь рекомендательный характер, поэтому я не удивился, когда несколько приходов занялись подготовкой документов для взаимодействия с властями и представителями туристической индустрии. Кстати, одна из общин после обсуждения на нашем соборе (всеобщем совещании общин) демонстративно вышла из Союза: верующие решили, что с помощью туризма можно неплохо заработать и поправить материальное положение отдельных прихожан. Это их выбор, их путь».

ОТ ПИКА СВЯТОСТИ ДО ПИКА НИЗОСТИ

Вскоре стало понятно: идея привлекать туристов якобы особым луком, копченой рыбой и староверами оказалась эффективной. Ведь если в России все «избалованы» возможностью встретиться со старообрядцами в любом месте – от Москвы до самых до окраин, – то европейцы мало что знают об этих людях и готовы раскошелиться, чтобы увидеть их, пообщаться и сделать фото на память. Как и было обещано, за прием туристических групп общины стали получать живые деньги: моленные начали меняться к лучшему, территории перед храмами – преображаться. «Люди постепенно привыкают к туристам, к тому, что сами они, староверы, вроде бы всегда таинственные и от всех закрытые, становятся вдруг экспонатами. Привыкают, что в церковной кассе всегда есть средства, и уже готовы к другим шагам: выйти к гостям в сарафанах или дойти вообще до абсурда, например в пост жарить сосиски у храма, чтобы кормить ими «дорогих гостей». Не удивлюсь, если скоро и этот аттракцион появится». – Павлу Варунину ничего не остается, кроме как разводить руками от сожаления, что веру его и сотен других людей их же братья стали обменивать на «сребреники».

Соглашения, которые подписали общины с департаментом по туризму, предполагают, что у староверов нет права на отказ: даже если приезжают туристы в шор-

Аисты столь же привлекательны в этих местах, сколь и староверы. И тех, и других сфотографировать очень непросто. Мне, считайте, повезло!

Чудское озеро во всей своей красе. Не сказать что оно выглядит как-то особенно уникально. Но все леса и луга вокруг населены птицами – рай для орнитолога!

тах и майках, их нельзя не пускать. Или если вдруг из автобуса вываливаются подвыпившие финны с банками пива в руках, а то и женщины в купальниках – общине же заплачено за прием, потому и отказывать им нельзя. Варунин смеется: мол, некоторые события развиваются по синусоиде – от пика святости до пика низости; людям надо пережить нижнюю точку, чтобы вспомнить о высшей.

Наплыв туристов наблюдается с конца весны и длится все лето. Ежедневно десятки автобусов курсируют вдоль озера по деревушкам, которые, кажется, росли одна в другую. Одинаковые разноцветные пряничные домики как с открытки, везде чистота и порядок, изредка можно встретить местного жителя.

АИСТЫ ЛЕТАЮТ, А ЛЮДИ ЖДУТ ГОСТЕЙ

Изредка – потому что при численности населения Эстонии в 1,3 миллиона человек (большинство, как водится, концентрируется в городах) на сельскую местность приходится буквально горстка населения. И неудивительно, что, катаясь по деревням и поселкам, иной раз чаще видишь грациозных аистов, выюющих гнезда у жилых домов, чем самих людей. Те или в избах сидят, или заняты делами на задних дворах и в огородах.

Как староверы привлекают неискушенных европейцев, так и аисты – всякого, в чьей душе есть тяга к прекрасному. Невозможно не заметить этих великолепных птиц. Едешь по

ПЕРЕБЕСИТЬСЯ, ЖЕНИТЬСЯ, НАБИТЬ ШИШЕК

Павел Варунин родился и вырос в Тарту, потом служил в армии и учился в Центральной России, а после вернулся на родину. Староверов в Тарту много, их средний возраст, понятно, ниже, чем в тех же деревнях Причудья. Но главное не в этом, а в том, что молодежь вообще есть. Варунин объясняет: вклад в будущее, который он и его единомышленники делают уже много лет, приносит плоды.

«Мы в Эстонии проводим много мероприятий для подрастающего поколения – ребят приходится учить буквально всему, – говорит Варунин. – Есть дети – это не шутка, – которые не знают, как пекут хлеб. Они не видели печей, в которых румянятся караваи, не знают, как шьют одежду, незнакомы с физическим трудом».

Может, поэтому так популярны здесь детские старообрядческие лагеря? Начинаются и завершаются они общими богослужениями, но между ними каждая минута у парней и девочек расписана: уроки церковнославянского языка сменяются рукоделием – ребят учат плести пояса, шить рубахи, рассказывают, что такое золочение, учат каллиграфии и набойке. Потомственному староверу Варунину есть чем поделиться с подрастающим поколением. Мало того что он известен как детский писатель со своей книгой «Ряпуша» (под этим именем у него выведен собирательный образ старообрядца), основанной на историях из жизни верующих, так в 2019 году стал еще и победителем государственной литературной премии со сказкой-азбукой для детей и молодежи «Славка и страна Древлесловия», оказавшейся интересной не только верующим, но и людям, далеким от религии. «Современные молодые староверы – это точно такие же ребята, как и все остальные, – убеждает Варунин. – Моя главная задача сейчас зерна посеять, как их сеяли в нас наши родители и деды. Они взойдут через много лет! Они взойдут через много лет!

трассе, вдруг – аист: или летит, или сидит в гнезде, свитом на каком-нибудь столбе или на крыше дома. И как только из-за них не происходит аварий? Мы с женой, заприметив такого красавца, тут же притормаживали, сворачивали на обочину и бежали с фотоаппаратом «ловить» очередной «лучший кадр». Несколько раз повезло увидеть аистят, выглядывавших из гнезд.

Чем-то они напоминают привыкших к туристам староверов. Стоит автобусу с иностранцами показаться на улице – они тут же выглядывают, выходят из ворот, стоят у калиток и ждут гостей: те обязательно попросятся в огород, чтобы увидеть лук. А если приехали в День буфетов – он проводит-

ся весной и осенью, – то и заходить никуда не нужно. У домов к их приезду уже выставлены самодельные прилавки с выпечкой и оригинальными яствами, мимо которых уж точно ни пройти, ни проехать. Говорят, когда в 2019 году этот день совпал с последним и самым строгим днем Великого поста, один из прихожан общины, активно занятой в сфере туризма, возмутился. «Праздник живота» для приезжих решено было перенести... Из 11 эстонских общин староверов три (в Таллине, Тарту и на острове Пийрисаар на Чудском озере) к «Луковому пути» отношения не имеют. Из оставшихся половина ждет очередного туристического сезона как манны небесной.

Павел Варунин провел для нас с женой Евгенией экскурсию по Тарту – умно, нескудно и временами даже иронично

Молодежные встречи проводятся здесь не для галочки, а для того, чтобы ребята и девочки научились делать руками хоть что-то

Я верю в это, как и в то, что сейчас ребята и девчонки должны перебеситься, жениться, набить шишек. В итоге они вспомнят, кем были в детстве, в какие лагеря ездили, чему их там учили, и эти семена – книги, встречи, общение – станут для них предметом гордости за свое прошлое».

Есть и поводы для грусти, которые пожилые эстонские староверы называют трагедией: молодежь вступает в браки с иноверцами, разъезжается, выбирая для жизни страны «большой» Европы. Уезжают в Финляндию, Норвегию, Швецию, а вот в Россию не хотят – не манят исторические корни, хотя «обмен опытом» у эстонцев с русскими старообрядцами проходит регулярно в рамках все тех же молодежных лагерей.

«НЕ БЫЛО У НАС ТАКОГО НИКОГДА»

Молодежные встречи проходят в Колкье: здесь мальчишки и девчонки с педагогами-наставниками живут в кемпинге, на занятия собираются или в сельском Доме культуры, или в гостевом центре Причудья «Дом Ряпуши», организованном одной из местных семей с подачи Павла Григорьевича. У него давно была идея собрать в таком вот «музее» все, что связано с нематериальным наследием древлеправославия. «Давайте сделаем дом того, о ком все слышали, но кого никто не видел», – предложил как-то он и объяснил: все знают рыбу корюшку (ряпушку), которую вылавливают в Чудском озере, а ему захотелось сделать хозяином этого дома героя Ряпушу. Здесь происходит знакомство с ремеслами и бытовыми традициями. В прошлом году Варунин сделал реплику-копию печатного станка Ивана Федорова, так что теперь в «Доме Ряпуши» можно на ручном печатном прессе отпечатать лубочную картинку.

Гордостью «Дома Ряпуши» стала кубовая набойка, воссозданная по воспоминаниям старожилов: павловопосадский платок создается в этой же технике – на ткань наносится рисунок посредством

Павел Григорьевич лично занимается с юными старовеерами – он уверен: его слова все они рано или поздно вспомнят с благодарностью

штампа. «Есть два вида штампа: манера, который задает контур будущего рисунка, и цветки – то, что расцветчивает его потом, – рассказывает Варунин. – Вся ткань в цветочек – это штамп. В Эстонию эта техника попала из России, где существовали два вида набойки – верховая и кубовая. Мы воссоздали технику, причем не как аттракцион для туристов, а как реальное производство. И теперь у нас есть то, что мы можем передать следующим поколениям. Ремесло в «Доме Ряпуши» это как

раз то, что у нас хорошо получилось наглядно представить. Для экспозиции мастерица-эстонка сшила передники, штаны, платья из ткани, которые носили наши предки. И многие люди впервые увидели, что, оказывается, их деды такое носили, хотя некоторые уверенно доказывали, мол, «не было у нас такого никогда». Есть здесь и музей старообрядчества, экспозиция которого составлена из реальных вещей староверов прошлого и настоящего. Говорят, собирали вещицы сооб-

Ряпуша – герой рассказов Варунина, чей же, как не его, образ использовать для презентации книги?!

Свои книги автор иллюстрирует сам!

КОРМЯТ ТЕМ, ЧЕМ ЗАВЛЕКАЮТ

С конца апреля жители деревень на берегу Чудского озера готовятся к огородному сезону. И то, как они это делают, уже само по себе примечательно. Из-за особенностей песчаных почв грядки здесь для хорошей урожайности надо делать высокими. Скажем, под лук – в среднем до 70 сантиметров высотой. Причем «строят» гряды ежегодно, так как после зимы они «теряют в росте».

«В середине мая будем садить, – говорит странным, будто ворчливым тоном дед Парамон – так он представился. – Главное, до Николы вешнего успеть – мы его 22 мая чествуем».

Дед Парамон живет в самой, пожалуй, главной туристической деревне Причудья – Колкье, где все «завязано» на приезжих. С первых дней сезона ждут автобусов с туристами – те идут в тот самый музей старообрядчества, а потом обязательно прогуливаются по главной деревенской улочке, фотографируются с жителями, обедают в ресторанчике. Кормят туристов тем же, чем и привлекают: луковым супом, выпечкой – тоже, конечно, с начинкой из лука – и другими аутентичными блюдами, которые гости со всего мира вряд ли попробуют где-то в другом месте. Мой собеседник неохотно признался, что новый культиватор, удобную систему полива и велосипед он смог купить, благодаря многолетним доходам от приема туристов. Однако фотографироваться отказался.

«В РОССИИ Я ЧУЖОЙ»

«А почему вы все на велосипедах ездите?» – это один из главных вопросов, который задают туристы, оказавшиеся в любой из этих деревень.

Какого-то четкого ответа на этот вопрос здесь нет. Просто специфика такая. «Ты попробуй сними какого-нибудь местного деда с велосипеда и узнаешь, что он, может быть, еле ходит», – улыбается Павел Григорьевич и добавляет, что именно поэтому его книжный Ряпуша тоже ездит на

ща, работали с учеными. Сейчас здесь можно увидеть, как жили староверы на этих территориях в первые пару веков после переселения. По словам старейшины Причудской волости Нины Бараниной, почти все экспонаты принесли в музей жители близлежащих деревень...

И все же духовно эстонские староверы близки с российскими. Многие тут говорят: «Нас же только административные границы разделяют». Те же детские лагеря всегда проводятся совместно с гостями из России. «Они стараются свою молодежь к нам вывезти, хотя для меня важнее – и в этом вопросе я всегда тяну одеяло на

себя – моя молодежь, поросль из наших общин. Мне важно научить их хоть что-то уметь делать руками – пройдет время, и человек будет это ценить», – рассуждает Варунин.

Он предостерегает своих братьев и сестер по вере от «туристических плевел». На мечты о привлечении туристов отвечает: мол, если начнете – взвоете. Эту мысль он старается доносить до гостей из маленьких городков и деревень. Людям вроде бы хочется возродить свою малую родину, но кто-кто, а трезво мыслящие эстонские староверы знают: если привезти туда туристов – это может убить духовность.

А это, можно сказать, святая святых: внутреннее убранство одной из моленных – здесь чистота, порядок и тишина, которая нарушается только чтением молитв

Луковые грядки выше, чем в России. Эстонцы считают, что воссоздать нужную высоту после зимы это половина успеха для хорошего урожая

велике и живет в розовом домике. Кстати, чтобы книга была максимально близка к задумке, Варунин сам украсил ее своим любимым русским лубком, в создании которого, кажется, достиг совершенства. «Это старорусский жанр, народное православие, которое я стараюсь популяризировать – это фольклор, вобравший в себя поверья, суеверия, от которых в повседневной жизни никуда не деться», – объясняет он. А в России его за это даже критикуют: из уст ортодоксов звучат сомнения в идеальности некоторых рисованных сюжетов. Однако автор говорит, что из-за этого никакого предубеждения по отношению к родине его предков нет. «Так вышло, что моя родина – Эстония, но я бывал и бываю в России. Меня ничуть не смущает мусор на какой-нибудь улице в русской глубинке, как не смущает помойка в Греции, которая от российской отличается только тем, что ярко освещена солнцем и увита красивым плющом. Но лично я в России чужой, все мои корни здесь».

Эстонские староверы не зашорены во взглядах. Выражается это во всем: никто из них не отказывается от гаджетов, они любят хорошие автомобили, ездят в отпуска по Европе и миру, работают на компьютерах. А вот для староверов из Санкт-Петербурга было шоком, когда они узнали, что местная головщица и уставщица одной из общин улетела отдыхать в Ниццу.

ЧТО БЫВАЕТ, КОГДА «АЛТАРЬ НЕ КОРМИТ»

...Деревню Рая можно проехать, не заметив. А ведь ее обитателям-старообрядцам в свое время пришлось пережить немало скорбных минут. В наши дни и не подумаешь, что здесь был большой храм во имя святителя Николы Чудотворца: в годы Второй мировой войны он сгорел во время боевых действий, сохранился лишь его фасад, который и украшает теперь деревню. Кстати, здесь же когда-то жил, а ныне покоится на сельском

Большинство туристов едут с севера на юг страны, поэтому первая моленная на их пути – в городке Муствез. Размером она с большой храм!

Местное население привыкло передвигаться на велосипедах – это удобно, быстро и полезно для здоровья. А спешить им некуда

кладбище известный в Эстонии иконописец Гавриил Фролов. Он вместе с Пименом Софроновым создал целую школу старообрядческой иконописи. Ее продолжателями были Филипп Мызников, Марк Солнцев, из-под кисти которых выходили образа, ставшие основой иконостасов во всех моленных страны. «Вот как нам от России «откреститься», если мы знаем, что корни у этой иконописи выговские, то есть иконы мало чем отличаются от тех, которые можно встретить в храмах Русского Севера?» – говорит Павел Варунин. Сегодня в Эстонии насчитывается более 3 тысяч старообрядцев. «Дiasпора не очень

большая, во многом мы все родственники», – говорит председатель Союза старообрядческих общин. Приезжающих сюда россиян удивляет, когда привычные для России праздники, часто приходящиеся на будни, в моленных не служатся вовсе. «У нас же алтарь не кормит – и батюшка-наставник, и уставщик, и все-все-все трудятся на светских работах, поэтому привычные россиянам богослужения, как, например, Радоница, у нас почти нигде не совершаются. Да вот хотя бы наш наставник в общине города Тарту шофер в системе скорой помощи, он в это время на работе. Такие же волонтерские должности у всех певчих в хорах, у председателей общин».

Может, поэтому здесь ценят каждого человека, который тратит свое время, силы, а иногда и средства на созидание общины, ее укрепление и духовное развитие? Даже сгоревшую в 2017 году часовню на острове Пийрисаар, где община и десяти староверов не насчитывала при численности населения в 70 человек, восстанавливать решили «всем миром». И в этом – вся суть эстонских старообрядцев. ■

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru